

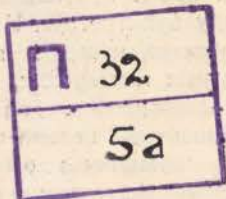
АРХИТЕКТУРА СССР

9 • СЕНТЯБРЬ • 1940

За социалистическую организацию труда архитектора. • Планировка
и архитектура квартала • Улица Новый Арбат в Москве • Новые
проекты жилых зданий в Москве • Справочник архитектора

АРХИТЕКТУРА СССР

№ 9 СЕНТЯБРЬ
МОСКВА 1940 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

ГОД ИЗДАНИЯ
ВОСЬМОЙ

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ТРУДА АРХИТЕКТОРА

К. АЛАБЯН

Рационализация творческого труда архитектора может быть осуществлена только на базе твердого выполнения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Мобилизуя весь советский народ на новый подъем социалистического труда, на новые победы во всех областях творческой деятельности — хозяйственной, культурной, организационной — указ этот имеет первостепенное значение для нас, архитекторов. Партией и правительством нам поручено почетнейшее дело строительства новых городов, изменение облика городов существующих, воздвижение новых сооружений, которые отображают лицо нашей замечательной социалистической эпохи. Жилые дома, общественные сооружения, здания для фабрик и заводов, новые школы и новые улицы — все это является результатом творческого труда советского зодчества.

Наш труд, рациональная его организация и максимальная его эффективность приобретают сейчас тем более важное значение, что СССР является единственной в мире страной, которая строит, строит неутомимо, воздвигает все новые и новые сооружения, умножая культурные ценности своего народа. Все остальные страны мира, раздираемые империалистическими противоречиями, переживают период жесточайшего кризиса. Крупнейшие страны мира, втянутые в империалистическую войну, буквально ежедневно, ежечасно разрушают огромное количество материальных ценностей. Разрушение великолепных сооружений, гибель городов, смерть тысяч и тысяч людей стали обычным, «бытовым» явлением в странах, которые привыкли кичиться своей многовековой культурой. Бремя кровавой империалистической войны, мрачная тень уничтожения легла и на те страны, которым до сих пор удается сохранить нейтралитет. Ибо и они вынуждены отказаться от всякого строительства, от всякого накопления новых материальных ценностей.

Только страна социализма, руководимая великим Сталиным, только она одна пользуется благами мира, мирного труда и культурного строительства. Но великий Сталин неоднократно учил нас, что мы не должны

забывать о нашем капиталистическом окружении, что мы никогда, ни при каких обстоятельствах не должны забывать об угрожающей нам опасности. Всемерное укрепление оборонной мощи нашей социалистической родины, неограниченное умножение ее сил и могущества, является основной и главнейшей задачей всех трудящихся, всех отрядов строителей социализма в нашей стране. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня имеет и огромное оборонное значение, так как он освобождает огромные творческие и трудовые резервы нашего народа для увеличения темпов нашего строительства, нашего производства, нашей оборонной промышленности.

Указ ставит перед всем фронтом советских архитекторов совершенно неотложные практические и организационные задачи, от разрешения которых зависит эффективность нашего творческого труда. Чем скорее и энергичнее мы за разрешение этих задач возьмемся, тем больших результатов мы добьемся.

Для этого нам нужно прежде всего окончательно искоренить из нашей среды некоторые, слишком глубоко засевшие, предрассудки. Имеется еще немало архитекторов, которые считают, что труд советского зодчества есть исключительно «творческая функция», что он не поддается никакой регламентации, что всякие требования четкого графика, нормированного рабочего дня и трудовой дисциплины только мешают работе. Не надо далеко ходить за примерами, чтобы доказать этим сторонникам идеи «свободного творчества», что во все века величайшие мастера художественной культуры творили именно в рамках организованного, до отказа уплотненного рабочего дня. Рабочий день Микельанджело был настолько загружен, что у него не оставалось времени даже для минимальной заботы о себе. Леонардо да Винчи работал от ранней зари и до поздней ночи, не только создавая замечательные произведения искусства, но и выполняя различные инженерные работы, математические выкладки и пр. А. С. Пушкин в свою болдинскую осень установил четкий трудовой распорядок не только в дневные часы,

но зачастую и во время ночного отдыха. Достоевский работал над величайшими своими романами, не отрываясь от письменного стола весь день и часть вечера, в течение многих и многих месяцев и годов. Крупнейшие мастера-режиссеры нашей страны, Вл. Ив. Немирович-Данченко и другие, работают, укладывая свои творческие планы в рамки строго нормированного рабочего дня. Репетиции, которые для них не являются только отправлением служебных обязанностей, но подлинной ареной творческого, окрыленного труда, начинаются и кончаются в твердо установленные производственным графиком театра часы. Эти мастера не только не испытывают от регламентации рабочего дня никаких неудобств, но, наоборот, именно этот твердый распорядок работы содействует максимальной эффективности их творческих усилий.

Архитектор является мастером, в творчестве которого объединены художественные, технические и научные элементы. Следовательно, архитектор не только может, но и обязан организовать свой трудовой процесс, придать ему наиболее производительные организационные формы. Нам кажется, что эта задача, — задача правильной организации рабочего дня советского архитектора в мастерской и вне ее, — является основой правильной реализации тех мероприятий, которые вытекают для нас из указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня.

В настоящее время в области организации труда архитекторов мы имеем зачастую неразбериху. Архитектурные мастерские Моссовета, которым поручено ответственнейшее дело выполнения плана социалистической реконструкции столицы и которые должны служить образцом для других архитектурных коллективов, до сих пор имеют самое превратное понятие о действительном производственном графике и о планомерной загрузке своего рабочего времени. Над мастерскими до сих пор довлеет своеобразная «сезонность». Весной в мастерских загрузка работой очень велика, иногда даже слишком велика, летом и в начале осени работы, наоборот, настолько мало, что начинаются, считающиеся «естественными», внутренние простои аппарата мастерских. В результате такого неравномерного распределения, неравномерной загрузки мастерских, они часть года работают слишком медленно, а другую часть года их заедает штурмовщина, лихорадочность неестественных темпов, спешка, нередко весьма отрицательно сказывающиеся на качестве проектной работы.

Впрочем, мастерские Моссовета в этом отношении отнюдь не являются исключением. Мастерская НКПС летом также почти не имеет работы, зато в конце года, в ноябре — декабре, работники мастерской буквально «заваливаются» большим количеством ответственных заданий, которые приходится выполнять с сверхнормальным напряжением всех сил коллектива мастерской. Темпы загрузки мастерской заказами отнюдь не зависят от руководства и от работников самой мастерской. Это совершенно очевидно. Но не менее очевидно то, что при соответствующем нажиме руководителей мастерских на своих заказчиков можно было бы отучить последних от их дезорганизующего труд архитектора отношения к своим собственным заказам.

Необходимо отметить, что наряду с отношением к зодчеству, как исключительно к «творческой единице»,

которое свойственно еще ряду архитекторов старшего и младшего поколений, мы имеем и прямо противоположное отношение к творческому труду архитектора. Целый ряд бюрократов и горе-хозяйственников, которые являются заказчиками в наших проектных мастерских, считают, что любой проект можно «сочинить» в два дня или даже в два часа. Эти вульгаризаторы весьма вредны для архитектурного дела. Их чиновничье отношение к выполняемым в архитектурных мастерских заказам приносит огромный вред советской архитектуре и всему нашему социалистическому государству.

Однако и внутри мастерской далеко не все упорядочено. «Художественное» отношение к производству, высокомерная трактовка графика — все еще занимают большое место в архитектурных мастерских нашей страны. Часто сам архитектор — автор проекта — не знает, как будет организован его завтрашний день.

Что собой представляют в настоящее время наши архитектурные мастерские? По существу, это неизмеренно разбухшие проектные конторы или даже тресты, в которых руководитель с трудом может учесть и самым поверхностным образом «санционировать» все поступающие в его мастерскую и исходящие оттуда проектные работы. Штаты наших архитектурных мастерских раздуты. Очень часто это — большие коллективы, состоящие из нескольких десятков, а то и целой сотни архитекторов, чертежников, работников административно-хозяйственного труда. Если мы проследим количественное взаимоотношение между творческой, технической и административно-хозяйственными частями штатов архитектурной мастерской, то мы будем поражены тому огромному проценту, который приходится на долю административно-хозяйственного персонала.

Совершенно очевидно, что и административно-хозяйственная и творческая части штатов мастерских должны быть сокращены до нормальных размеров, обеспечивающих руководителю мастерской не только возможность каждодневного подробного контроля над работой архитекторов, но и предоставляющих ему самому время для того, чтобы заниматься творческим архитектурным трудом. Нельзя ни в коем случае примириться с существующим положением вещей, когда такие видные мастера — руководители мастерских, как Щусев, Веснин, Фридман, Чечулин и другие, вынуждены все свое рабочее время уделять исключительно административным обязанностям. Для их творческой работы в качестве архитекторов-проектантов не остается буквально ни одной минуты в течение рабочего дня. В результате создается легкомысленная растрата творческих сил ведущих кадров нашего архитектурного фронта.

Нам кажется, что целесообразным было бы разукрупнение мастерских Моссовета, превращение их в подвижные, работоспособные, рационально организованные, небольшие творческие коллективы архитекторов, руководимые крупным мастером. В каждой такой архитектурной мастерской, при этом, вовсе не следует иметь полного штата административно-хозяйственных работников. Ряд мастерских, объединенных по территориальному принципу или по принципу характера проектирования, могут обойтись единым компактным штатом обслуживающих работников. Полновластным хозяином архитектурной мастерской должен, во всех случаях ее жизни, являться ее руководитель — архитектор. Адми-

административно-хозяйственная служба должна всегда являться аппаратом обслуживания, четкой исполнительницей плана и указаний руководителя мастерской.

Проведенные в ряде мастерских мероприятия по рационализации труда дали уже значительный эффект в налажении работы и создали возможность сократить штаты. В тресте «Ленпроект», например, проведена перегруппировка и перемещение административно-технического и подсобного персонала. Эти мероприятия почти на одну четверть сократили накладные расходы. В архитектурных мастерских Ленпроекта введены новые нормы и расценки, оплата сделанных проектных работ снижена на 25 %/а. Уже достигнуто резкое сокращение сроков рабочего проектирования; проекты, намеченные к сдаче в четвертом квартале, будут закончены в третьем квартале и т. д. Однако и тут сказалось — «неплановое» отношение к мастерским со стороны их заказчиков. Ленпроект не обеспечен до сих пор заказами и не в состоянии пока загрузить свою производственную программу на четвертый квартал.

В рабочем дне каждого архитектора имеются «пустые места», которые не заполнены ничем потому, что архитектор накануне не продумал своего рабочего графика. Ликвидация этих «пустых мест» и уплотнение рабочего дня архитектора является самой неотложной задачей.

Отсутствие плана и неравномерная нагрузка заказами в течение года породили в проектных мастерских и другое недопустимое явление — «платоническое проектирование», проектирование не для реального строительства, а «на полку». Проектная мастерская Моссовета, руководимая проф. Фридманом, построила и строит 73 сооружения объемом около трех с половиной миллионов кубометров. А «на полку» этой мастерской спроектировано 67 сооружений, объемом свыше 5 миллионов кубометров. В мастерской, возглавляемой Д. Н. Чечулиным, на 2 миллиона кубометров реально выстроенного приходится 2½ миллиона кубометров бумажного, «платонического» проектирования. Не подлежит сомнению, что такое положение вещей является совершенно недопустимым и что вся проектная работа мастерских должна осуществляться для реального строительства.

Вульгаризаторы пытаются опозлить и идею восьмичасового рабочего дня в архитектурной мастерской. Своим бюрократическим, чиновничьим отношением к самому смыслу уплотненного рабочего дня они ничего кроме вреда принести не могут. В свое время архитектурная общественность боролась за осуществление лозунга: «Архитектор, на леса!» Естественно, что посещение автором проекта строительной площадки, где запроектированное им сооружение превращается в реальное архитектурное здание, идет только на пользу делу, и мы нередко критикуем архитекторов за то, что они свою стройку посещают слишком редко. Но некоторые горе-руководители архитектурных мастерских (к счастью, это оказались не архитекторы) запрещают авторам проектов посещать строительные площадки «в рабочее время». Как будто непосредственное руководство работами на стройплощадке не является такой же законной работой, как и прочие виды деятельности архитектора.

Наконец, необходимо упорядочить и систему оплаты творческого труда архитектора. Здесь также нет полной ясности и необходимой точности.

Мы уже говорили об огромном значении вопроса о

правильной организации труда архитектора-автора. Ему должен быть обеспечен абсолютный покой; все данные и материалы, необходимые для его проектирования, должны находиться у него под рукой. К сожалению, во многих мастерских этому вопросу не уделяют достаточного внимания.

Не меньшее значение имеет и вопрос о предварительных проектных заданиях. Управление планировки и Управление проектирования не дают, например, мастерским, которым поручено проектирование городских магистралей, детально разработанного предварительного задания. Из-за отсутствия эскизов магистралей архитекторам приходится решать свой ансамбль в порядке авторских «исканий». Эти искания, однако, оплачиваются с погонного метра фронта магистрали. Такой порядок проектирования ложится тяжелым накладным расходом не только на стоимость проекта, но и на его реальные архитектурные качества. Иногда, наоборот, мы наблюдаем, что заказчики буквально загромождают проектную организацию огромным количеством проектно-сметных материалов. Все это говорит о полнейшем отсутствии порядка и плана в разработке предварительных данных, которые заказчик обязан представить в проектные организации.

Реорганизация всей системы архитектурного проектирования освободит значительные резервы творческого труда, которые смогут быть использованы с большим, чем до сих пор, эффектом. Старшее поколение наших мастеров сделало не мало для того, чтобы вырастить смену из младшего поколения, из воспитанников советских архитектурных вузов. Сейчас эти архитекторы, среди которых многие уже показали на деле, что они могут проектировать самые ответственные сооружения, все еще находятся на положении рядовых работников. При разукрупнении мастерских, этим товарищам будет обеспечена возможность более ответственной работы в качестве руководителей отдельных мастерских.

Помимо архитектурных мастерских Моссовета, мы имеем целый ряд других архитектурных учреждений, взаимоотношения которых между собой и с мастерскими Моссовета до сих пор не уточнены. От этого, несомненно, страдает важнейшее дело реконструкции нашей социалистической столицы. Магистральный архитектор не обладает по существу никакими законными правами. Чтобы полностью отвечать за архитектуру своей магистрали, он должен быть полноправным хозяином планировки и проектирования на своем участке.

Советским архитекторам предстоит в максимально короткие сроки решить ответственнейшую задачу — задачу реорганизации всей системы труда внутри архитектурной мастерской с одновременной рационализацией самой сети архитектурных мастерских. Мы упомянули здесь лишь об основных, наиболее крупных задачах, вытекающих из наличия узких мест в системе нашего архитектурного проектирования. Само собой разумеется, что каждый из затронутых вопросов представляет собою самостоятельную сложную тему, нуждающуюся в продумывании и решении. Активное участие в решении этих задач должны принять все архитекторы нашей страны. Вопросы организации творческого труда архитектора во всем их объеме и во взаимосвязи со смежными проблемами должны стоять в центре внимания архитектурной общественности и архитектурной печати.

ПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРА КВАРТАЛА

КВАРТАЛ В СИСТЕМЕ ГОРОДА

А. МОСТАКОВ

В феодальном городе дом-усадебный состав составлял прообраз квартала. Дом ставился в центре участка, улица была подчинена тому, что ее окружало. Доминантой было центральное здание квартала. Позже, вместе с развитием ремесла и торговых городов, дома начали ориентировать на улицу. Фронт ее был открыт, ибо войти в мастерскую удобнее всего с дороги.

Квартал стал застраиваться по периметру, дома жались друг к другу. Появился коридор, который и послужил прообразом современных улиц.

В городе раннего Возрождения улица долгое время была подчиненным фактором. Дом, палаццо, дворец — вот что было доминантой. Этим и объясняется собранность, замкнутость в себе, самостоятельность оси, как основы архитектурной композиции этих зданий. Позднее, в период барокко, вновь восстанавливается приоритет улицы. Зодчие барокко сооружают открытые площади, прокладывают прямые магистрали, что было закреплено позже градостроителями эпохи классицизма.

В эпоху Возрождения квартал являлся средством оформления улицы. Он принимал ту форму, какая была необходима улице, являясь ее внешним элементом. В современном городе улица-коридор настолько довлеет, что квартал даже не воспринимается, он является беспорядочной грудой мелко нарезанных индивидуальных строительных ячеек, случайных по отношению к улице.

Реконструируя старые города, воздвигая новые, мы по-новому подходим к проблеме квартала. Социалистический квартал является средоточием жилья, детских садов, яслей, школы, столовой, прачечной, магазинов, физкультурных площадок, зеленых массивов и т. д. Естественно, что такой квартал не может быть измельченным, он вырастает в крупную единицу. В плане города такие кварталы характеризуют иной, отличный от старого города образ — образ организованного коллективного общежития. Социалистический квартал — яркая иллюстрация заботы о человеке.

Внутри границ магистралей образуется жилой район, в свою очередь разделяемый улицами на кварталы. Лишь этот жилой район является жесткой лимитированной величиной. Что же касается квартала, то величина, форма и принципы застройки его являются функцией внутренней структуры района. Кроме того, квартал не может претендовать на самостоятельность в

архитектурном отношении, поскольку он является частью, а не целым.

В планировочном отношении начертание квартала часто зависит от его положения по отношению к центру, магистрали, парку и т. д. Например, верно ли было бы ориентировать кварталы на Садовое кольцо в Москве короткими сторонами, а длинными — вглубь жилого района? Конечно, нет, потому что, при интенсивности транспорта, это лишь увеличило бы количество пересечений, затрудняющих движение. Короткие отрезки кварталов противостоят динамической напряженности магистрали, для которой более характерен протяженный фронт, а не прерывистый. Как правило, на магистраль нужно ориентировать кварталы длинными сторонами.

Следует ли из этого, что здесь должна проводиться обезличка, и, вообще, правильно ли считать, что возможна некая типизация величины квартала, что повторяемость является достижением? Магистраль неравномерна. Ближе к центру она более насыщена в транспортном отношении, — на периферии меньше. Таково же нарастание и архитектурного выражения. Естественно, что это колебание должно отразиться на форме кварталов. Их протяжение может быть сравнительно коротким на периферии и максимальным в центре.

Величина, форма, направление квартала должны быть осмыслены. Лишь в этом случае можно получить живую ткань города. Обязательная типизация формы квартала, равно как и упражнение в бессмысленном рисовании, приводят к безучастному построению плана и созданию мертвой ткани города.

В практике планировки часто приходится сталкиваться с недоучетом особенностей ситуации: старый ли это город или новый, большой или малый, ровный рельеф или пересеченный и т. д. Естественно, что в большом и малом городах не может быть однородных по величине кварталов. Если в Москве можно считать обычным их размер в 12—15 га, то для периферийных городов с менее насыщенным транспортом, невысокой этажностью достаточна площадь в 6—9 га. Небольшой город с крупными кварталами теряет масштабность. Кварталы становятся самостоятельными городками, оторванными от целого. Их внутренняя структура усложняется.

Весьма распространена боязнь неправильной формы

кварталов. Отсюда неизбежное противоречие с пересеченным рельефом и транспортной схемой. Если форма квартала не увязана с рельефом, то это влечет за собой излишние земляные работы, затрудняет их оформление и вызывает странные сочетания объемов, никак не гармонирующие с улицей.

Когда автор проекта, для того, чтобы не ломать форму кварталов, отказывается от кратчайшего направления магистрали — он идет на преднамеренную фальшь в планировке города, ибо интересы города он приносит в жертву деталям — кварталу. По опыту ленинградской застройки известно, что ломанные кварталы часто вносят оживление, свежесть в композицию — они менее шаблонны.

Особо следует учесть условия реконструкции старых городов, где сложившаяся система улиц диктует подчас самые неожиданные комбинации кварталов.

Вывод: квартал — это не изолированная самостоятельная единица, а функция многообразных особенностей города, его планировочной структуры, естественных и природных факторов, а также социального содержания. Неверно полагать, что можно ограничиться решением объемов, независимо от формы и габаритов квартала. Лишь в рамках верно задуманной структуры квартальной сети возможна правдивая застройка.

Приступая к внутренней планировке квартала, архитектор не может не поставить перед собой вопроса о том, к чему же следует «привязываться». Решать квартал абстрактно, как «вещь в себе», — конечно же, бессмысленно. Это возможно разве что при научно-исследовательских поисках принципов и типов застройки, но не в конкретной архитектурной практике. Добиться ответа на вопрос о том, как решать застройку, можно, лишь работая над цельным жилым районом, связанным с конкретными внешними путями, в свою очередь имеющими направленность к определенным точкам приложения труда, площадям, местам отдыха и т. д.

Улицы служат средством внутригородских связей. Кварталы, имеющие своими внешними границами улицы, должны независимо от принципа застройки способствовать движению. Если внутренняя планировка квартала воспринимается лишь живущими в квартале, то его периметр, наоборот, воспринимается населением всего города, участвует в архитектуре города. Внутреннее пространство квартала воспринимается одновременно, его внешние стороны — одновременно.

Вот почему, если возможна строгая симметрия, собранность в организации внутреннего пространства, то для внешних сторон квартала этого не требуется. Каждая сторона квартала может быть решена по-своему, подчиняясь идее застройки всей улицы. Частое увлечение осями симметрии внешних сторон каждого квартала — неверно. Беспереывные акценты противоречат протяженности и целеустремленности улицы.

Акценты могут быть расставлены лишь в определенных кварталах, в определенном ритме усиления и ослабления, подсказываемых идеей целого, иначе улица не «ведет», превращаясь скорее в выставочную аллею собранных кварталов-уникумов.

Указывая на различие приемов внешней и внутренней застройки, мы не намерены, однако, из этого делать тот вывод, что их можно решать в разное время,

даже если застройка в первую очередь проводится по улицам.

Существуют разные принципы застройки — периметральная, открытая, комбинированная. Каждой из них свойственны свои особенности: периметральная — плотно облекает фронт улицы домами с минимальными разрывами и отступами. Внутреннее пространство здесь скрыто от улицы. Зелень — элемент односторонний, внутренний. Форма домов — единая лента, состоящая из отрезков, переходящих от одного здания в другое.

Открытая застройка предполагает отдельно стоящие дома. Воздух обтекает их не только по периметру, но и со стороны кварталов. Внутреннее пространство входит в улицу. Зелень — элемент многосторонний, внешний, охватывающий дом со всех сторон. Форма дома объемная. Комбинированная застройка объединяет оба принципа.

Трудно отдать предпочтение какому-либо из этих принципов. Они могут быть многообразно использованы — вопрос лишь в том, для каких условий, какой из принципов и где подходит.

Улица, магистраль, набережная, парк — подсказывают различные решения. Обобщая, можно сказать, что если в парках и на набережных следует предпочесть открытую застройку кварталов, то магистраль подсказывает плотную застройку, а жилая улица — комбинированную. Это не значит, что на любом из перечисленных мест не могут быть совмещены все типы кварталов.

Кварталы набережных на Ленинградском шоссе могут быть построены на принципе максимальной раскрытости с глубокими курдонерами и выведением наружу зелени. На улице Горького кварталы должны быть сдержаннее. То же соотношение может быть между Можайским шоссе и Арбатом. В первом случае — этому содействуют парки, Москва-река; во втором — необходимость обеспечения центральной улицы фронтом магазинов, что предопределяет приближение домов к красной линии.

Живописность рельефа набережных подсказывает использование приема не периметральной застройки кварталов, а свободной, открытой постановки объемов. На Садовом кольце так и напрашиваются кварталы комбинированного типа.

Используя все приемы, мы должны признать один бесспорный факт — раскрытый характер застройки в социалистическом городе. Внешняя сторона квартала не должна служить барьером, квартал должен быть обращен к улице всем своим существом.

Когда пространство кварталов вливается в пространство улицы, последняя приобретает более живой, выразительный вид. Улица и квартал выявляют главное, специфичное в данной градостроительной застройке. В разных местах эта общность будет выражена различно, но требование раскрытости пространства должно проходить красной нитью в построении образа социалистического квартала и города. Если в старом городе этому требованию может препятствовать существующий фонд зданий, то никаких препятствий не предвидится в новом городе, требующем максимального разнообразия приемов застройки.

Вот почему на вопрос — можно ли отделить реше-

ние внешней оболочки кварталов от внутренней, — мы отвечаем: поскольку внутреннее пространство работает также на улицу, решение задачи должно быть цельным с начала до конца. Нужно проектировать квартал, хотя осуществляется пока только улица.

Мы уже говорили, что, двигаясь по улице, зритель в первую очередь воспринимает внешние границы квартала. Даже если в связи с общей идеей квартал решается достаточно сдержанно, все же одной из центральных задач следует признать выявление главного входа в квартале. Он должен быть выявлен не только в архитектуре зданий, но и пространственно. Для этой цели избирается та сторона кварталов, которая занимает ответственное положение в плане улиц. Главный въезд будет соответствовать главной оси композиции. Квартал, если он ориентируется на две магистрали, может строиться по двум осям композиции, получающим соответственное композиционное положение.

Четкость, ясность ориентации каждого дома в квартале на внешнее пространство является неизбежной основой композиции. Но кварталы крупны. Распространение домов вглубь неизбежно. Отсюда вытекает необходимость группировки отдельных отрезков квартала и домов в комплексы. Замкнутые или полужамкнутые комплексы со своими дворами примыкают к улицам. Войдя с улицы во двор такого комплекса, легко пройти ко всем его секциям. Принцип группирования решает задачу укрупнения квартала и легкого доступа к домам. Образованный из отрезков комплекс получает объемное выражение, т. е. наделяется высшими архитектурными качествами. Квартал не измельчен. Торцы разрезанных домов сливаются в цельную, собранную объемную массу, что характеризует новый образ кварталов-коллективов.

Не безразлично для города и то, как размещаются культурно-бытовые сооружения в квартале. Бесспорно, имеет смысл размещать внутри квартала детский сектор, но большое сомнение вызывает постановка школ, столовых, гаражей и других сооружений этого типа в глубине квартала. Перечисленные сооружения хотя и рассчитываются на данный квартал, однако, могут обслуживать и соседние кварталы. Школа, столовая — это здания межквартальные. Выдвижение их на внешнюю границу, хотя и с некоторым отступом, способствует лучшему обслуживанию населения. Вряд ли может возникнуть сомнение в архитектурной целесообразности этого мероприятия. Школа, столовая, клуб, магазин и другие общественные здания вносят разнообразие в оформление улицы, создают условия для выигрышных пространственных комбинаций.

Как организовать внешний фронт застройки? Нет ли увлечения короткими домами, дробящими фронт застройки излишними просветами, которые не организуют перспективу, никуда не ведут? Практика многих выстроенных кварталов (Горький, Тагил, Сталинск) показывает, что случайные частые разрывы портят впечатление от улицы. Для улицы более обоснованы удлиненные дома, конечно, своеобразно трактуемые, с отдельными раскрытиями. Заменить этот принцип можно лишь использованием малых форм архитектуры. Однако ве-

дение их должно носить не шаблонный характер. Этот вопрос не плохо решен в форпроектах застройки Нового Арбата. Здесь малые формы — это не только протянутые на один этаж трельяжи. Они связаны с архитектурой всего дома, вплетаются в его объемы и скрепляют вынужденные разрывы. Никакого сомнения не остается, что речь идет о цельном объеме.

Каждой величине квартала соответствует свой масштаб застройки. Нельзя работать в крупном квартале короткими малозатяжными домами и в маленьком квартале — крупными. Здесь должно быть соответствие, иначе город теряет свою масштабность. Незаслуженно забыт комбинированный прием этажности. Чередование высот в определенной архитектурной композиции придает ей силуэтное разнообразие. Вместо этого, в городе Куйбышеве двухэтажную застройку на окраине сознательно закрывают многоэтажной по красной линии.

Можно ли считать жилой квартал одним из ансамблей города? Лишь в очень отдаленной степени. Кварталы в сумме образуют по возможности равномерный фон для выявления главных ансамблей площадей, магистралей и т. д. С этой точки зрения каждый квартал в отдельности должен быть трактован очень сдержанно. Его образ — это образ жилья. Для этого используются типичные элементы оформления, выражающие легкость, интимность. Это не значит, что по условиям планировки квартал не может выступить как промежуточный, местный ансамбль. Даже в плотной массе фоновой застройки возможны свои, местные ансамбли из отдельных комплексов или кварталов, которые поддерживают в плане города основные ансамбли, составляя с ними единый образ города. В этих случаях, а также тогда, когда жилые кварталы выходят на магистраль и оформляют их как основной ансамбль, необходимо их архитектурный образ решать в иных средствах выражения. Здесь жилая застройка квартала работает не как подчиненный фоновый элемент, а как единица города.

Что правильнее — строить уличной «лентой» или кварталами? Определенного рецепта дать здесь нельзя. Строительство в Москве по улице Горького, Можайскому шоссе, Б. Калужской улице оправдано потому, что капитализм оставил нам неприглядные магистрали в Москве, что вопрос о реконструкции их стоит, как неотложная задача. Другое дело Ленинград — его магистрали и улицы могут ограничиться частичными вставками. Поэтому в Ленинграде есть возможность в первую очередь осваивать новые кварталы растущего на юг города — Шемиловку, Московское шоссе, правый берег Невы и др.

Застраиваясь улицами, Москва подчеркивает основное, главное в системе города. Это вполне оправдано с архитектурной стороны, ибо сколько бы ни строили хороших зданий внутри квартала, — при сохранении магистралей в прежнем виде, градостроительный эффект такой очередности был бы сведен к нулю. Город требует в первую очередь выявления своих основных элементов, опорных узлов, а затем остальных, дополняющих. Лишь при этих условиях, уже на первом этапе реконструкции или освоения нового — создаются законченные черты городского организма.

В. БОБЕРКО

Печатаю статью В. Боберко и отмечая большую ценность экспериментального проектирования Горстройпроектом жилых кварталов, редакция считает ряд положений, выдвинутых автором, требующими дальнейшего обсуждения и уточнения.

Спорным представляется общее утверждение о неприемлемости квартальной системы застройки в малых поселках. Во-первых, малый поселок может впоследствии разрастись, — поэтому исходить надо из перспективного плана его развития, а во-вторых, при линейном размещении селитебной территории возможна квартальная застройка и в малых поселках. Вопрос о применимости или неприменимости системы квартальной застройки может решаться лишь с учетом всех условий места, характера и перспектив развития поселка.

Нельзя не возразить по соображениям экономическим и бытовым и против устройства квартиры, размещенной в двух этажах.

Следует обсудить также вопрос — не ухудшит ли тектонику малоэтажного деревянного здания, а также бытовые и экономические показатели квартир, применение рекомендуемой автором обычной угловой Г-образной секции для двухэтажной застройки.

Статья В. Боберко и экспериментальная работа Горстройпроекта по квартальному проектированию выдвигают еще много других серьезных и важных вопросов. К обсуждению предложений, выдвинутых тт. Боберко и Семеновым-Прозоровским, мы приглашаем наших читателей.

Отсутствие общепризнанных и утвержденных норм проектирования застройки и инженерного оборудования жилых кварталов вызывает в этой большой и важной отрасли проектирования кустарщину, излишества и неэкономичность решений.

С целью выработки норм и технико-экономических показателей, основанных на рациональных проектных решениях, Горстройпроект в экспериментальном порядке организовал проектирование застройки и инженерного оборудования жилых кварталов¹.

Проектирование велось по трем основным типам застройки: 4—5-этажному, двухэтажному (в камне и дереве) и одноэтажному с усадебной планировкой.

В настоящее время разработаны 36 эскизных проектов планировки кварталов для указанных выше трех типов застройки. Полученные результаты, несмотря на их предварительный характер, выдвинули ряд новых актуальных вопросов проектирования.

Задача создания удобного и экономичного жилья не может ограничиться рамками квартиры или дома. Значительная доля хозяйственных и бытовых требова-

ний населения связана с кварталом. Все эти требования могут получить полноценное удовлетворение только при условии комплексного проектирования, а это по-новому ставит задачу типового проектирования жилья. К сожалению, типовое проектирование жилых зданий, в том числе проекты, утвержденные Наркомстроем для строительства 1940 года, проводилось без учета всей суммы бытовых удобств населения. В частности, не учитывалась возможность размещения отдельных зданий в той или иной системе планировки. Этот недочет типовых проектов выявился с первых же шагов экспериментального проектирования кварталов: ассортимент проектов оказался недостаточным, некоторые из домов, решенные как изолированно стоящие, не вписывались в систему квартальной застройки и т. д. Все это сразу же поставило вопрос о необходимости разработки ряда дополнительных типов: а) угловых секций для двухэтажного и многоэтажного строительства; б) секций двухэтажных домов, допускающих возможность блокирования; в) экономичных квартир, размещаемых в двух этажах; г) двухэтажных домов с подвалами, позволяющими уменьшить объем хозяйственных зданий в квартале (в частности, сараев), затрудняющих полноценное композиционное и планировочное решение квартала в целом (это не исключает, однако, задачи разработки типовых проектов хозяйственных построек для квартальной системы застройки).

¹ Проектирование проводилось параллельно в трех группах: группа ленинградского отделения Горстройпроекта в составе арх. Б. Данчича и Б. Баныкина; московского отделения Горстройпроекта в составе арх. Г. Гурьева-Гуревича, Д. Меерсона и Н. Смирнова; группа Отдела планировки треста в составе арх. В. Семенова-Прозоровского и экономиста П. Шевалье, при участии арх. В. Арманда.

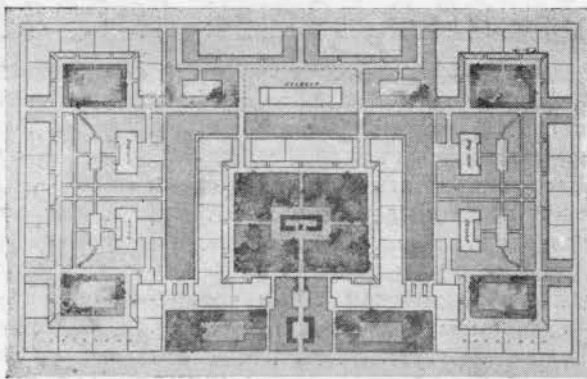

Рис. 1. Квартал четырехэтажной застройки с развитым фронтом застройки улицы и группой зданий внутри квартала
Арх. Г. Гурьев-Гуревич, Д. Меерсон и Н. Смирнов

Площадь — 6,1 га, население — 3 372 чел., плотность — 553 чел./га, % застройки — 28,3, % зелени, включая физкультурплощадку — 41,2

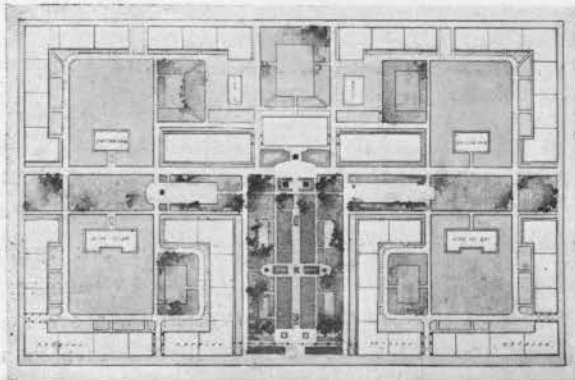

Рис. 2. Квартал четырехэтажной застройки. Развитый курдонер служит центральным садом. Прием для второстепенной магистрали или жилой улицы
Арх. В. В. Семенов-Прозоровский

Площадь — 6,12 га, население — 3 440 чел., плотность — 563 чел./га, % застройки — 28,6, % зелени, включая физкультурплощадку — 37,3

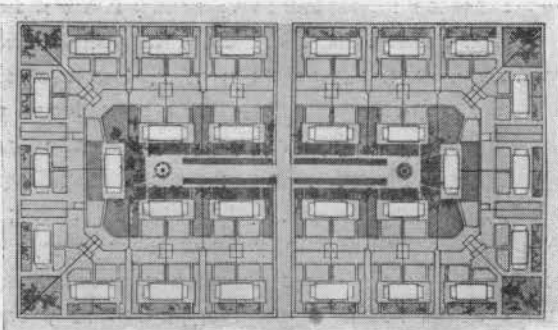

Рис. 3. Квартал усадебной застройки. Групповая застройка внутри квартала
Арх. В. С. Армаид

Площадь — 3,39 га, население — 210 чел.

Второй вопрос, который встал перед Горстройпроектом, это вопрос о нормах земельных участков, отводимых под зеленые насаждения, детские и прочие учреждения. Горстройпроект пошел на уменьшение этих норм, что необходимо признать совершенно правильным.

Проведенная работа по экспериментальному проектированию привела к выводу о необходимости различного подхода к застройке в городах и мелких поселках. Попытки найти более или менее удачные решения планировки жилых кварталов для малых поселков, обеспечивающие экономичность инженерного оборудования, к сожалению, не увенчались успехом. По нашему мнению, в малых поселках прием квартальной застройки неприемлем.

Необходимо остановиться на технико-экономической оценке новых решений по сравнению с проектной практикой 1938—1939 гг. Сравнительные средние данные этой оценки видны из следующей таблицы:

Показатели	Четырехэтажная застройка		Двухэтажная каменная застройка	
	Практика 1938—1939 гг.	Экспериментальное проектирование ГСП	Практика 1938—1939 гг.	Экспериментальное проектирование ГСП
Плотность населения в чел./га	400	550—600	180	30)—320
Размер участков детских учреждений на одно место в м ²	35	30	40	30
Площадь земельных насаждений и спортплощадок на одного жителя в м ²	10	6,5	23	10,5
Площадь проездов и тротуаров на одного жителя в м ²	4	2,1	12	3,8
ЗЕМЕЛЬНЫЙ БАЛАНС в %				
Под застройкой	21,6	29,3	21,2	32,8
Под участками детских учреждений	15,6	16,4	7,2	9,2
Под земельными насаждениями и спортплощадками	38,8	37,3	41,9	32,6
Под проездами и тротуарами	16	12,1	21,6	11,6
Под хозяйственными дворами и прочие территории	8	4,9	8,1	13,8

В приведенных показателях особенно характерно повышение плотности заселения. Повышение это в многоэтажной застройке достигает 37—50%, а в малоэтажной — 60—70% против практики 1938—1939 гг. Другой важный результат экспериментального проектирования — сокращение удельного веса площади улиц и тротуаров.

Все это влечет за собой значительное удешевление

инженерного оборудования кварталов застройки на 1 м² жилой площади. Только по оборудованию водоснабжения, канализации и проездов расходы суммарно сокращаются в следующих пределах:

Характер застройки	Практика 1938—1939 гг.	Экспериментальное проектирование ГСП в рублях	% снижения
Двухэтажная каменная	34	17,3	49
Двухэтажная деревянная	37,4	24	36
Четырехэтажная	18,5	11,5	38

Необходимо при этом учесть, что повышение плотности застройки повлечет за собой сокращение общей территории города или поселка, что приведет к уменьшению объема строительства общегородских или общепоселковых инженерных сетей, т. е. еще к большему удешевлению строительства.

Значительное удешевление застройки и инженерного оборудования кварталов отнюдь не ухудшает условий жизни квартала. Большинство публикуемых кварталов решено довольно свободно: детские учреждения обеспечены вполне достаточными участками (30 м² на одно место), зеленые насаждения запроектированы по нормам, обеспечивающим в кварталах многоэтажной застройки организацию центрального зеленого массива площадью от 0,6 до 0,8 га, разрывы между фасадами жилых зданий, как правило, составляют не менее двух высот и т. д.

Авторы экспериментальных проектов пытались отойти от стандартных приемов проектирования. Групповое размещение зданий, раскрывающее внутреннее пространство (рис. 1), сильно развитый силуэт фасадной линии квартала с перебивкой фронта застройки большими вкраплениями зелени (рис. 2 и 4) выгодно отличаются от существующей практики.

Большой интерес представляет также прием планировки кварталов усадебной застройки, с увеличением размера квартала и с определенной группировкой зданий (рис. 3), а также с введением в квартал общественной зелени (рис. 5).

Не лишены новизны и решения отдельных элементов квартала, как например: вынос детских учреждений на фасадную линию улицы (рис. 6), создание крупного сада, объединяющего весь квартал, и т. п.

Работа Горстройпроекта является первым шагом, первой попыткой внести известную ясность в проектирование кварталов. Как первая попытка, она не лишена, конечно, ряда недочетов. Второй этап работ будет проводиться комплексно в неразрывной связи между типовым проектированием жилья, планировкой квартала и инженерным оборудованием квартала.

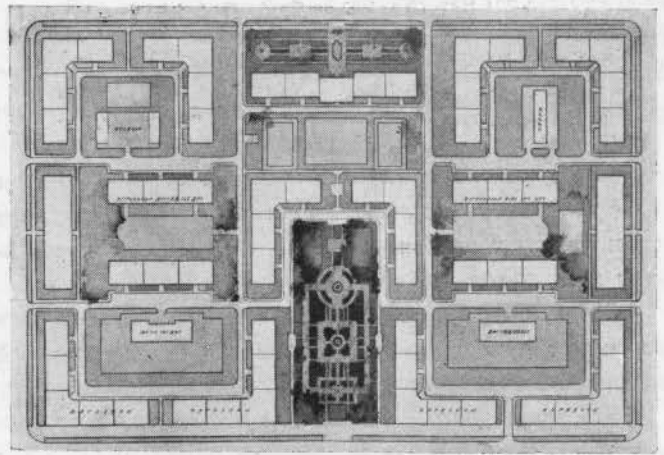

Рис. 4. Квартал четырех- и пятиэтажной застройки. Прием открытого на улицу квартального сада и пространственного решения фронта застройки улицы
Арх. Б. Данчич и Б. Банькин

Площадь — 7,48 га, население — 4 640 чел., плотность — 620 чел./га, % застройки — 28,2, % зелени, включая физкультурплощадки — 37,7

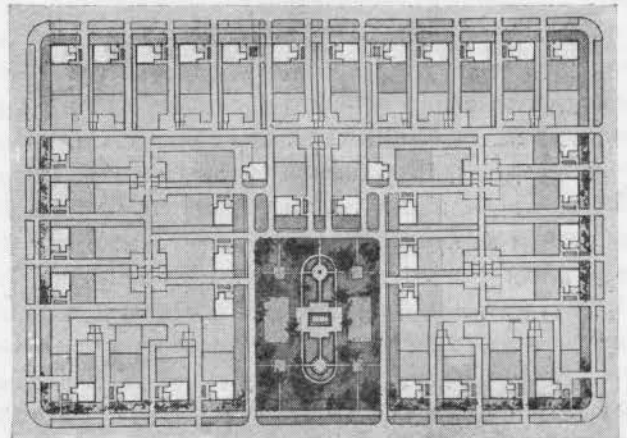

Рис. 5. Квартал усадебной застройки. Решение с центральным квартальным садом

Арх. Б. Данчич и Б. Банькин
Площадь — 4,12 га, население — 170 чел.

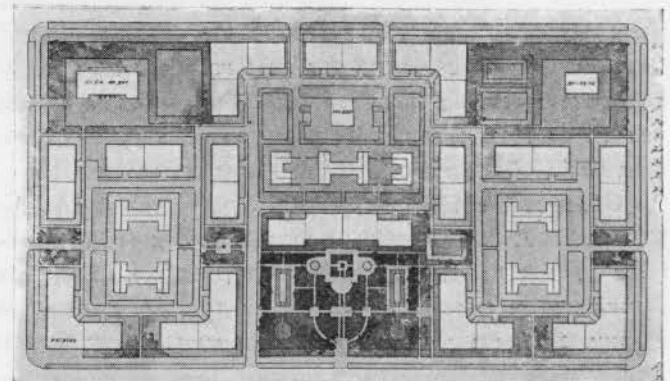

Рис. 6. Квартал двухэтажной каменной застройки. Решение с четким выделением детских учреждений

Арх. Б. Данчич и Б. Банькин
Площадь — 5,15 га, население — 1 236 чел., плотность — 240 чел./га, % застройки — 26,7, % зелени, включая физкультурплощадки — 49,9

НОВЫЕ ЗАДАЧИ В ПЛАНИРОВКЕ КВАРТАЛА

В. СЕМЕНОВ-ПРОЗОРОВСКИЙ, П. ШЕВАЛЬЕ

Ряд директив последнего времени, относящихся к массовому жилищному и культурно-бытовому строительству, приблизил проектную практику к реальным жизненным требованиям.

Создание наиболее удобного, красивого, экономичного жилого дома, детского сада, школы — стало боевым лозунгом в борьбе за образцовый проект.

Это новое движение в области объемного проектирования, к сожалению, до сих пор не получило должного отклика в планировке жилого квартала.

Здесь, попрежнему, во многих установках, нормах, к стати сказать, никем не утвержденных, продолжают жить устаревшие «теории», а практика планировки кварталов характерна недостаточно экономичными решениями с большими излишествами.

Каждущиеся в проекте минимальными участки детских учреждений, сады и другие внутриквартальные пространства в натуре выглядят, как большие пустыри, зачастую являющиеся источниками запыления и загрязнения квартала. Внутриквартальное пространство имеет неорганизованный вид, так как большинство домов, расположенных по периметру квартала, предназначается для оформления улиц. Правда, бывает и так, что на пустырях строят, в нарушение проекта, жилые дома, но это вряд ли можно назвать хорошим выходом из положения.

Переход на новый тип детских учреждений, встроенных в жилые корпуса, и связанное с этим уменьшение детских участков сделает внутриквартальные пустыри еще большими и безрадостными, если оставаться на старых позициях в плотностях застройки.

Количественным критерием для определения рациональности планировочного решения до последнего времени служил основной показатель по кварталу — плотность населения в 100 человек на 1 га квартала на каждый этаж застройки. Многие уже изменилось, а цифра 400 человек на 1 га при четырех этажах осталась неизменной.

Объемный коэффициент, нередко доходивший до 11—12, и плоскостной—менее 0,40 сократились к нашему времени до 8—8,5 и 0,45. Проектные организации старались уменьшить явно завышенные нормы детских участков и зелени. Это еще до перехода к широким корпусам жилых зданий позволяло достигать плотностей при четырехэтажной застройке в 425—450 человек на 1 га. Особенно стала ясна необходимость пересмотра норм и показателей по кварталу после перехода на широкие корпуса жилых домов, так как замена 11—12-метровых кор-

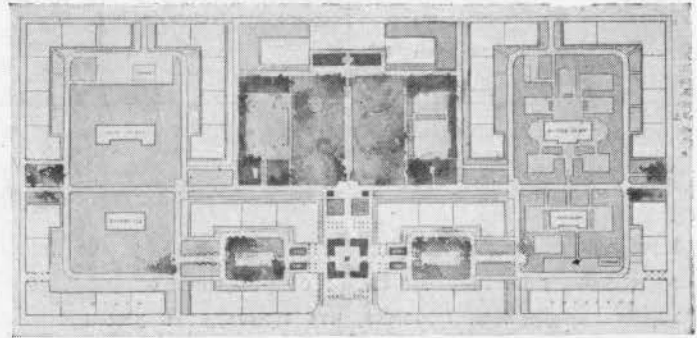

Рис. 1. Квартал четырехэтажной застройки. Прием членения территории на ряд пространств. Центральный сад объединяется с физкультурными площадками в один крупный массив. Вход решается как замкнутый дворик, к которому примыкают все основные пространства квартала. От улицы входное пространство изолируется колоннадой или перголой и лестницей

Арх. В. В. Семенов-Прозоровский

Площадь — 6,29 га, население — 3 770 чел., плотность — 600 чел./га, % застройки — 30,7, % зелени, включая физкультурные площадки — 34,0

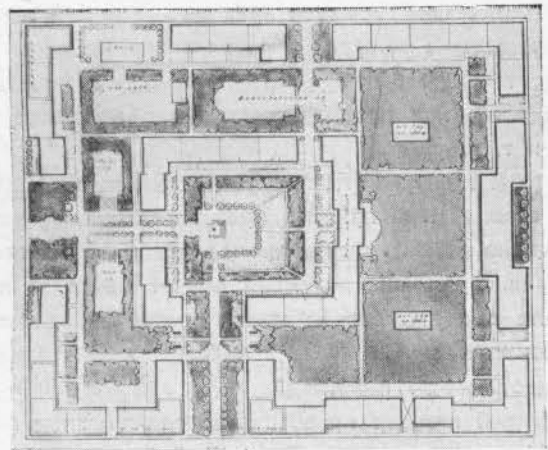

Рис. 2. Квартал четырехэтажной застройки. Решение дано для квартала, выходящего на две магистрали. Детские учреждения располагаются частично в габарите жилого дома

Арх. В. С. Арманд

Площадь — 5,72 га, население — 3 200 чел., плотность — 560 чел./га, % застройки — 28,1, % зелени, включая физкультурные площадки — 38,8

пусов 14—16-метровыми автоматически поднимает плотность населения до 500—525 человек на 1 га.

Перед планировщиком встает дилемма: сокращать количество домов на квартале и тем самым отказаться от застройки и организации пространства внутри квартала во имя старой плотности или, пересмотрев нормы других элементов квартала и выбросив все лишнее, поднимать плотность застройки и населения.

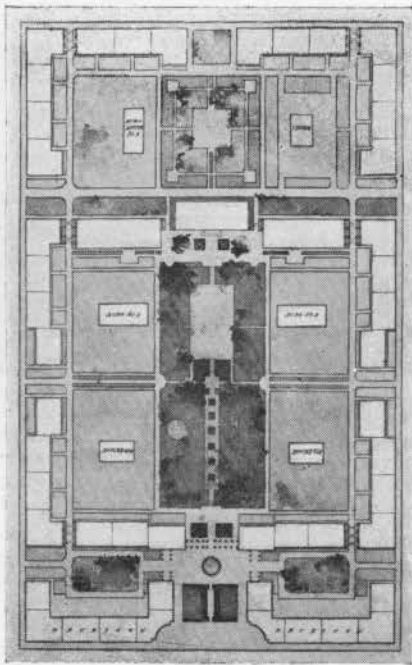

Рис. 3. Квартал четырех- и пятиэтажной застройки. Интенсивно застроен фронт квартала по магистрали
Арх. В. В. Семенов-Прозоровский

Площадь — 6,60 га, население — 4 195 чел., плотность — 637 чел./га, % застройки — 28,1, % зелени, включая физкультурплощадки — 34,3

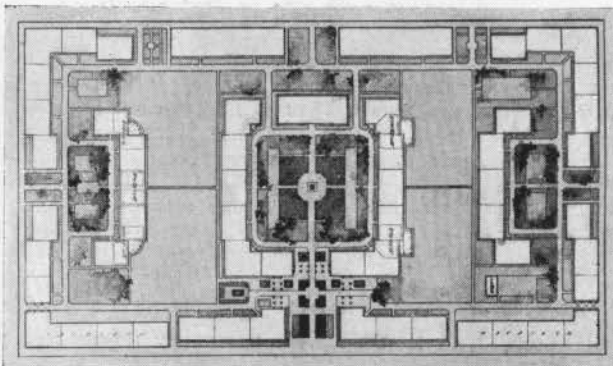

Рис. 4. Квартал четырехэтажной застройки. Все детские учреждения встроены в габариты жилых домов. Пример интенсивного использования территории квартала
Арх. В. В. Семенов-Прозоровский

Площадь — 5,77 га, население 3 920 чел., плотность — 680 чел./га, % застройки — 32,4, % зелени, включая физкультурплощадки — 31,5

Время от времени приходится слышать возражения против повышения плотностей, т. е. против территориального сокращения размеров населенных мест; земли, мол, у нас много—зачем же жаться? Земли у нас действительно много, но тем не менее, сокращение территории под кварталами необходимо,—оно облегчит освоение кварталов, улучшит условия пользования ими и даст большую экономию средств.

Очень часто инженерная подготовка территории для строительства — осушение, орошение, подсыпка, обвалование и т. п. стоит колоссальных денег. Большая протяженность населенного места требует усиления внутригородского транспорта.

Повышение плотности населения в квартале, сокращая размеры населенного места, значительно удешевляет его благоустройство.

При экспериментальном проектировании кварталов, мы пришли к выводу о необходимости пересмотра существующих норм, причем новые нормы не могут быть решены без комплексной увязки со всеми элементами квартала.

Предлагаемые нами нормы в основном сводятся к следующему:

1. Детские учреждения в квартале, учитывая сменность работы, проектируются из расчета 12 мест на 100 жителей (5 мест — ясли, 7 мест — сады). Норма участка—30 м² на одно место, включая площадь под застройкой; это позволяет разместить все игровые площадки (200 м² на одну группу) и хозяйственные сооружения, с озеленением участка в пределах 50%.

2. Зеленые насаждения в квартале многоэтажной застройки проектируются по норме 6 м² (включая спортивные площадки), а в кварталах малоэтажной застройки—10 м². В многоэтажном квартале обязательным является образование центрального зеленого массива площадью не менее 10% от территории квартала. В кварталах с двухэтажной застройкой единый зеленый массив необязателен. Вместо него запроектировано несколько более мелких садов, рассчитанных на обслуживание отдельных групп зданий. Расчеты показали, что только около 10% населения (не считая дошкольной группы) одновременно пребывает на свободных пространствах квартала в летние вечера. Предлагаемые нами нормы зеленых насаждений могут обеспечить максимальную нагрузку квартальных садов.

3. Магазины и другие бытовые учреждения, обслуживающие квартал и размещаемые в первых этажах жилых зданий, принимаются из расчета 3 м² на одного жителя.

4. Для хозяйственного двора и гаража с индивидуальными машинами выделяется участок около 1 500 м². При двухэтажной застройке, кроме того, запроектированы сараи для 75% квартир, а для остальных — увеличенные сараи, допускающие содержание крупного домашнего скота.

5. Вопрос о разрывах между зданиями (одна, полторы или две высоты) вызывает вечные споры. В большинстве предложенных нами решений он имеет, так как даже при самых высоких плотностях расстояние между фасадами домов получилось большее,

чем две высоты. Вообще же разрывы между фасадами двухэтажных каменных жилых зданий высотой в 7 м должны определяться не санитарными и не пожарными нормами, а условиями бытового комфорта.

Эти нормы экспериментально проверялись на ряде планировок кварталов, причем были взяты наиболее характерные условия для застройки разной этажности: для четырех- и пятиэтажной — кварталы размером около 6 га, для двухэтажной — около 4 га.

Наряду с проверкой норм ставилась задача хорошего архитектурно-пространственного решения квартала при высоких экономических показателях. Ансамбль должен быть найден не только при решении площади и улицы города, но и внутри квартала.

Внутренняя территория квартала может быть решена членением на ряд связанных одно с другим пространств, своим расположением и размерами подчеркивающих значение каждого из них: вход, центральный сад, детские участки и т. п. (рис. 1, 2 и 3).

Возможно решение (при постройке выше четырехэтажной) и более крупными пространствами, путем объединения в один массив центрального сада и детских учреждений (рис. 4).

Как видно из эскизов, не создавая тесноты в квартале и получая достаточно крупные внутренние пространства, можно поднять плотность населения до 550—600 человек на 1 га (при жилой норме в 9 м^2), а при встроенных детских учреждениях еще больше (680 чел. на 1 га). При этом повышение плотности дает лучшие возможности для оформления внутреннего пространства квартала.

Планировка кварталов двухэтажной застройки в городах и крупных поселках отличается от многоэтажной не только типом дома, но и наличием во дворе сараев, что обуславливает и другой уклад жизни внутри квартала.

В приведенных решениях (рис. 5 и 6), сделанных для двухэтажных каменных, блокируемых и неблокируемых домов, с широкими корпусами, видно, какое большое место в планировке квартала занимают сараи, коровники и связанные с ними хозяйственные дворы и проезды.

Не менее сильно влияет на планировку квартала, в случае отсутствия канализации, появление выгребов и большое количество дополнительных проездов к ним.

Квартальные сады решены по-разному: в квартале с детскими учреждениями сделан ряд садов меньшего размера, но приближенных к каждой группе зданий, в квартале без детских учреждений сделан единый центральный сад, с прилегающими к нему физкультурными площадками, и лишь небольшие палисадники около домов, со стороны входов.

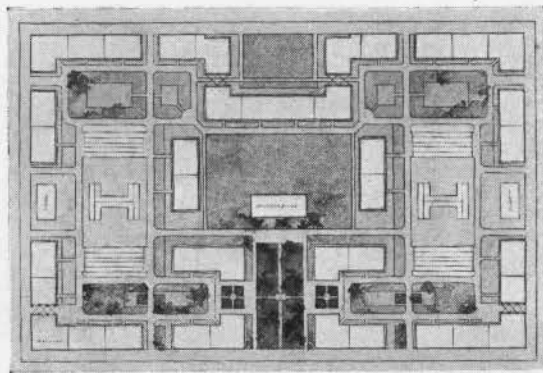

Рис. 5. Квартал двухэтажной каменной застройки, с детским садом и яслями в одном здании. Центральный сад заменен квартальными садами при группах домов. При зданиях, не примыкающих к садам, сделаны широкие палисадники

Арх. В. В. Семенов-Прозоровский

Площадь — 4,72 га, население — 1 426 чел., плотность — 302 чел./га, % застройки — 32,2, % зелени, включая физкультурные площадки — 32,2

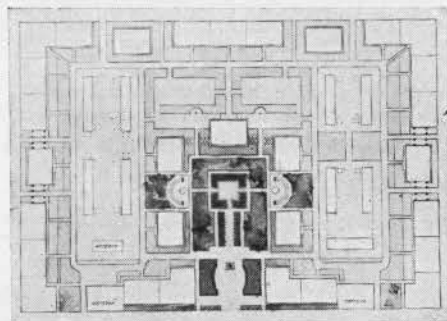

Рис. 6. Квартал двухэтажной каменной застройки, без детских учреждений. Широкие палисадники у домов служат изоляцией от сараев

Арх. В. С. Арманд

Площадь — 3,60 га, население — 1 090 чел., плотность — 303 чел./га, % застройки — 31,2, % зелени, включая физкультурные площадки — 32,2

При разрывах от домов до сараев не менее 15 м, норме зелени в 10 м^2 на одного жителя и норме земельного участка — 30 м^2 на ребенка в детских учреждениях, плотность квартала превышает 300 человек на 1 га, что значительно выше прошлой практики и дает большую экономию на благоустройстве.

Другие задачи, не менее важные, возникают при планировке кварталов усадебной застройки. Общепринятый прием планировки (рис. 7) с монотонной, без всякой выразительности, расстановкой домиков, одинаково решающий все улицы поселка, требует огромного количества улиц, занимающих до 40% площади жилых кварталов.

Встречающийся в английских поселках прием планировки небольших тупичков, западов и группировки зданий в нашей практике применяется редко. Между тем, прием этот вполне применим к различным и неправиль-

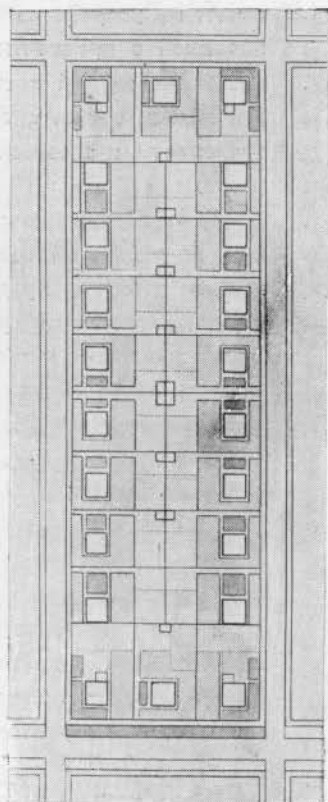

Рис. 7. Обычный прием планировки квартала усадебной застройки с уменьшенным размером усадеб

Арх. В. С. Армаид

Площадь — 1,25 га, население — 98 чел., размер усадеб — 560 м², площадь улиц к площади квартала — 360/0, протяжение улиц на 1 жителя — 5,6 пог. м

ным формам квартала. Удобно вписываясь в рельеф, тупички, запады и оригинальная группировка зданий дают живописные и разнообразные решения.

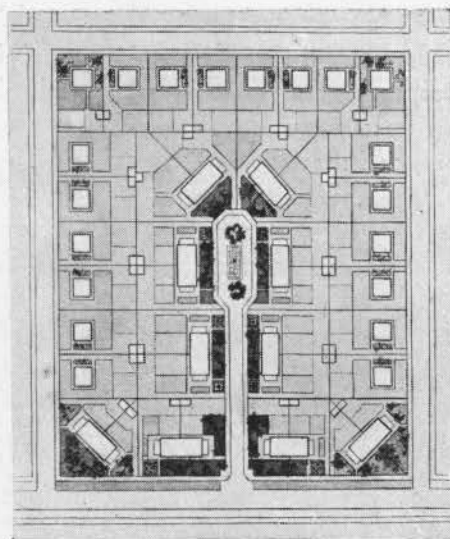

Рис. 8. Прием увеличенного квартала усадебной, развитой в глубину застройки

Арх. В. С. Армаид

Площадь — 2,22 га, население — 180 чел., размер усадеб — 525 м², площадь улиц к площади квартала — 22,30/0, протяжение улиц на 1 жителя — 3,2 пог. м

Намеченные нами решения планировки квартала усадебной застройки (рис. 8) являются далеко не единственно возможными. Экономические показатели таких решений значительно лучше существующих: процент площади улиц снижается с 36 до 22,3 от площади квартала, а протяженность — с 5,6 м до 3,2 м на одного жителя.

Полученные результаты экспериментального проектирования кварталов, являющиеся далеко не полными, убедительно доказывают необходимость коренного пересмотра существующей проектной практики.

ПЛАНИРОВКА КВАРТАЛА И ТРАНСПОРТ

А. ЯКШИН

Возрастающая интенсивность движения на транспортных магистралях заставляет задуматься над вопросом об устранении пешехода с полотна улицы. Сейчас единственным средством разрешения этой проблемы считается устройство переходов автомагистрали в строго предназначенных для этого местах. Но вместе с числом регламентированных переходов растут и помехи движению, падает скорость. Запре-

шение переходить улицу пешеход воспринимает как большое неудобство. Это неудобство нужно возместить предоставлением ему новых удобств. Нужно раскрыть для пешехода застроенный по-новому квартал, сделать пассажи внутри квартала, более привлекательные для пешехода, чем улица; озеленить эти пассажи, снабдить их скамьями, беседками, киосками, наконец, организовать пассажи по самым коротким,

диагональным направлениям. Все эти мероприятия должны компенсировать неудобства, возникающие из-за «непереходимости» улицы, и сделать город даже более удобным для пешеходов, чем раньше.

Простые соображения могут убедить в правильности этого вывода.

Сопоставим две схемы доступности территории города для беспрепятственного движения пешеходов. Одна дает картину старого города,

сложившегося в условиях пешеходного и конного движения, другая — города современного, насыщенного средствами механического транспорта. Территории, недопустимые для беспрепятственного движения пешеходов, в обеих схемах заштрихованы.

В старом городе кварталы, разбитые на частные владения, огражденные зданиями и заборами, недоступны для пешеходов, зато в их распоряжении находятся улицы. Наоборот, в современном городе для пешехода недоступны участки улиц, предназначенные для скоростного движения, что компенсируется беспрепятственным движением пешеходов через крупные обобщественные кварталы и по улицам нормального движения.

Связь между районами, отделенными друг от друга скоростными магистралями, должна поддерживаться пешеходными сообщениями на уровне мостовой там, где потоки автодвижения пересекаются в одном уровне. Там же, где потоки автотранспорта идут в разных уровнях, пешеходное сообщение в случае большой длины скоростного участка организуется на промежуточных участках магистрали. Для сокращения расстояний пешего хождения внутри больших кварталов, прилегающих к автомагистралям, целесообразно наметить диагональные пассажи по на-

правлению к местам организованного перехода пешеходов через скоростные участки магистралей. Сравнение заштрихованных площадей говорит в пользу современного города.

Все более широкое распространение автомобиля вносит свои требования во внутреннюю планировку квартала, и притом не только расположенного на скоростных автомагистралях. Прямоугольная схема планировки внутриквартальных проездов, получившая в силу своей простоты и легкой приспособляемости к прямоугольным планам зданий почти исключительное распространение в планировочной практике, нуждается в обновлении при помощи диагональных пассажей.

Диагональные пассажи целесообразны и в тех крупных кварталах, которые прилегают к магистралям массового пассажирского транспорта: метро, трамвая, троллейбуса и автобуса. Применение диагоналей, проложенных по направлению к остановкам массового транспорта, сокращая дальность подхода к ним, позволяет в одних случаях сократить затрату времени на подход к остановкам, а в других — понизить плотность сети массового транспорта и тем самым сократить затраты на оборудование сети.

Еще большего сокращения подхода к остановкам можно добиться,

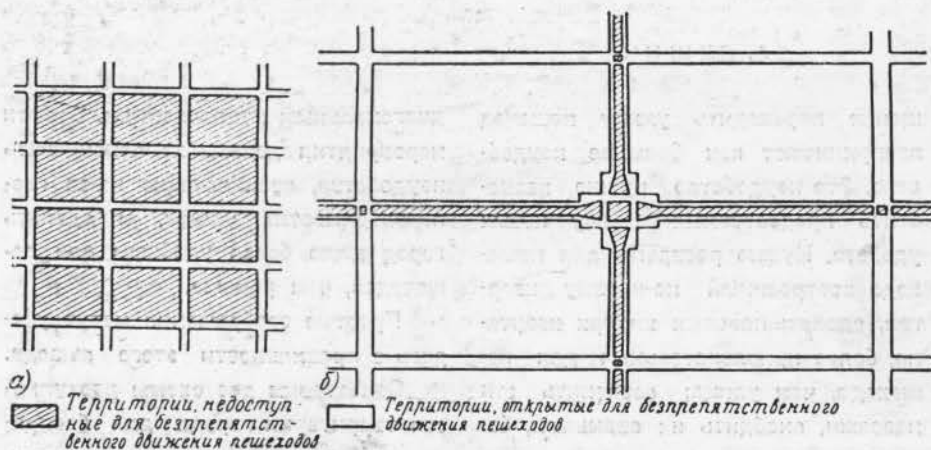
сочетая устройство диагональных пассажей с предпочтительным размещением зданий повышенной емкости вблизи от остановок массового транспорта, и в особенности станций метро.

Для обслуживания хозяйственных потребностей квартала и населения должны предусматриваться внутриквартальные проезды и площадки движения и оборота легковых и грузовых машин, стоянки для легковых машин, ожидающих посадки пассажиров, и гаражи для хранения легковых машин.

Емкость отдельного гаража определяется, исходя из необходимости приближения места хранения машины к месту жительства владельца; максимальная дальность отстояния жилого дома от гаража, его обслуживающего, не должна превышать 300 м.

Очень часто при проектировании внутриквартальных проездов забывают о необходимости устройства закруглений на поворотах внутриквартальных проездов. При малой ширине проездов отсутствие или недостаточность закругления приводит к сломке углов тротуаров, газонов, изгородей. Радиус закругления должен быть не менее 9,0 м при ширине проезда в 3,0—3,5 м и 6 м при ширине проезда в 6,5 м. Площадки для оборота машин (у магазинов, котельных) должны определяться из расчета, что минимальный радиус, который описывают при повороте задние колеса грузовой машины — около 6 м, а наибольший радиус, который описывают передние ее колеса — около 10 м.

Зоной, доступной для систематического движения машин, должна являться только периферийная часть квартала. В целях безопасности детского населения квартала, зона расположения детских учреждений и площадок должна быть недоступна для машин, точно так же как и зона отдыха.

Доступность территории города для беспрепятственного движения пешеходов.

а) старый город пешеходов, б) современный город автомобиля

ТИПЫ НОВЫХ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

С. ПОКШИШЕВСКИЙ

За последние десять лет в Ленинграде построено около 25 новых жилых кварталов. Большинство закончено и благоустроено. Таким образом Ленинград накопил достаточно большой опыт создания новых городских жилых массивов, небезынтесный и для других городов. К сожалению, архитектурная сторона этого опыта значительно менее ценна, нежели планировочная и организационно-бытовая.

К новым жилым кварталам Ленинграда относятся жилые массивы Выборгской стороны — Батенинский и Бабуринский, квартал на Кондратьевском проспекте, в Кировском районе — кварталы по Турбинной и Тракторной улицам, Автово, улица Стачек, кварталы Володарского района — Щемиловка, Троицкое поле, Палевский жилой массив, городок 5 ГЭС, Малая Охта, кварталы Московского района — Электросила, Международный проспект, жилые массивы Крестовского острова, острова Декабристов и др. Нужно отметить и ряд кварталов малоэтажной застройки на окраинах города — в Кушелевке, на Объездном и Ланском шоссе, в Новой деревне и на Охте. К сожалению, кварталы облегченного и малоэтажного строительства до сих пор не являются темой серьезной работы архитекторов. Поэтому наибольший интерес представляют в данное время кварталы капитальной застройки. В настоящей статье мы будем говорить только о них.

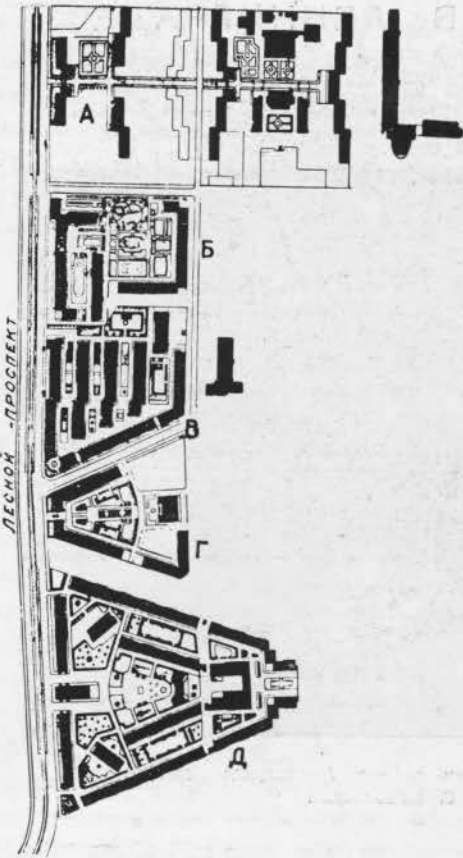
Начало застройки новых ленинградских кварталов нужно отнести к 1926—29 гг. В то время ясного понимания необходимости квартальной и магистральной застройки еще не было. Речь шла о новых «жилых массивах», т. е. о концентрации строительства жилых домов на отдельных участках. Тем не менее, к началу тридцатых годов в Ленинграде появляются различные типы застройки: и магистральный — в виде транспортной улицы, и квартальный (Кондратьевский квартал), и в виде жилых массивов — Палевский, Электросила, Баурин переулочек, использующих только часть квартала.

Застройка Тракторной улицы в Кировском районе Ленинграда. 1926—29 гг.
Акад. арх. А. С. Никольский

Новый жилой квартал в Бабурином переулочке. Ленинград

Жилой микрорайон на Лесном проспекте. Батенинский жилой массив. Ленинград

- А — студенческий городок,
- Б — квартал специалистов,
- В — городок текстильщиков,
- Г — квартал текстильщиков,
- Д — Батенинский квартал.

Батенинский жилой массив

В проектах того времени наиболее здоровой была идея комплексности жилищного и культурно-бытового строительства. Эта идея красной нитью проходит через всю десятилетнюю историю новых ленинградских кварталов. Она легче всего претворяется в поквартальной и микрорайонной застройке и труднее всего в застройке улицы цепочкой отдельных домов. Последний метод не получил в Ленинграде широкого распространения. Причины понятны.

В магистральной застройке нуждается прежде всего реконструируемая часть города, спрямляющая и расширяющая свои улицы, а также загородное шоссе, если оно попало в новые границы города и требует скорейшего архитектурного оформления. Ленинград не нуждается ни в спрямлении, ни в расширении магистралей и поэтому насчитывает лишь единичные примеры магистральной застройки — это Тракторная улица, отчасти улица Стачек и, наконец, Международнй проспект, Московское шоссе (начало застройки 1935 г.). Застройка Московского шоссе, однако, имеет свою особенность, заключающуюся в том, что она запроектирована не цепочками домов, а целыми кварталами, охватывающими с обеих сторон эту будущую главную улицу, ведущую к Ленинградскому Дому советов.

В основном все новое жилищное строительство шло по линии освоения целых районов, главным образом, бывших рабочих окраин, с полным сносом старой деревянной застройки, ликвидацией свалок, пустырей и огородов и реализацией новой сетки плана. Так возникли в начале тридцатых годов кварталы Электросилы, Троицкого поля, Турбинной улицы, Батенинского массива.

Идеи конструктивизма и гигантомании нашли свое отражение в этих работах. Говорилось «квартал»

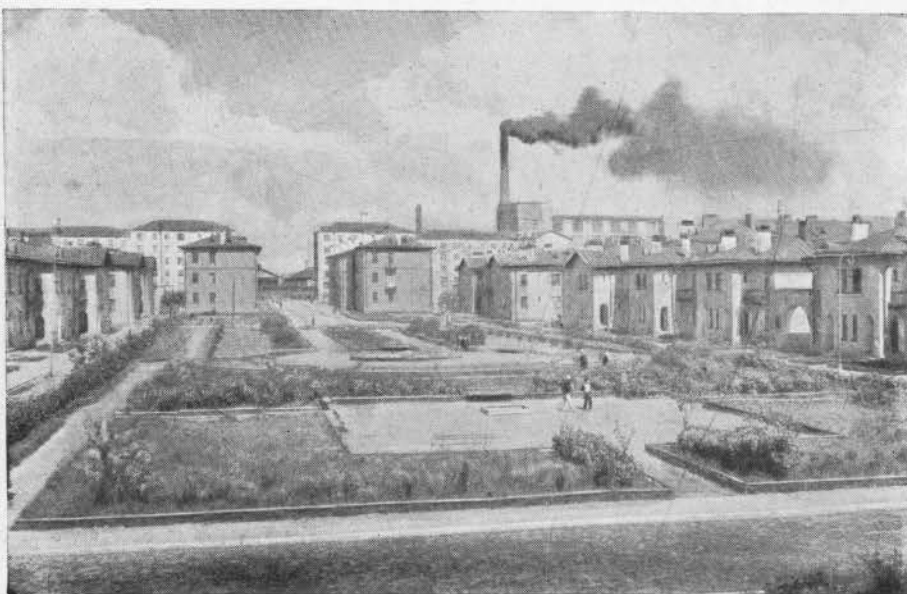

Батенинский жилой массив. Квартал текстильщиков

а подразумевался целый город с населением в десятки тысяч людей, со всеми обслуживающими учреждениями. Таков, например, один из кварталов Электросилы. Длинные корпуса жилых домов, поставленные строго по меридиану, расчленяют весь квартал на ряд полос. Квартал занимает площадь в 25 га. Косые дороги подчеркивают отсутствие идеи какого-либо внутриквартального объема. Огромный участок школы позволяет разместить целый комбинат. Внешние границы квартала условны. Люди, живущие в таком квартале, должны маршрутировать в определенные часы на обед в общественные столовые, на спортивные площадки, ходить по длинным коридорам жилых домов «переходного» типа. Жизнь отвергла все эти установки. Что касается идеи строчной застройки, то она все же удержалась на несколько лет и воплотилась в квартале по Турбинной улице, на Крестовском острове, в Текстильном городке, в Батенинском жилом массиве и в ряде других мест. Все же размеры этих кварталов значительно меньше.

Опыт подсказал, что с территорией квартала нужно обращаться осторожно: она требует расходов на благоустройство. Кроме того, явилось желание сочетать строчку с созданием известного внутриквартального объема. Так родилась идея постановки одной секции под углом к основному корпусу или сдвигка од-

Палевский жилой массив в Ленинграде. 1927—29 гг.

ной-двух секций. Нужно было найти и место для детских и обслуживающих учреждений. В квартале по Турбинной улице они пристроены к торцам жилых домов — решение, заслуживающее внимания и в современных методах застройки. Однако, в целом, архитектурного, а равно экономического эффекта не получилось.

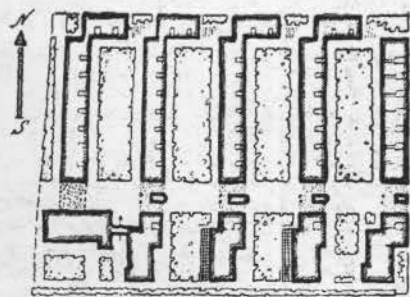
Безобразие коробочной архитектуры вызвало всеобщее осуждение строчной застройки. С середины и

конца тридцатых годов появляется второй тип ленинградского квартала — квартал периметральной застройки, однако без интенсивного использования периметра. Важность использования наиболее эффективным способом периметра осознана лишь за последнее время. Здесь нельзя не отметить роли, которую сыграли в этом деле Ленпроект (мастерская арх. Симонова) и ЛНИИХ — Ленинградский научно-исследовательский институт коммунального хозяйства (работы инж. Круглякова и арх. Бродовича).

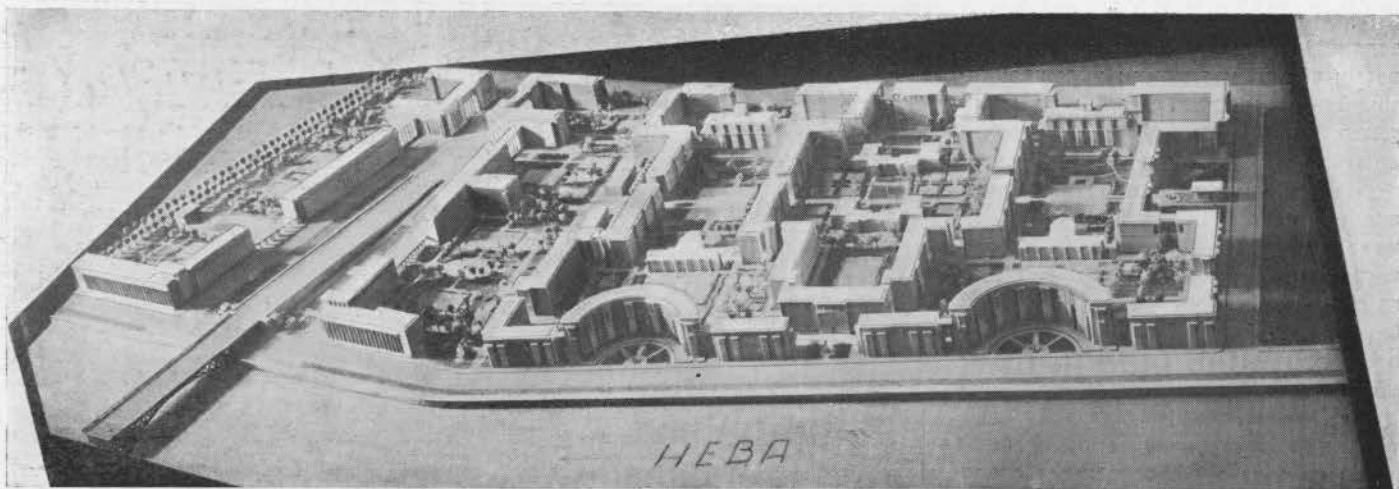
Экономические изыскания шли параллельно с поисками архитектурной выразительности. Таким образом был создан третий тип ленинградского квартала, характеризующийся образованием курдонеров по периметру. Таковы кварталы на Кондрать-

Жилой квартал на Турбинной улице в Ленинграде. 1930—31 гг.

План

Планировка жилого квартала на Малой Охте в Ленинграде. Макет

евском проспекте, южный Батенинский квартал «Д», отчасти кварталы Автова.

При проектировании этих кварталов возникли новые задачи: как оформить разрывы между зданиями и наилучше организовать внутриквартальное пространство в связи с наличием малозэтажных детских учреждений? Эти задачи, в сущности, не нашли своего полноценного решения до сих пор. Одно ясно — сплошная застройка слишком напоминает частновладельческое строительство и затрудняет подземное хозяйство.

В последних кварталах Автова, Щемиловки и других для заполнения разрывов применены арки, про-

пилеи, монументальные решетки. Реже мысль архитектора останавливается на высокой зелени в качестве заполнителя разрыва. На Московском шоссе применено шахматное расположение крайних к магистрали домов: второй ряд ставится против разрывов между домами первого ряда. Но в этом случае внутриквартальное пространство не читается, и магистраль, как в старой застройке, отгорожена глухой стеной домов от самих кварталов.

Очевидно, создание фронта застройки при помощи отступов—курдонеров—наиболее правильный путь решения задачи. Разнообразие форм таких отступов, их размеров и вы-

сотных сочетаний гарантирует от однообразия ритма застройки.

Первым по времени образцом третьего типа ленинградских кварталов — типа с интенсивно использованным периметром в виде отступов—курдонеров нужно считать квартал № 26 на Малой Охте. Здесь проектом введены и полукруглые отступы со стороны Невы, и прямоугольные — со стороны улиц, идущих к Неве. Требование уплотнения застройки сочетается здесь с разнообразием архитектурных приемов. Несколько неудачны масштабы полукруглых отступов, несколько измельчена их архитектура, — широкая перспектива набережной Невы требует более крупных и лаконичных решений. Эту ошибку нужно учесть в дальнейшем, — в квартале № 26 она непоправима. Внутреннее пространство квартала решено в виде ряда архитектурно изолированных дворов, к чему обязывают размеры квартала. Очевидно, создать единый внутриквартальный объем можно лишь при небольших размерах квартала в 6—8 га. Удачный пример такого объема — квартал текстильщиков Батенинского жилого массива. Однако свободные пространства этого внутриквартального объема преувеличены, площадки мало используются.

По примеру квартала № 26 на Малой Охте решен ряд кварталов — на Щемиловке, Московском шоссе, в Автове. Что объединяет кварталы третьего типа с предыдущими решениями? Прежде всего — идея комплексности застройки, присущая

Ленинград. Новые кварталы Большой Щемиловки

всем ленинградским кварталам. Квартал — это не только жилые дома, это ясли и детские сады, это зелень для отдыха взрослых, это прачечные, удобно расположенные магазины и пр. Ленинградские кварталы строятся с учетом всех этих элементов и проектируются, исходя из идеи планировки всего микрорайона. Проект микрорайона намечает характер застройки, а равно и размещение школ, амбулаторий, бань, магазинов, кинотеатров и пр.

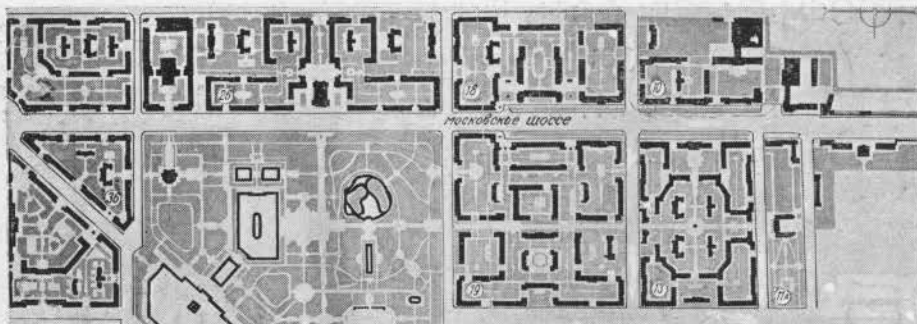
Однако много еще нерешенных задач в проектировании и строительстве кварталов. Первая — определение количества детских учреждений. От количества их зависит решение внутриквартального ансамбля. Вписывание детских учреждений в первые этажи жилых домов находит себе все более и более широкое применение и значительно помогает решить задачу: освободить квартал от малоэтажной застройки, требующей больших разрывов.

Вторая задача — ликвидировать множественность неозелененных площадок внутри квартала, раздробленность и малочисленность самой зелени. Это весьма актуальная задача, так как площадок обычно проектируется и строится большое количество, но они плохо используются, зелень же только окаймляет их границы и проезды. Идея необходимости одного, значительного по размерам, обще-квартального сада еще не получила признания.

Третья задача — удешевление внутриквартального благоустройства. Стоимость его доходит до 25—30 руб. за 1 м². При малом проценте застройки эта стоимость чрезвычайно велика.

Наконец, важнейшая задача — увеличение выхода жилой площади с одного гектара квартала. Уширение корпусов дало благоприятные результаты: при шестизэтажной застройке 6—6,5 тысяч м² жилой площади являются уже реально найденными в последних проектах ленинградских кварталов. Но необходимо увеличение застройки до 35—40%, особенно для маломерных кварталов.

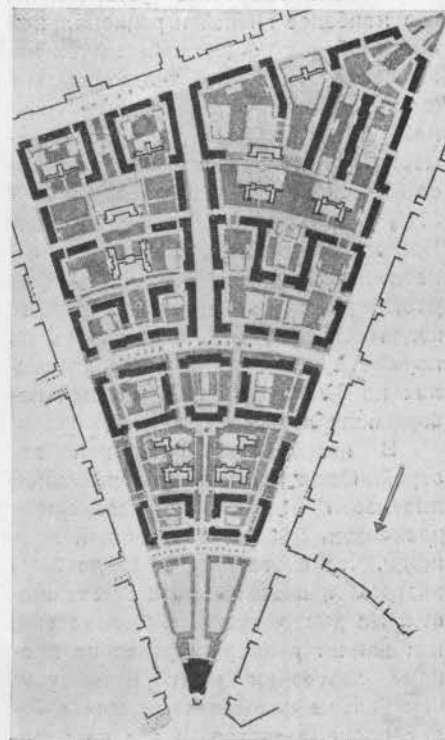
Третий тип ленинградских кварталов уже устарел. Особенно это чувствуется в новых кварталах Международного проспекта. Расположение яслей и детских садов в каре застройки утомительно повторяется повсюду. Динамика архитектуры

Ленинград. Планировка кварталов Московского шоссе. Проект. 1937—38 гг.

улицы принесена в жертву рисунку отдельных кварталов. Общественные здания забиты высокими жилыми домами с архитектурой, старающейся перекричать соседа.

Все это необходимо преодолеть в последующих типах новых кварталов. Разнообразие их застройки необходимо сочетать с требованиями архитектуры улицы. Необходимо укрупнить внутриквартальные зеленые пятна и создать сады. Плотность застройки надлежит увеличить до разумных размеров: 4—5 м² свободных пространств на 1 человека в квартале, по исследованиям ЛНИИХ, совершенно достаточны для размещения всех площадок и зелени. Нужно улучшить архитектуру дворовых фасадов, применять вертикальное озеленение балконов и стен, нужно сократить число детских учреждений и вынести их в первые и вторые этажи. Все хозяйственные постройки должны быть объединены в одном хозяйственном корпусе. Так будет найден новый тип квартала — более совершенный, чем все предыдущие, более экономичный и архитектурно более полноценный.

Ленинград. Автово.
Планировка трех жилых кварталов. 1936 г.
Проф. А. А. Оль, арх. С. Е. Бровцев

План квартала южного массива Шемиловки в Ленинграде. 1936 г.
Проф. А. А. Оль

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТСТУПОВ ПРИ ЗАСТРОЙКЕ КВАРТАЛОВ

Ю. КРУГЛЯКОВ

В настоящее время практикой проектирования и строительства жилых кварталов установлено, что наиболее гибкой и рациональной системой застройки является так называемая смешанная застройка или, иначе говоря, периметрально-строчная. При такой застройке по периметру крупного квартала размещается 65—75% всех жилых домов и 25—30% размещается внутри квартала. При малых размерах кварталов относительная длина периметра возрастает, и здесь могут быть случаи, когда вся застройка идет только по периметру, как например, в кварталах на Смоленской и Ростовской набережных в Москве (рис. 1).

В кварталах капитальной застройки для достижения нормальной плотности населения необходимо размещать 6 000—7 000 м² жилой площади, что составляет от 25 до 30% застройки, в зависимости от этажности. На диаграмме (рис. 2) показано, как влияет размер квартала на процент застройки его по периметру: чем больше квартал, тем меньше будет процент застройки его по периметру, тем большее количество зданий приходится размещать внутри квартала. Но, кроме жилых и общественных зданий, на квартале должны быть размещены сады, детские и физкультурные площадки. Эти сво-

Из диаграммы видно, что при площади квартала, например, в 8 га по периметру можно разместить лишь 16% застройки, остальную застройку необходимо размещать внутри квартала. При шестизэтажной застройке внутри квартала будет размещено еще 40% застройки, при пятиэтажной — еще 80%, а при застройке в 8 этажей все жилые дома можно разместить вдоль границ квартала.

Сплошной линией обозначен процент застройки, размещенной по периметру квартала; пунктиром — процент застройки, который можно разместить только по периметру.

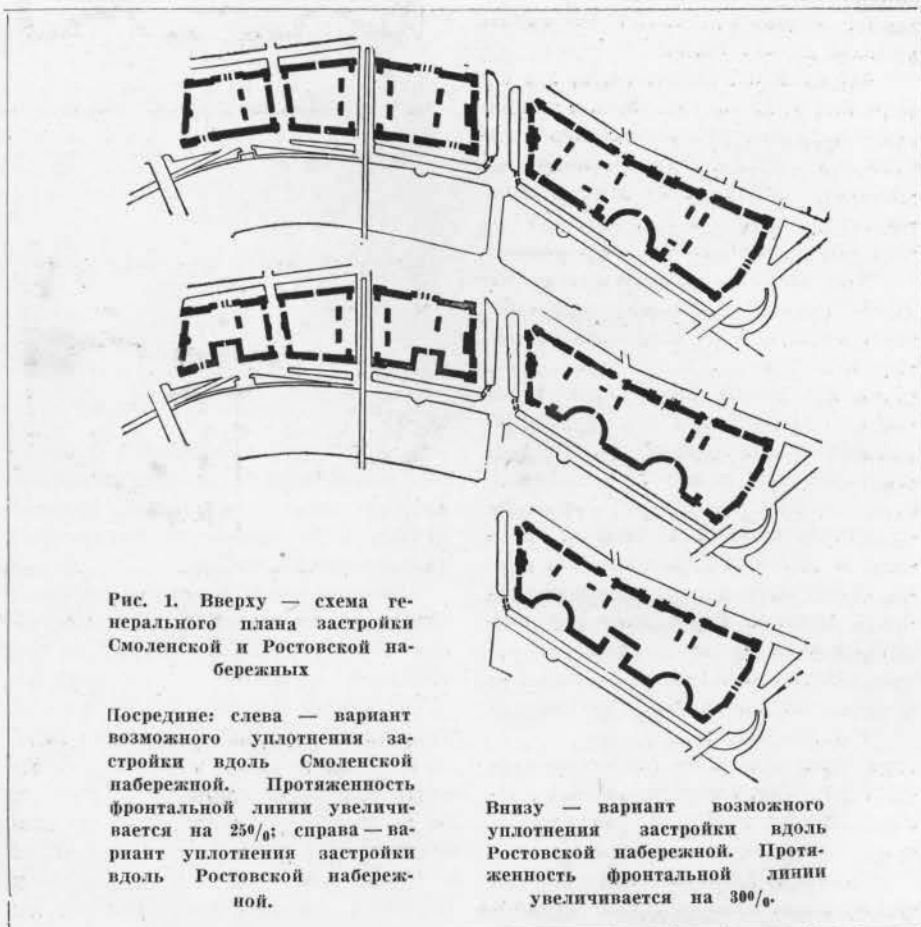

Рис. 1. Вверху — схема генерального плана застройки Смоленской и Ростовской набережных

Посредине: слева — вариант возможного уплотнения застройки вдоль Смоленской набережной. Протяженность фронтальной линии увеличивается на 25%; справа — вариант уплотнения застройки вдоль Ростовской набережной. Протяженность фронтальной линии увеличивается на 30%.

Внизу — вариант возможного уплотнения застройки вдоль Ростовской набережной. Протяженность фронтальной линии увеличивается на 30%.

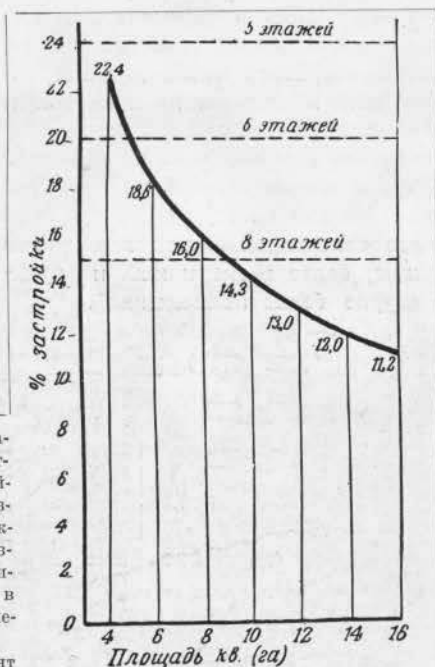

Рис. 2. Процент застройки кварталов жилыми домами в зависимости от этажности

бодные внутриквартальные пространства нежелательно измельчать, внутриквартальные сады должны устраиваться по возможности в виде крупных зеленых участков, не разрезаемых застройкой.

Таким образом получается некоторое противоречие между требованиями застройки, ведущими к измельчению внутриквартального пространства, и требованиями озеленения. Отсюда — довольно распространенное среди архитекторов мнение, что при плотности в 6 000—7 000 м² жилой площади на гектар, внутри квартала остается, якобы, мало места для зеленых насаждений. И далее делается вывод, что выше 5 500 м² жилой площади на гектар (при этажности в шесть этажей) не следует проектировать. Это ошибочное мнение базируется на опыте таких проектов кварталов, в которых внутриквартальные здания разрезают всю свободную территорию квартала. При этом получается несколько небольших участков, на которых нет возможности создать зеленый массив и

нельзя добиться достаточной удаленности физкультурных площадок от окон жилых домов.

Чтобы избежать чрезмерной дробленности квартала, можно применить такой прием застройки, который дает наиболее интенсивное развитие периметральной линии и позволяет оставить внутри квартала достаточных размеров свободные пространства.

Этот прием сводится к тому, что длина фронтальной линии застройки увеличивается путем устройства отступов внутрь квартала; получаются открытые на улицу дворики, обстроенные с трех сторон зданиями (курдонеры). Эти курдонеры могут быть озеленены и органически вкомпонованы в архитектуру фасадной линии квартала. Как пример удачного использования этого метода интенсификации фронтальной линии, можно привести застройку вдоль реки Невы квартала № 26 на Малой Охте: здесь использован прием полукруглых отступов (рис. 3).

Элементарный подсчет показывает, что устройством курдонеров можно увеличить фронт периметральной застройки на 30—40% и более.

Уплотнение фронтальной застройки кварталов не только облегчает решение внутриквартального пространства, но дает ряд других планировочных преимуществ.

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 года «О генеральном плане реконструкции гор. Москвы» имеется специальное указание о необходимости более интенсивно использовать под жилую застройку наиболее красивые и удобные места: «В отдельных, наиболее удобных и ценных для жилых зданий районах (например, на набережных) плотность заселения может быть допущена до 500 человек на 1 га жилого квартала за счет повышения этажности домов».

Если застройка пресекается вдоль парка, широкого бульвара, вдоль реки, желательно открыть вид на эти красивые места по возможности с большего количества точек, т. е. вынести на фасад большее количество квартир.

Так, например, при проектировании застройки Ростовской и Смоленской набережных (автор—акад. арх. А. В. Щусев) можно было использовать, в целях интенсификации фронтальной линии, не только повышен-

Наб. р. Невы

Рис. 3. Фронтальная линия квартала на М. Охте.

Пример удачного применения отступов

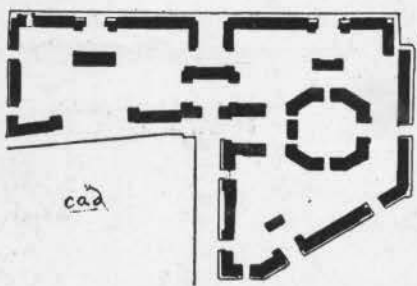

Рис. 4. Решение квартала на Щемилровке в Ленинграде.

Число зданий, обращенных фронтом к саду, незначительно

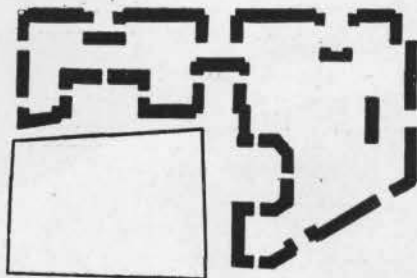

Рис. 5. Вариант возможного решения того же квартала с большим фронтом зданий, обращенных к саду

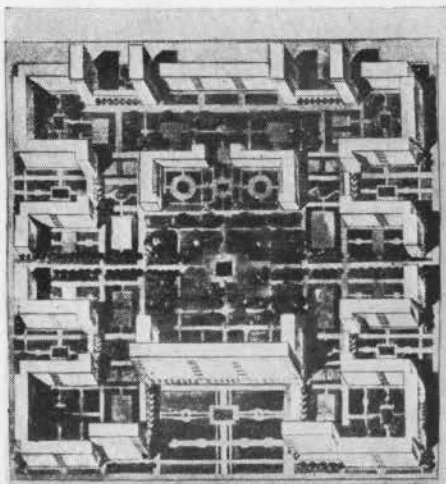

Рис. 6. Ереван. Планировка квартала. Арх. Ф. Ф. Олейник

ную этажность зданий, но и прием отступов.

Частично этот прием использован: на Ростовской набережной полукруглый план Дома архитекторов увеличивает длину фасада вдоль набережной на 13%. Применение двух полукруглых отступов дало бы увеличение фасадной линии на 25%. То же можно сказать и о застройке Ростовской набережной, где устройство курдонеров могло бы дать увеличение фасадной линии застройки на 30—35%.

Из ленинградского опыта можно привести пример ошибочного решения квартала на Щемилровке (авторы Е. А. Левинсон и И. И. Фомин). Здесь две стороны квартала выходят на участок будущего сада (ныне закрытое кладбище) площадью около 6 га (рис. 4).

Казалось бы, надо максимально использовать фронт этих двух сторон квартала. А в проекте не только недостаточно использована эта возможность, но часть домов вообще выходит в закрытый двор, формально вставленный в центр квартала.

На рис. 5 показан вариант решения того же квартала при условии сохранения такой же плотности застройки, но с выпуском максимального фронта фасадов на территорию сада.

Прием интенсивного использования периметра с устройством внутриквартального сада удачно применен в решении планировки квартала в г. Ереване (рис. 6, проект арх. Ф. Ф. Олейника)¹.

Раскрытие наибольшего фронта застройки на зеленые пространства, на благоустроенные магистрали применяется нередко за границей. Так, довольно глубоким курдонером увеличен фронт фасада большого жилого дома, выходящего на Гайд-парк в Лондоне (рис. 7). Этот же прием применен в Аахене (рис. 8).

Опыт зарубежного проектирования дает интересные решения целых кварталов, в которых сильно развитый периметр застройки позволяет хорошо организовать внутриквартальное пространство.

На рис. 9 и 10 приводится решение квартала массового строительства в Мэриленде (Silver Spring, Maryland).

¹ Здесь этот прием может быть вызван климатическими условиями.

Рис. 7. Дом с развитым фасадом, обращенным к Гайдшарку. Лондон

Рис. 8. Дом с развитым фасадом в Аахене

Рядом с планом этого квартала приводится вариант его планировки (рис. 11) при условии обычной застройки вдоль красных линий без использования приема отступов. Как видно из плана, в этом варианте невозможно было бы создать такой сад, какой создан фактически в ва-

рианте с глубокими отступами внутри квартала.

В отношении экономичности строительства города, удобства пользования благоустроенными магистралями, целесообразно приближение жилых массивов к хорошо оборудованным улицам. С другой стороны,

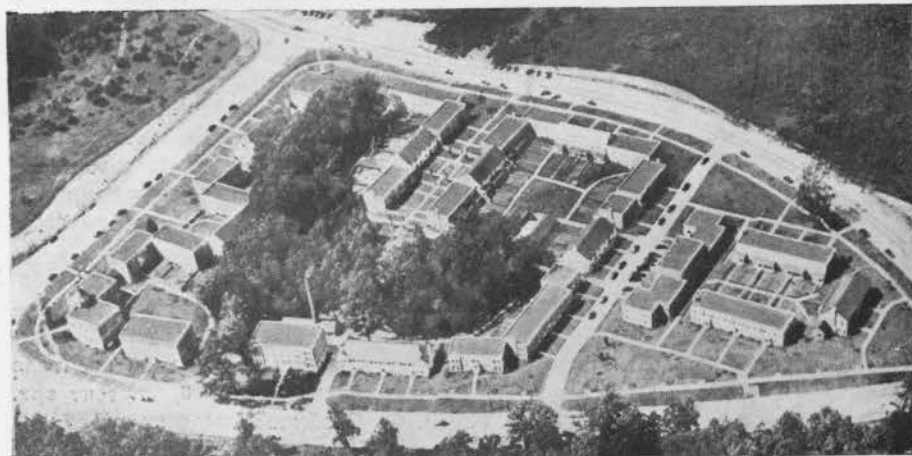

Рис. 9. Квартал в Мерленде

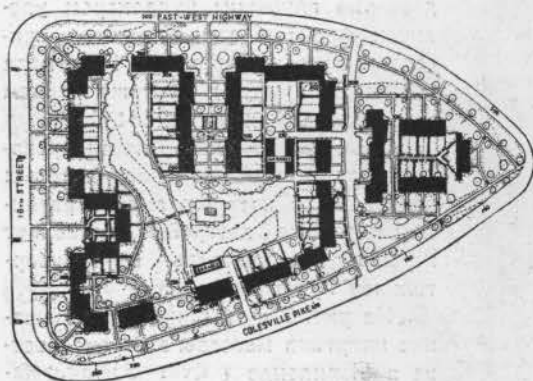

Рис. 10. Квартал в Мерленде. Устройством двух глубоких отступов внутри квартала достигнуто решение большого внутриквартального сада

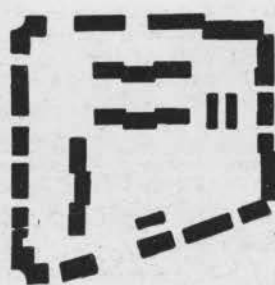

Рис. 11. При варианте без курдонеров внутриквартальное пространство дробится на два участка

нежелательно, с санитарно-гигиенической точки зрения, выведение окон жилых помещений непосредственно на шумную магистраль, с воздухом, загрязненным газом автомашин, а иногда и пылью.

Таким образом, в отношении близости жилья к магистрали действуют два фактора: один диктует приближение к магистрали, другой требует некоторого отступа от магистрали.

Прием курдонеров в значительной мере разрешает это противоречие. Представим себе отрезок магистрали протяжением в 0,5 км. За вычетом поперечных улиц и разрывов в торцах домов, линия застройки составит 430—450 м. Если же устроить на протяжении этой линии три курдонера глубиной в 40 м, то в каждом курдонере получится добавочный фронт в 80 м, а в трех курдонерах—240 м, т. е. фронт фасадной линии увеличивается в полтора раза.

Вместе с тем, из получаемой таким образом длины застроенной линии в 670 м свыше 400 м выходит внутрь курдонера и лишь около одной трети всей застройки выходит непосредственно на магистраль. Если принять во внимание, что в первых этажах этих домов можно устроить магазины, рестораны, конторы и т. п. учреждения, то ясно, что прием отступов помогает разрешить задачу приближения жилья к магистралям с одновременным ограждением жилых квартир от неприятностей непосредственного соседства магистрали.

Разумеется, далеко не во всех случаях применим предлагаемый прием застройки. Повидимому, на некоторых магистралях он будет неприемлем, но на многих магистралях и на жилых улицах следует рекомендовать этот прием к широкому применению. В Ленинграде, например, вдоль северной и южной границ Нового Московского парка (на Московском шоссе) следовало бы максимально открыть застройку кварталов на будущие парковые массивы. А между тем, здесь запроектированы такие же почти ровные линии застройки, вытянутые вдоль улиц, как и в большинстве других случаев.

Курдонеры не должны быть замкнутыми; их следует открывать с боков и по фасаду такими разрывами, какие обычно применяются в торцах зданий, т. е. разрывами в

10—20 м. Это важно и с санитарно-гигиенической точки зрения и с точки зрения противозвушной обороны.

Критически подходя к проекту квартала с курдонерами, архитектор иногда получает неправильное представление о той перспективе, которая откроется зрителю при осуществлении проекта в натуре. Ошибка заключается в том, что при сопоставлении общих очертаний застройки квартала в плане с планами курдонеров на этом же квартале архитектор невольно получает впечатление несоответствия масштабов курдонеров с масштабами квартала. Поясним это на примере. По сравнению с общей протяженностью квартала в 400 м и его площадью в 10 га, два курдонера размером 18×40 м представляются измельченными, немасштабными. А между тем, — это впечатление ложное, получаемое благодаря суждению об объемном решении на основании изображения в плане. В натуре такие курдонеры могут оказаться лучшими архитектурными элементами фронтальной линии квартала; например, на рис. 12 показан курдонер на набережной реки Карповки (дом 19) в Ленинграде: ширина двора — 18 м, глубина — 40 м, т. е. размеры его совпадают с размерами курдонеров на рис. 13. Глядя с улицы на этот курдонер, зритель вовсе не задумывается о том, какой частью квартала является этот двор и каких размеров все внутриквартальное пространство. Разумеется, 18 м разрыва при пятиэтажной застройке недостаточно, но, как видно из фотографии, даже при такой ширине курдонер может украшать улицу.

Размеры отдельных элементов плана вовсе не определяют масштаба объемных решений этих элементов; квартал может быть велик, а курдонеры малы, и, наоборот, малые кварталы могут быть решены с большими курдонерами, и зрительное впечатление может быть создано хорошее.

Следует отказаться от суждения о масштабе архитектурных решений по плановым материалам. Эта элементарная истина, к сожалению, не всегда принимается во внимание при суждении о качестве проектов.

Еще на одном вопросе следует остановиться в связи с приемом отступов. Некоторые архитекторы счи-

Рис. 12. Дом на набережной реки Карповки в Ленинграде. Глубокий курдонер (40 м), шириной 18 м

Рис. 13. Рассматриваемые в плане курдонеры производят впечатление немасштабных дворов по сравнению с размером квартала. Однако в натуре (рис. 12) этого впечатления не получается

Рис. 14. Новый дом с курдонером на 8-й Советской улице в Ленинграде

тают, что часто расположенные курдонеры нарушают целостность впечатления улицы. Так, например, в журнале «Архитектура СССР» (№ 3 за 1938 г.) в статье «Новые кварталы Ленинграда» проф. Л. А. Ильин пишет: «Но и здесь (т. е. устраивая отступы — Ю. К.) не следует допускать излишеств, ибо фронтальная линия улицы, состоящая из сплошных отступов, приводит к тому, что зрительно утрачивается самая основа улицы». Это опасение — нарушить цельность восприятия улицы, — по существу, является одним из основных аргументов противников отступов.

Но основателен ли этот аргумент?

Надо иметь в виду, что вдоль отступов устраиваются ограды, решетки, колоннады и рядовые посадки деревьев и кустарников (см. рис. 12

и 14). Это еще более закрепляет четкость и непрерывность линии улицы.

Приведенный материал позволяет сделать следующий вывод: при застройке периметра, устройство отступов имеет ряд планировочных достоинств.

1. Значительно увеличивается число квартир, выходящих на лучшие, красивые места города, набережные реки, парки, бульвары, дальние ландшафты (в городах с холмистым рельефом).

2. Наиболее эффективно используется внутриквартальное пространство; лучше организуется зеленый массив с детскими площадками и местами тихого отдыха.

3. Приближается большее количество жилой застройки к хорошо обо-

родованным магистралям, и, вместе с тем, жилые помещения в большинстве не выходят непосредственно на магистрали; население квартир удалено от шума и газов магистрали.

4. Создается еще один элемент архитектурной организации улицы — нарушение ее монотонности простыми средствами (излом фронтальной линии).

К этому надо добавить: удобство организации крупных магазинов с выходами не непосредственно на тротуар, а на площадку курдонера; возможность организации открытых веранд при столовых и ресторанах; снижение стоимости внутриквартального благоустройства, благодаря тому, что подавляющее большинство домов приближено к улицам и их подземным сооружениям и т. д.

ПЛАНИРОВКА ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ ЗА РУБЕЖОМ

В. ГРОССМАН, Б. КОГАН

Реконструкции старого города в таком масштабе, как в нашей столице, не было и нет ни в одном из городов капиталистической Европы и Америки. Имеется ряд примеров реконструкции отдельных трущобных кварталов, которые муниципалитеты вынуждены сносить и снова застраивать. Однако квартиры в новых домах совершенно недоступны обитателям сносимых трущоб. Об этом ярко свидетельствует большой материал, собранный конгрессом международного союза жилищного дела (Internationaler Verband für Wohnungswesen). «Оказалось, — читаем мы в отчете, — что население не оставляет трущоб даже тогда, когда имеются свободные лучшие квартиры. Новые, здоровые жилища по своей цене слишком дороги даже для кадровых рабочих, имеющих постоянный заработок».

Несмотря на то, что каждый из больших европейских городов имеет свой позорный генеральный план реконструкции, муниципалитеты, в условиях капиталисти-

ческого хозяйства, вынуждены ограничить «реконструкцию» «латанием» таких трущобных кварталов, которые своим антисанитарным состоянием уже стали угрозой всему городу.

Один из способов «реконструкции» тесно застроенных ветхих кварталов в капиталистических городах заключается в том, что с внутренней стороны квартала «выскабливаются» все строения, затесняющие дворы, старая же периметральная застройка оставляется и, в случае надобности, ремонтируется, а фасады несколько освежаются. Такой подход мотивируется желанием «сохранить культурно-исторический облик города». Однако он больше объясняется сопротивлением домовладельцев сносу устаревших зданий.

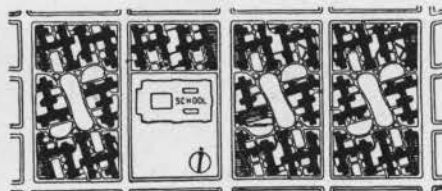
Некоторые интересные, с точки зрения ансамблевой застройки, примеры строительства новых жилых кварталов в центре старых городов встречаются в Лондоне и в ряде североамериканских городов.

Так, в Лондоне, в районе Комбер

Эстейт было построено несколько четырех- и пятиэтажных блоков в виде подковы, с большими, расширяющимися в сторону улицы озелененными курдонерами. В районе Оссельстон построен замкнутый пятиэтажный кирпичный блок с громадным озелененным двором. Чтобы допустить больше солнца и воздуха внутрь двора этого замкнутого комплекса, его корпус с одной стороны постепенно понижаются до двух этажей и по оси двора соединяются большой аркой. В двухэтажных корпусах размещаются магазины, детские комнаты и клуб неизбежной «армии спасения», которая во всех трущобных районах Лондона пытается молитвами «спасать» души нищенского его населения.

Архитектура новых блоков в Лондоне, по сравнению с архитектурой американских жилых кварталов, которые мы описываем ниже, значительно привлекательнее. Корпуса, сложенные из красного кирпича, не оштукатурены. Множество арок в первом этаже, лоджий и террас во всем здании, а также высокая двускатная черепичная крыша придают этим корпусам типичный для традиционного английского дома вид. Чувствуется, что архитектор стремился решить свое новое сооружение в виде замкнутого комплекса корпусов, отгородившись от окружающих его старых трущоб.

Совершенно иначе решены новые жилые кварталы, построенные в порядке «оздоровления» трущобных районов в Нью-Йорке, Кливленде, Балтиморе и в других североамериканских городах. Жилые секции в домах этих кварталов состоят из двух- и трехкомнатных квартир, выходящих по 3—4 и даже по 6 и 8 квар-

Жилой комплекс «Паркчестер» в Нью-Йорке

тир на одну лестницу. Из типовых секций, имеющих в плане L, T, Z или +образную форму, американский архитектор составляет блоки разной величины и конфигурации. Улицам, окружающим квартал, архитектор не уделяет почти никакого внимания. К улице с ее шумом, пылью, опасностями для детей американский жилой квартал поворачивается спиной или, в лучшем случае, боком. К улице обращены всякие подсобные, нежилые помещения, например кухни, санитарные узлы, лестницы, а в первом этаже — магазины, гаражи, мастерские и т. д. Зато уделяется много внимания внутренней организации кварталов: проводится озеленение внутриквартального пространства, группировка типовых блоков вокруг большой внутренней зеленой площадки или вокруг искусственного пруда; предусматриваются площадки для детей дошкольного возраста со скамейками, игральные площадки для подростков; выделяется определенное место для сушки белья и для мусорных ящиков, если внутри дома не имеется мусорожигательной установки. В образцовых кварталах имеется даже отдельное здание детского сада и слесарной мастерской, в которой по вечерам могут заниматься подростки и даже взрослые.

В просторное, хорошо проветриваемое внутриквартальное пространство выходит большинство окон жилых комнат. Американский архитектор проектирует так, чтобы вид из окон был свободный. В некоторых случаях, чтобы хоть как-нибудь отгородить пространство квартала от улиц, квартал вдоль красной линии застраивается одно- и двухэтажными магазинами, гаражами и т. п. зданиями.

Большинство новых кварталов, построенных за последние годы в США, лишено какой-либо архитектурной обработки. Только в редких случаях рука архитектора, путем постепенного повышения корпусов в глубь квартала или использования центрального расположения общественного здания, вроде школы, клубного здания или церкви в качестве доминанты квартала, добивается четкой его композиции.

Типичным примером американского жилого комплекса, построенного в порядке «оздоровления» трущоб в Нью-Йорке в 1938 году, может послужить комплекс Вильямсбург в районе Бруклин. Он состоит из трех, совершенно одинаковых по своей планировке и своему размеру прямоугольных кварталов, расположенных в один ряд. Четвертый квартал отличается от остальных лишь тем, что половина квартала занята новым зданием школы и школьной площадкой. Жилые четырехэтажные блоки без лифта, составленные из вышеописанных типовых секций, стоят по диагонали квартала, преимущественно в северо-западном — юго-восточном направлении. Таким образом, максимальное количество комнат, выходящих на обе стороны блока, получает в течение дня солнечный свет. Каждый квартал имеет в длину 210 м и в ширину 120 м и состоит из шести блоков, по 5—8 секций разной конфигурации в каждом. Блоки сгруппированы вокруг продолговатого центрального зеленого газона. Почти все входы в секцию ведут изнутри квартала. Внутриквартальные дорожки бетонированы, но

не предназначены для проезда автомашин. Однако они достаточно широки, чтобы, в случае пожара или другого несчастного случая, машина могла проехать внутрь квартала.

Вдоль каждого корпуса устроена зеленая полоса, шириной в 3—5 м, отделяющая пешеходную дорожку от здания.

Магазины выделены в отдельные, низкие корпуса вдоль улиц на углах квартала.

Почти по такому же принципу построен новый поселок в городе Кливленде. Однако архитектором более эффективно использована здесь возможность композиции квартала из разных по своей конфигурации и этажности корпусов. Короткие строчные двухэтажные корпуса, расположенные в виде веера на склоне участка, понижаясь террасами, сочетаются с трехэтажными блоками, поставленными под острым углом к улице наверху холма. По углам этого комплекса размещены одноэтажные здания гаражей и магазинов. Характерно, что этот малоэтажный поселок построен недалеко от центра города, почти у подножия небоскребов и громадных скученных блоков времен американского «просперити».

За последнее время вообще преимущественно строятся, как наиболее дешевые, кварталы с малоэтажными кирпичными домами, без лифтов. Строительство их требует небольшого числа сложных конструкций и механизмов. К тому же близость квартиры к земле, возможность детям играть в зеленых дворах делает эти домики похожими на индивидуальные загородные дома с садиком и гаражом, особенно любимые американцами.

Строительство описанных выше кварталов осуществляют на средства, отпущенные правительством. Кроме этого, в американской практике встречаются огромные комплексы, построенные в спекулятивных целях. За последние два года в Нью-Йорке выстроен поселок «Квинсбридж», где все блоки корпусов составлялись из U-образных секций. Другой крупный поселок «Паркчестр» состоит исключительно из крестообразных секций и домов высотой в 8-14 этажей. Из вышек крестообразных блоков состоит новый квартал «Кастл Виллидж», расположенный

живописно на высоком берегу реки Гудзон.

Не подлежит сомнению, что на конфигурацию этих крестообразных блоков повлияли известные крестообразные небоскребы, предложенные 12 лет назад французским архитектором Корбюзье для реконструкции Парижа. Корбюзье предлагал снести наиболее тесно застроенные пяти-, семиэтажными домами кварталы Парижа, площадью около 320 га на правом берегу Сены и построить здесь 20 крестообразных в плане небоскребов в 60 этажей. Каждый небоскреб должен был стоять в центре зеленого квартала, площадью в 10 га. В то время как предложение Корбюзье осталось на его родине только на бумаге, в США оно, повидимому, пользуется некоторым успехом.

Понятие квартала, как видно из приведенных примеров, как законченной, замкнутой в себе объемно-пространственной композиции комплекса зданий, постепенно исчезает. Весьма интересно отметить, что тенденция максимально разряжать жилой квартал, отделять один блок от другого и создавать зеленые массивы вокруг жилых корпусов совпадает с требованиями, которые чрезвычайно остро ставят теперь за рубежом специалисты по противозвушной обороне. Так, выделенная Британским институтом планировки специальная комиссия разработала совместно с департаментом противозвушной обороны английского Министерства внутренних дел «генеральные принципы планировки». В них указывается, что «большие многоквартирные дома, как правило, нежелательны. Там, где они неизбежны, они должны отстоять далеко друг от друга. Ленточная застройка вдоль автомагистралей, железных дорог, рек или каналов недопустима, поскольку она может послужить весьма удобным опознавательным признаком для вражеских самолетов. Следует предпочитать застройку небольшими группами, которые хотя и связаны с данной магистралью, но не прилегают к ней вплотную». Тесная застройка квартала повышает риск прямого попадания бомб в жилые дома. Узкие, замкнутые в каре дворы повышают действие фугасных бомб. Важно сквозное проветривание внутриквартального пространства, облегчающее борьбу с действием газов.

Жилой комплекс Вильямсбург в Нью-Йорке

П Р А К Т И К А

ПЛОЩАДЬ КАЛУЖСКОЙ ЗАСТАВЫ В МОСКВЕ

Н. ТОПУРИДЗЕ

В этом году заканчивается реконструкция Большой Калужской улицы. Новая площадь, проектируемая на месте Калужской заставы, должна завершить реконструированную магистраль.

Проект застройки новой площади был утвержден в мае 1940 г. По утвержденному проекту, площадь Калужской заставы застраивается по полукругию восьмизэтажными жилыми домами с раскрытием Большой Калужской улицы, начало которой акцентируется двумя одиннадцатизэтажными башнями. Выход на новую Калужскую площадь 5-го Донского проезда перекрывается аркой.

Магистральными архитекторами новой площади являются архитекторы Е. А. Левинсон и И. И. Фомин. Ими же разрабатывается проект жилого дома НКВД, занимающего левую сторону площади.

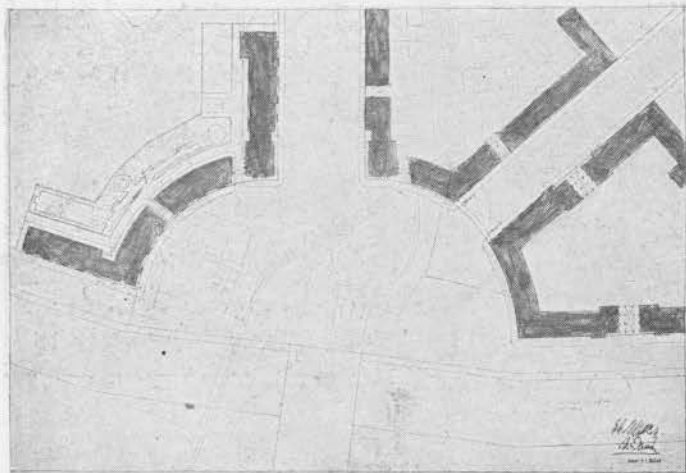
Башню на правой стороне и корпус до 5-го Донского проезда проектирует архитектор А. Е. Аркин (жилое строительство ВЦСПС). Остальная часть правой стороны площади застраивается выходящим на площадь жилым домом завода имени Орджоникидзе, проект которого осуществляется 5-й мастерской Моссовета под руководством архитектора Д. Ф. Фридмана. Надо заметить, что стройка этого дома началась еще до того, как был разработан и утвержден проект всей площади,—так что впоследствии пришлось «увязывать» этот дом с общим ансамблевым решением, что никак нельзя признать нормальным.

Новая площадь завершает широкий проспект Большой Калужской улицы, идущей от Октябрьской площади. Своеобразная застройка Большой Калужской улицы (Горный ин-

ститут, больницы, построенные Казановым и Бове, ряд других общественных зданий и новые жилые дома), а также наличие Нескучного сада, на который раскрываются перспективы в разрывах между отдельными сооружениями, придают особый характер всей магистрали.

Необходимо учесть, что проектируемая площадь является как бы въездом в город, переходом из зеленой парковой зоны к собственно городу. Связанность с парковым пейзажем, несомненно, должна найти свое отражение в архитектурном разрешении площади. Вместе с тем, архитектура новой площади должна носить вполне городской, более того, столичный характер.

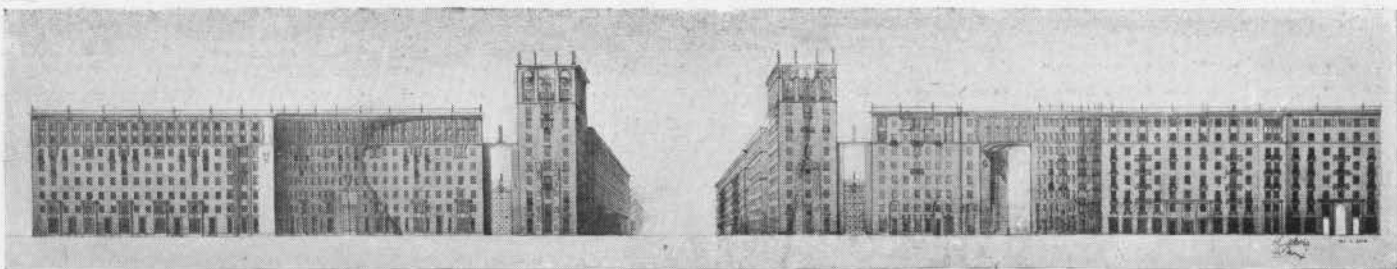
Общее объемное решение застройки новой площади следует считать правильным. Широкий размах полукруглой площади, застроенной монументальными корпусами, хорошо раскрывает реконструированную магистраль. Вертикальные доминанты—две башни, начинающие Большую Калужскую улицу, будут хорошо читаться и организовывать пространство как со стороны парковой зоны, так и со стороны улицы. Вызывает сомнение принятая в окончательном варианте высота башен в 11 этажей. Учитывая значительность раскрытых пространств и перспективные искажения, следует считать более правильной принятую в первом варианте высоту башен в тринадцать этажей.

Проект застройки площади Калужской заставы в Москве. Генеральный план Арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин

Projet de la place de la Barrière Kaloujskaia. Plan d'ensemble Arch. E. A. Levinson, I. I. Fomine

Проект застройки площади Калужской заставы в Москве. Фасады. Арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин
 Projet de la place de la Barrière Kaloujskaia à Moscou. Nouveaux Immeubles. Arch. E. A. Levinson, I. I. Fomine

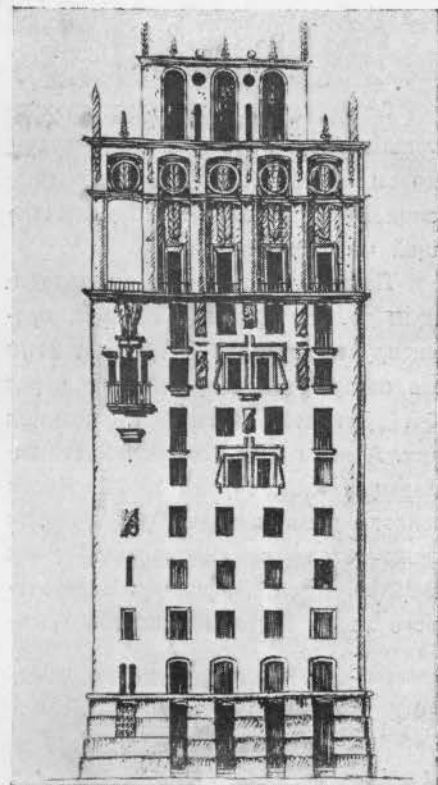
Спорным в объемном решении застройки новой площади является почти полное отсутствие перспективных раскрытий на Нескучный сад (проектом предусмотрен только один сравнительно небольшой проем). Необходимо опять-таки заметить, что первоначально авторы решали этот вопрос более удачно, давая решительные разрывы между башнями и восьмизэтажными корпусами. Композиция площади при этом значительно лучше увязывалась с окружающим парковым пейзажем, а башни в своей вертикальной устремленности получали более четкое разрешение.

Новая площадь будет представляться в далекой перспективе с Калужского шоссе. Она будет видна со многих дальних и ближних точек. Для более четкого восприятия ее объемов Е. А. Левинсон и И. И. Фомин не дают на фасадах горизонтальных делений, выделяя два верхних венчающих этажа поясом тонко

профилированных пилястр. Такое решение вполне убедительно.

Менее удачна композиция по первому и второму этажам. Здания врастают в землю, а не вырастают из площади. Можно надеяться, что при дальнейшей разработке авторы сумеют найти более удачное решение первых этажей.

Со стороны Нескучного сада в композицию стены, раздробленную однообразным ритмом оконных отверстий, они ввели объединяющую тему интересно задуманных балконов. Эти балконы должны, по замыслу авторов, иметь яркий цветовой фон и декоративные железные устройства кузнечной работы для вьющихся растений. Венчающий здание пояс пилястр со стороны Нескучного сада усложняется ритмически расставленными лоджиями, также решенными в цвете. Планировка участка, примыкающего к дому НКВД, задумана в виде террасы.

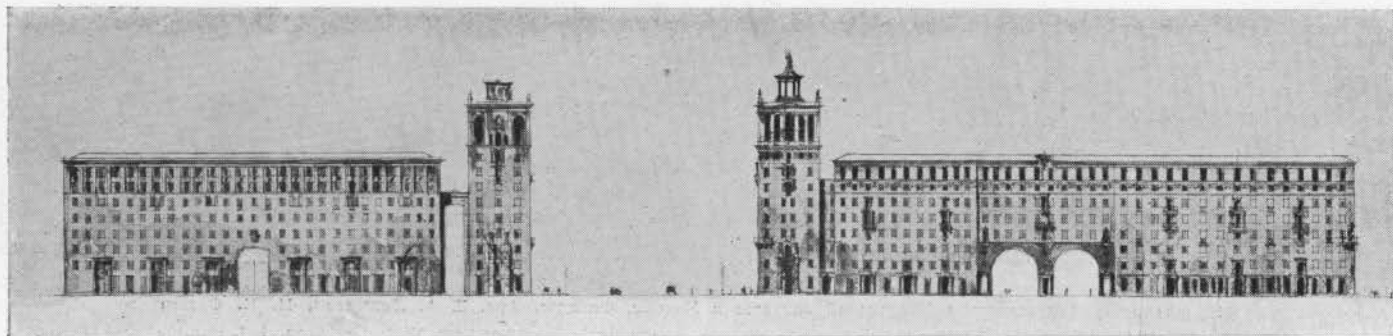

Фрагмент башни

Fragment d'une tour

Проект застройки площади Калужской заставы. Перспектива
 Projet de nouveaux immeubles place de la Barrière Kaloujskaia à Moscou. Perspective

Проект застройки площади Калужской заставы. Эскиз. Арх. А. Е. Аркин
 Projet de nouveaux immeubles place de la Barrière Kaloujskaïa. Esquisse. Arch. A. E. Arkine

Башни еще не получили окончательного своего выражения. Авторы до сих пор работают над их композицией, в особенности над венчающей частью.

Левая башня с корпусом, доходящим до 5-го Донского проезда, проектируется арх. А. Е. Аркиным. Этим же автором komponуется арка через 5-й Донской проезд. Композиция арх. Аркина будет отличаться от композиции жилого дома НКВД. Кусок жилого дома завода Орджоникидзе включается в композицию дома ВЦСПС. Арх. А. Аркин, работа которого тесно связана с работой маги-

стральных архитекторов, культурно и с большим чувством такта подошел к композиции площади и хотя дал решение в совершенно отличных формах, но хорошо увязывающееся с мотивами дома НКВД. Здесь, очевидно, налицо творческий контакт и взаимопонимание авторов и магистральных архитекторов.

Вся застройка площади Калужской заставы состоит из жилых домов, в основу планировки которых положена четырехкомнатная жилая ячейка, утвержденная Моссоветом для строительства 1939 года. Этим еще раз подчеркивается необходи-

мость дать единое решение фасадов, выходящих на площадь Калужской заставы.

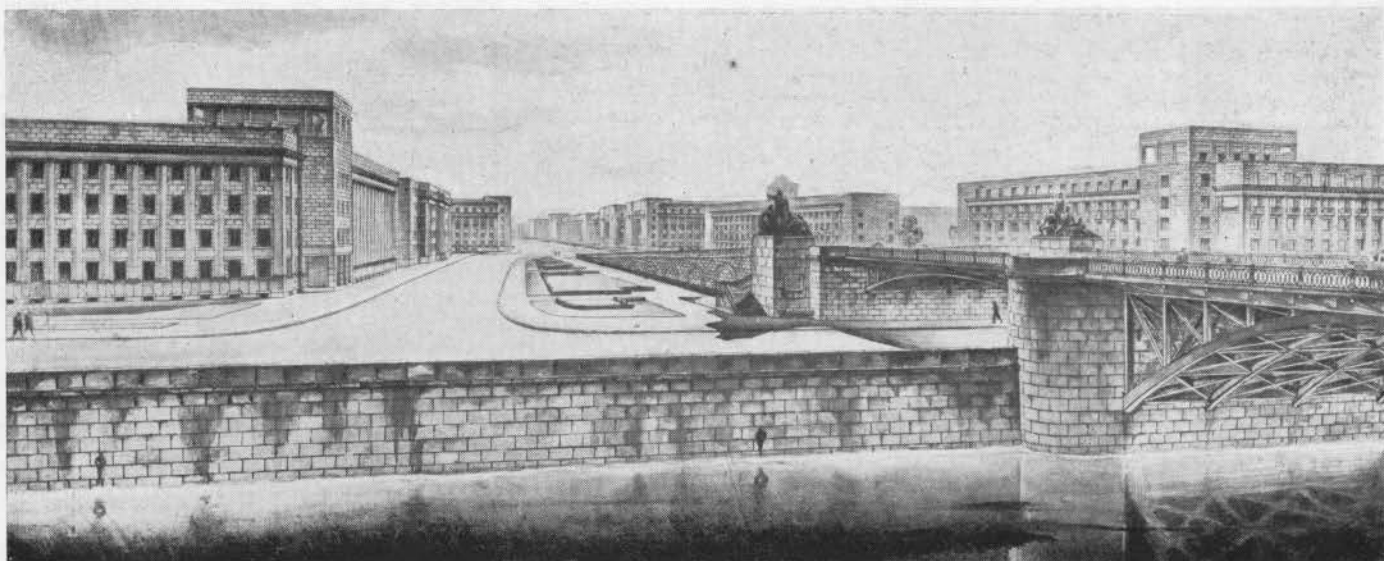
Авторами проекта совершенно не предусмотрено озеленение площади. Хотелось бы, чтобы один из первых осуществляемых по плану сталинской реконструкции Москвы архитектурный ансамбль был решен полностью — с зеленью, фонтанами и т. д. Авторы новой площади еще не дали цветового решения зданий. Думается, что нейтральная окраска для площади, являющейся вводом в парковую зону, будет неуместной.

Перспектива. Эскиз арх. А. Е. Аркина

Perspective

Проект застройки площади Челюскинцев в Ленинграде. Арх. Д. П. Бурыйшкин
 Projet de nouveaux immeubles place des Héros de Tchéliousskine à Léningrad. Arch. D. P. Bourichkine

РАБОТЫ арх. Д. П. БУРЫШКИНА (Ленинград)

Н. КРАВЧЕНКО

В строительстве Ленинграда за последние годы весьма значительное место занимают постройки арх. Д. П. Бурыйшкина. Кроме наиболее крупного и наиболее известного комплекса—площади Челюскинцев на правом берегу Невы—им были запроектированы восемь жилых домов и одна школа. Здания эти частью закончены полностью, частью вчерне. Все они получили очень характерный для творчества этого мастера облик.

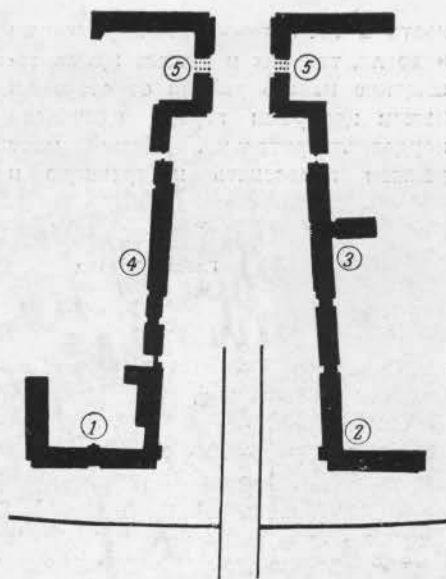
Работам Д. П. Бурыйшкина присущ ряд типичных черт, отличающих его очень определенно от других авторов. К числу таких особенностей следует отнести излюбленный им прием включения в композицию башни, довольно тяжелых пропорций и простого очертания. Не менее характерен и большой ордер, захватывающий преимущественно четыре этажа. Ордерные мотивы тракуются автором с большим разнообразием: от классических до модернизированных, упрощенной структуры, напоминающих своими вытянутыми пропорциями работы И. А. Фомина периода строительства дома «Динамо» в Москве. Площадь Челюскинцев обработана именно этим ордером. При

этом, варьирует рельеф, изменяющийся от плоских пилястр (составляющих главный мотив обработки фасада, выходящего на площадь) до полных и трехчетвертных колонн,

доминирующих в фасадах, обращенных на Неву.

Благодаря своему сильному рельефу, колонны хорошо читаются даже с другого берега Невы и создают впечатление масштабности архитектуры на просторе неевского зеркала.

Принцип использования стены, как фона для большого ордера, является приемом монументального зодчества и в наше время его часто отвергают без достаточного основания. Но большой ордер требует больших пространств для его восприятия; при близких точках зрения он подавляет и не охватывается глазом иначе, как в сильном искажении. Поэтому обычно, помимо основного ордера, в обработку вводятся более мелкие детали. Греческие и римские скульптурные фризы дают Д. П. Бурыйшкину отправную точку для решения этой задачи. Трактует он этот мотив очень свободно, помещая ленты барельефов над окнами нижнего этажа, как в здании курсов на площади Челюскинцев. Нельзя не признать целесообразности такого расположения довольно мелкой скульптуры, отлично видимой каждому проходящему в непосредственной близости от здания.

Генплан
 1—здание курсов комсостава, 2—Дом врача, 3—здание Гидрографического института, 4—общежитие курсов, 5— жилой дом начсостава

Plan d'ensemble

Здание курсов комсостава на площади Челюскинцев. Арх. Д. П. Бурьшкин
Ecole militaire place des Héros de Tcheliousskine à Léningrad. Arch. D. P. Bourichkine

Характерна для Бурьшкина также любовь к каменной фактуре и форме. Все фасады он расширяет под камень, делая пилястры и колонны из значительно более крупных блоков, чем стены.

К сожалению, площадь Челюскинцев еще не вполне оформилась, даже объемно она не завершена, и суждение о ней, как об ансамбле, сейчас было бы преждевременным. Однако выполненная часть позволяет составить довольно ясное представление о характере ее архитектуры, ее достоинствах и недостатках.

Необычная форма площади — в

плане она представляет собой сильно вытянутую по высоте трапецию, опирающуюся своим основанием на Неву — обусловлена постройкой в этом месте моста.

Запроектированный по генеральной схеме планировки мост соединит южный конец проспекта 25 Октября с интенсивно застраиваемым районом правого берега Невы. Необходимость в этой линии коммуникации назрела, так как в данное время сообщение нового района со старым и новым центрами города одинаково неудовлетворительно. Новый мост должен пересекать набережную в

разных уровнях. Поэтому, благодаря значительной высоте его строения, съезды с него придется сделать длиной около 250 м.

Из этого обстоятельства прямо вытекают и размеры площади в натуре: при длине, вместе с набережной, 315 м, она имеет ширину — 130 и 90 м.

Неизвестно, насколько целесообразным окажется сужение площади как раз в месте наиболее сложного переплетения транспортных направлений, но проверить это удастся только практикой.

Наличие высокого пандуса, тянущегося на три четверти глубины площади, влияет очень сильно на ее зрительное восприятие: фактически площадь будет разбита массивом пандуса, усложненного лестницами для пешеходов. Как цельное пространство, она будет читаться от Невы только с моста, т. е. точка зрения будет поднята на 5—6 м или на высоту большого цокольного этажа. В этих условиях, как нам кажется, было бы оправданным применение высокого цоколя в сооружениях, обрамляющих пространство площади. Использование такого приема в зданиях Адмиралтейства, Сената, Академии художеств, Академии наук, Биржи, прилегающих корпусов Лукини и в ряде других сооружений

Главный вход

Entrée principale

создает традицию, обоснованную в свое время, повидимому, точкой зрения с горизонта Невы. Но в данном случае она могла бы быть использована также из соображений, указанных выше.

Автор предпочел сохранить колоссальный ордер, отвечающий масштабу Невы и площади, и, возможно, что достоинства такого приема перевесят его недостатки.

Застройка площади производится не сплошным фронтом, а отдельными зданиями. Это в высшей степени неудачное решение было продиктовано Архитектурно-планировочным отделом Ленсовета. И напрасно проектировщик указывал на неправильность такого решения, напрасно говорил о недопустимости осевой симметрии для зданий, разных по длине и расположенных друг против друга. Архитектурно-планировочный отдел был тверд в своих убеждениях, и в результате площадь в значительной мере испорчена. Разрывы открывают вид на застройку соседних кварталов, ничего общего с площадью не имеющих, а здание Гидрографического института тесно прижалось к узкому концу площади, образовав с другой стороны, там, где размещен Дом врача, выходящий на Неву—зияющую брешь свыше 50 м.

Таково было влияние Архитектурно-планировочного отдела на застройку площади. Однако еще не поздно исправить нанесенный ущерб. Главный архитектор города принял уже ряд мер для ликвидации разрывов. В настоящее время автором разработаны проекты заделки досадных дыр путем застройки их торцами зданий и колоннадами. Голов-

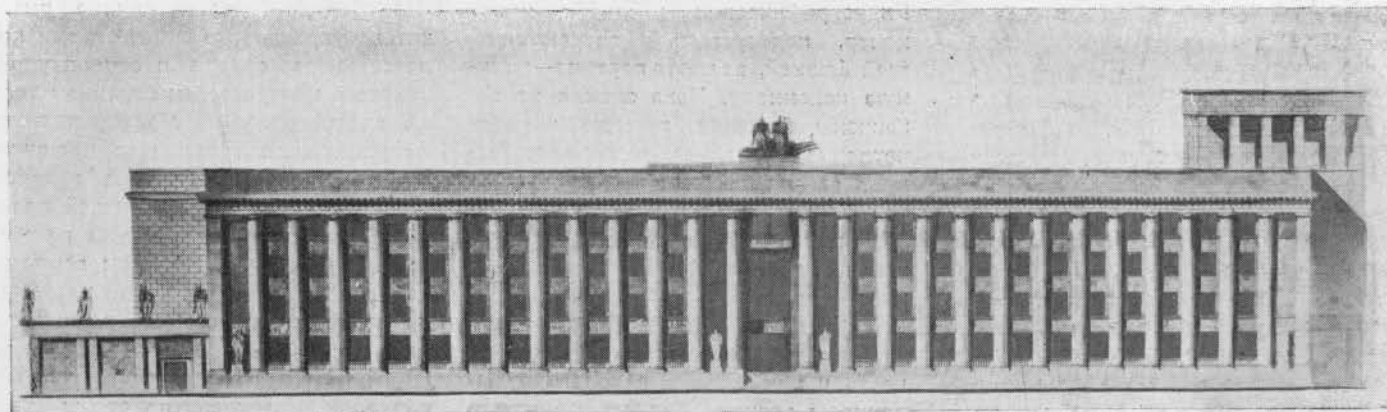

Перспектива со стороны площади Челюскинцев
Perspective du côté de la place des Héros de Tchéliousskine

ная часть площади, с мощными колоннадами, тянущимися по набережной, производит впечатление большой силы. Интересен прием, которым автор подчеркнул разницу в назначении двух зданий: в Доме врача, предназначенном для жилья, на уровне четвертого этажа выпущены балконы. Таким простым способом характер колоннады изменен очень существенно. По общему выражению здание приближается к дому В. А. Щуко на Кировском проспекте, несмотря на всю разницу в трактовке ордера.

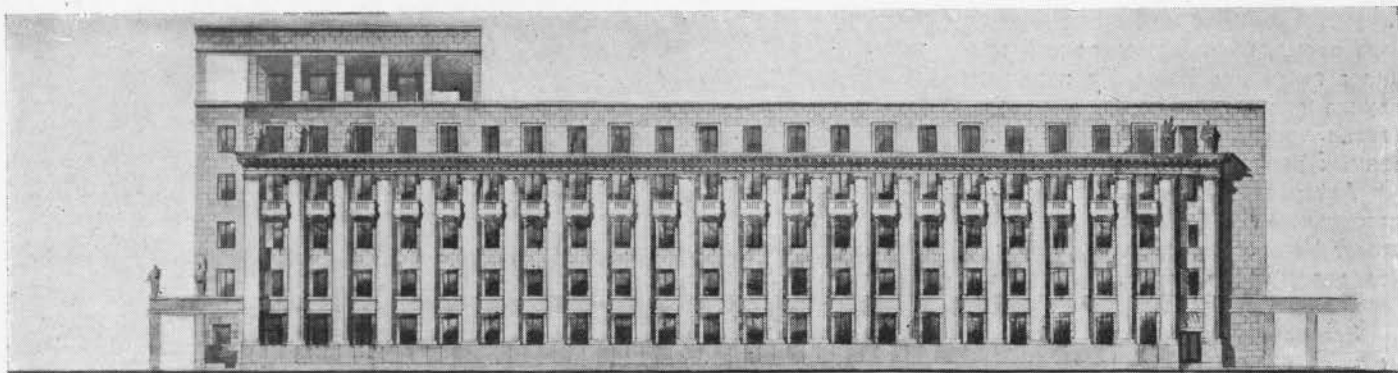
В общем, открывающие площадь здания читаются издали, с другого берега Невы, как симметричные, вблизи же отличаются между собой довольно значительно. Этот отход от академической симметрии проводится автором и в следующих корпусах.

Башни-пилоны, образующие вход на площадь, поставлены исключительно удачно и своим массивом держат площадь, хотя она и стремится развалиться, пока не застроились разрывы. К сожалению, обработка башен не может быть признана

Здание курсов комсостава. Проект

Ecole militaire place des Héros de Tchéliousskine. Projet

Дом врача. Фасад на Неву. Проект 1926 г. Арх. Д. П. Бурыйшкин, М. И. Брусиловский
 Maison de Médecin. Façade sur la Néva. Projet de 1926. Arch. D. P. Bourichkine, M. I. Broussilovskii

удачной, она бледна. По своему объему и по месту, ими занимаемому, башни являются доминантами для площади и для большого участка набережной. Архитектурная насыщенность их в то же время совершенно недостаточна. По первоначальному проекту башни были обведены портиками со статуями на них. Архи-

тектурно-планировочный отдел потребовал эти портики убрать; однако образовавшийся пробел ничем не был заполнен.

Этот промах исправить не трудно, и сделать это можно с небольшими сравнительно затратами. Но дело не может ограничиться введением небольших деталей, требуется решение монументальное, отвечающее общему характеру площади.

К числу неудачных деталей можно отнести расстекловку переплетов. Повидимому, автор мало работал над их рисунком. Они слишком будничны, на большой площади хотелось бы видеть более проработанные окна.

Следующие здания, вглубь площади, отвечают друг другу по положению и по общей схеме не больше. Дом общежития комсостава имеет в центре портик из 6 колонн, над портиком парапет с четырьмя обелисками, несколько тяжелыми по форме и неособенно крепко связанными с центральным пятном, в то время как Гидрографический институт имеет центр, подчеркнутый астрономической башней, а вместо портика — длинную колоннаду. Пока здания не закончены, башенка производит впечатление случайное, чему способствует ее расположение не в плоскости фасада, а в глубине здания.

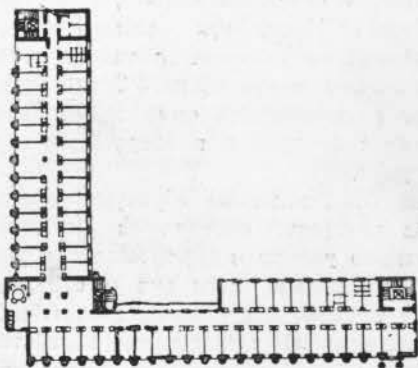
Большой ризалит центральной части общежития по длине соответствует колоннаде Гидроинститута. Углы ризалита обработаны столбами, которые подчеркивают его значительность и приближают к характеру колоннады здания Гидрографического института, облегчая сплошную мас-

су выступа. Продолжение столба в аттиковом, пятом этаже выглядит тяжело, особенно при легкой нагрузке венчающей тяги, лежащей на нем.

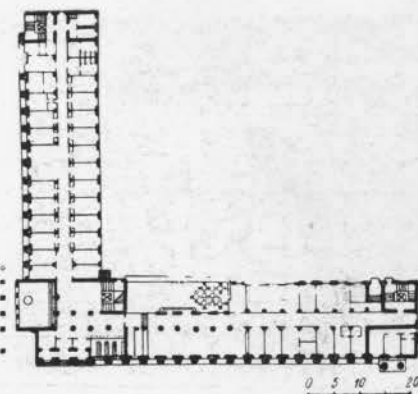
Общая трактовка обоих зданий монументальна и отвечает стилю головных корпусов. В дальнейшем эти корпуса будут связаны колоннадами того же ордера с замыкающими площадь зданиями.

Последние два дома сложной конфигурации образуют собой торец площади и первый квартал улицы. Обработка фасадов, замыкающих площадь, портиками, усиленными отделенно стоящими пилястрами — постаментными для статуй, задумана интересно и богато. Балконы на лестничных окнах в углах мешают, отвлекая внимание от сильных пятен фасада. Но при глубине площади свыше 300 м рельеф пилястр может оказаться недостаточным, здесь хотелось бы видеть более крупные формы.

С большим тактом сделаны симметричные фасады, оформляющие начало улицы. Сильные, глухие ризалиты, украшенные пилястрами колоссального ордера и скульптурой, вместе с центральным портиком того же ордера сохраняют торжественно-монументальный характер площади, но большие пространства гладкой стены со спокойной разбивкой проемов и балконами звучат уже по-иному, прерывая частый ритм вертикалей, в котором решена площадь. Дальнейшее разрежение вертикального ритма происходит в фасадах по первой параллельной глубинной магистральной. Пространства стены увеличиваются, в них появляются но-

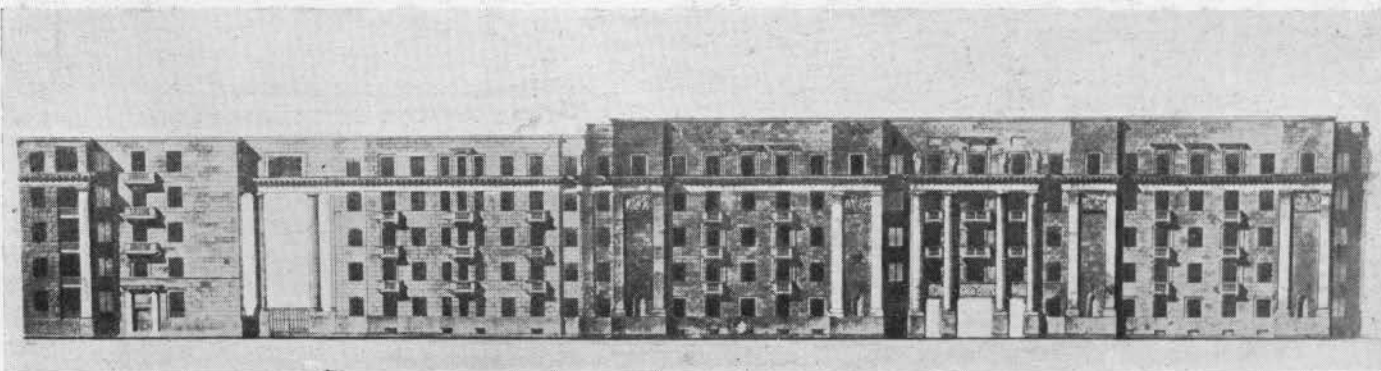

План 2-го этажа

План 1-го этажа

Жилой дом начсостава. Проект. Арх. Д. П. Бурьшкин, при участии арх. Зверькова и Гескина
 Maison d'habitation des commandants de l'Armée rouge. Projet. Arch. D. P. Bourichkine en collaboration de l'arch. Zviérkov et Gueskine

вые мотивы магазинов, завершающих переход от темы площади к теме жилой улицы.

Подытоживая результаты анализа этого комплекса, можно сказать, что опыт создания большой площади с определенной тематикой одним автором обещает быть исключительно интересным. Суровые, лаконические формы архитектуры удачно отражают тематику арктической героики и отвечают характеру зданий.

Сохраняя единый ордер в решении всего ансамбля, арх. Бурьшкин сумел избежать монотонности, изменяя ритм и рельеф колонн и пилястр.

Выдерживая один венчающий карниз, автор путем парапетов, аттиковых этажей, обелисков и башен придал живописность контуру зда-

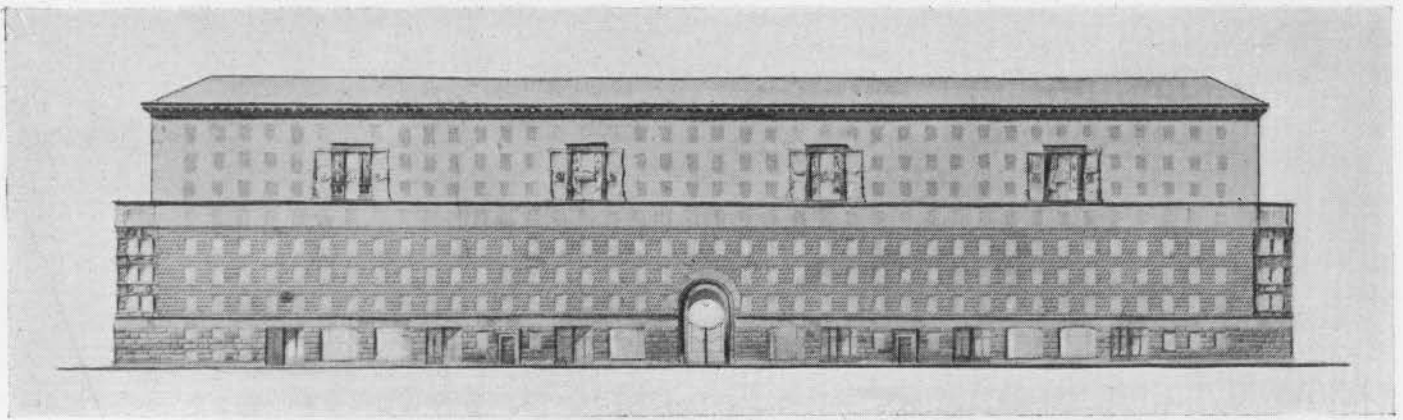
ний. Разорвав на отдельных участках линию ордера, он не пошел по легкому пути «рейсшинной» архитектуры. Склонность к последней питают, к сожалению, многие архитекторы, считающие исчерпывающим требованием ансамбля подгонку под один карниз нескольких километров фасадов.

План

Здание Гидрографического института в период строительства. Арх. Д. П. Бурьшкин, М. И. Брусилоский
 Immeuble de l'Institut hydrographique en construction. Arch. D. P. Bourichkine, M. I. Broussilovski

Проект жилого дома на Б. Калужской улице в Москве. Главный фасад. Акад. арх. И. В. Жолтовский
 Projet d'une maison d'habitation rue Grande Kaloujskaia à Moscou. Façade principale. I. V. Joltovski, membre de l'Académie

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ В МОСКВЕ

Д. ЧЕРНОПЫЖСКИЙ

Большая Калужская улица в скором времени обогатится еще одним значительным по своим архитектурным качествам сооружением — жилым домом сотрудников СНК СССР. Объем здания — 94 000 м³, жилая площадь — 105 000 м². Строительство дома осуществляется по

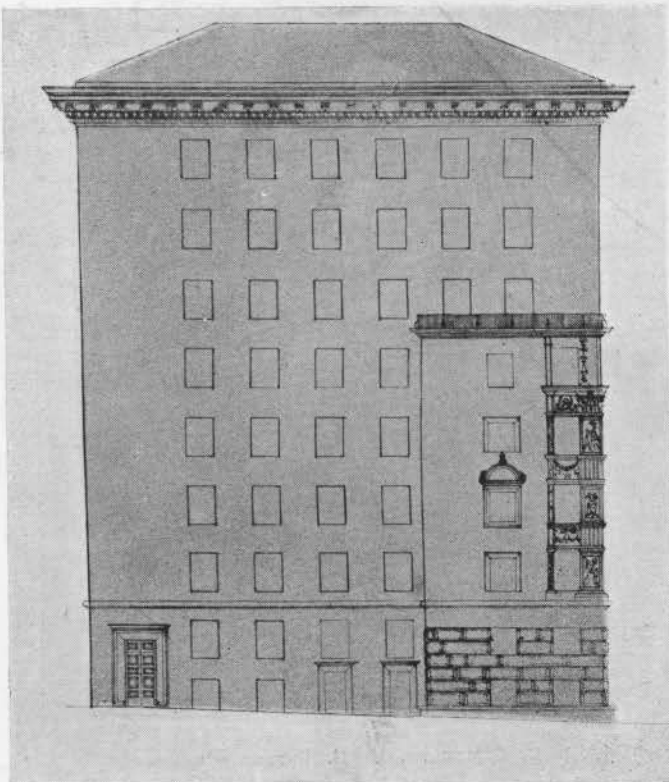
проекту акад. арх. И. В. Жолтовского.

В доме применена жилая секция американского типа, состоящая из 8 самостоятельных жилых ячеек, выходящих на одну лестничную клетку. Ячейки расположены группами по четыре с каждой стороны лестницы.

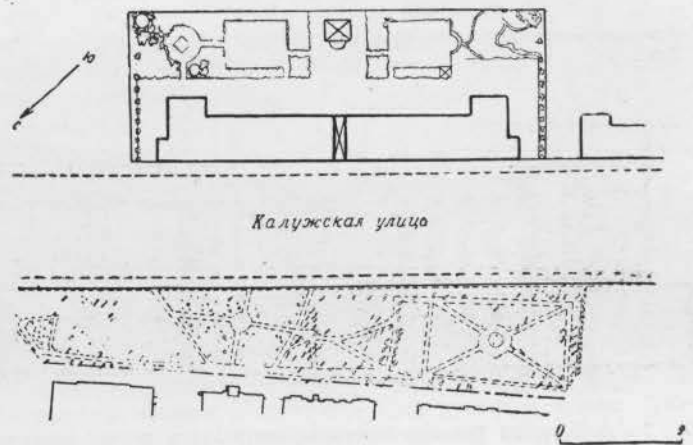
Жилая ячейка состоит из прихожей в 5 м², к которой примыкает кухонная кабина в 5,4 м², освещенная вторым светом, и общей комнаты с передней-гостиной, отделенной от основного помещения выступающими пристенными заплечиками. Общая площадь комнаты и передней-гостиной 17,7 + 6,8 = 24,5 м².

К общей комнате с одной стороны примыкает альков в 7,3 м², служащий столовой, а с другой — спальная комната в 15,8 м². Последняя соединена небольшим шлюзом с санитарным узлом совмещенного типа (ванная, умывальник и уборная).

Планировка ячейки очень проста. Комнаты хороших и удобных пропорций и отлично изолированы от

Боковой фасад

Генплан

коридора и соседних ячеек. Кажущийся недостаток в расположении кухонного узла между столовой, альковом и прихожей не может отрицательно повлиять на качество жилища.

Ведь эта ячейка своей планировкой исключает возможность заселения даже двумя семьями. А это в свою очередь затрудняет возможность самоуплотнения и препятствует снижению качества ухода за санитарным состоянием жилища.

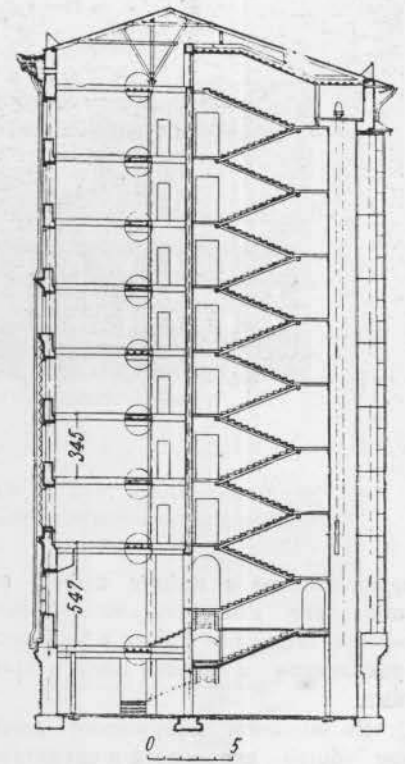
Помимо своих планировочных качеств, секция обладает высокими экономическими показателями и простотой конструктивного решения. Почти все конструктивные элементы стандартизованы, что содействует развитию скоростного метода строительства. Очень рациональна и планировка подсобных помещений — лифтов и мусоропроводов.

Устройство одного мусоропровода на 4 квартиры весьма экономно как по начальным затратам, так и в

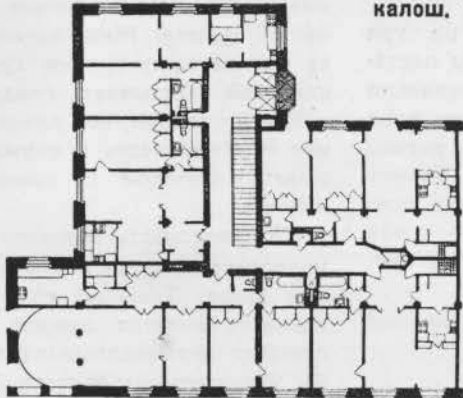
эксплуатации, однако его расположение между двух входов в квартиры не вполне удачно и до некоторой степени снижает парадность входа в квартиры. Хотелось бы, чтобы в рабочем проектировании это было учтено.

Зато очень удачно расположение лифтов. Примыкая к наружной стене промежуточной площадки лестничной клетки, они не вклиниваются в габариты квартир, благодаря чему планировка последних сохраняет четкость и устраняются шумовые явления, которые обычно вызывают справедливые нарекания жильцов.

Не лишен интереса и вход в секции с магистрали. И. В. Жолтовский справедливо говорит, что принятые в наших типовых ячейках входы в дом обычно неудобны, неуютны и понижают культуру здания. Архитектор поставил перед собой задачу создания более культурных, красивых входов в жилые дома, при которых были бы места для хранения детских колясок, велосипедов, калош. У площадки первого марша,

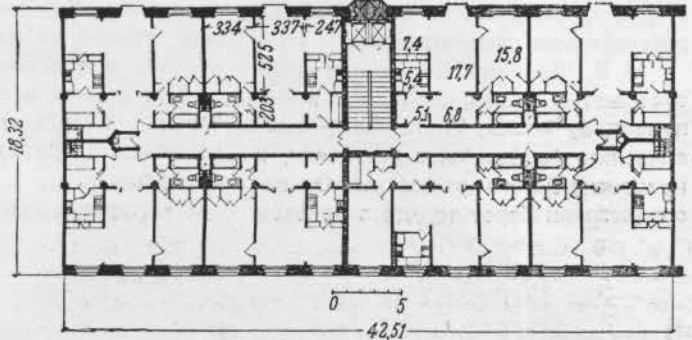

Разрез

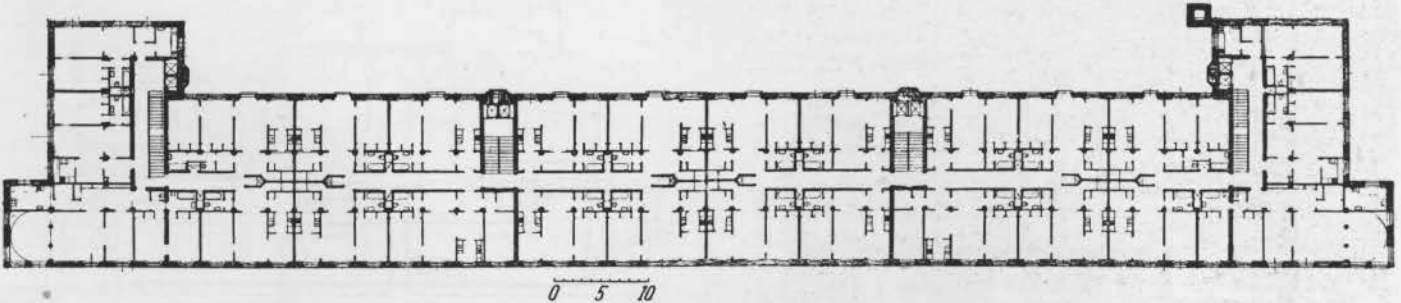
Торцевая секция $K_2 = 0,32$

- Жилая площадь двухкомнатной квартиры 48,10 м² $K_1 = 0,69$
- Жилая площадь двухкомнатной квартиры 53,30 м² $K_1 = 0,75$
- Жилая площадь двухкомнатной торцевой квартиры 49,80 м²
 $K_1 = 0,76$
- Жилая площадь трехкомнатной квартиры 73,00 м² $K_1 = 0,79$
- Жилая площадь четырехкомнатной квартиры 114,00 м²
 $K_1 = 0,82$

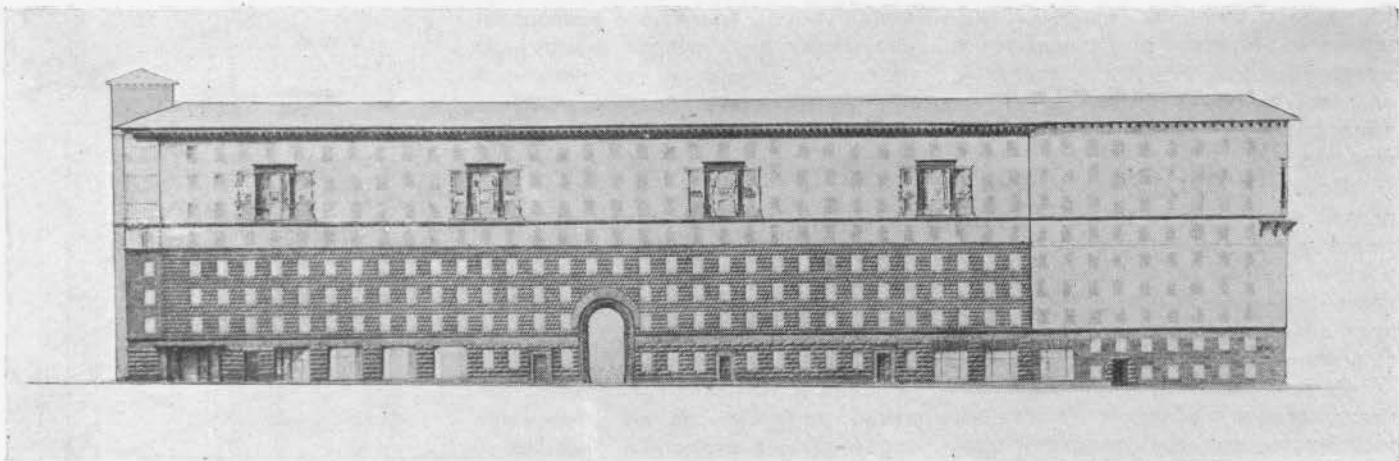
Типовая жилая секция $K_2 = 0,37$

- Жилая площадь двухкомнатной квартиры 48,10 м² $K_1 = 0,69$
- Жилая площадь двухкомнатной квартиры 49,20 м² $K_1 = 0,75$
- Жилая площадь трехкомнатной квартиры 69,50 м² $K_1 = 0,80$

План. 5-й этаж

В этаже 26 квартир. Жилая площадь этажа 1501,6 м², полезная площадь — 2003,0 м², $K_1 = 0,73$, $K_2 = 6,44$

Проект жилого дома на Смоленской площади в Москве. Главный фасад. Акад. арх. И. В. Жолтовский
 Projet d'une maison d'habitation place Smolenskaïa à Moscou. Façade principale. I. V. Joltovski, membre de l'Académie

перед входом в кабину лифта, он устраивает небольшой, но изящный зимний сад. Так забота о человеке проявляется с первого шага в этом доме.

Во внешнем оформлении дома, при общей скромности в средствах выражения, принят не лишенный интереса новый мотив плоскостного решения стены. Несущие конструкции, как отдельные элементы композиции, не выделяются и вместо них работает весь монолит стены.

И. В. Жолтовский по-новому трактует мотив стены, обращаясь к неизменному своему источнику—классическим формам, и, в частности, к мотивам раннего ренессанса. От последнего он берет то, что с успехом

может быть развито на основе использования современных конструкций и материалов.

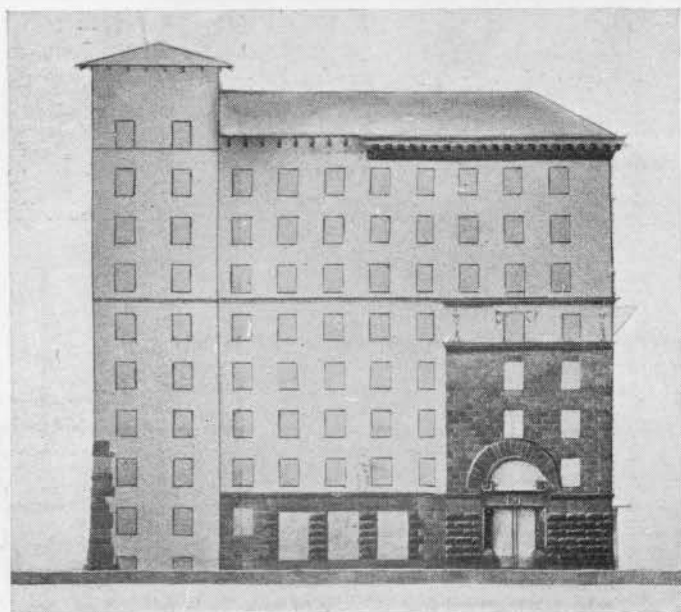
Достоинством проекта является особая органичность и богатство формы. Вся композиция построена на закономерном и живописном распределении масс.

Объем здания расчленен на три неравные части. Их величины постепенно ниспадают пропорционально весу масс. Они не доминируют одна над другой, но находятся в ритмической взаимосвязи. Здесь ничего нельзя отнять и ничего нельзя прибавить. Небольшой сдвиг, — и вся композиция потеряет свой логический смысл.

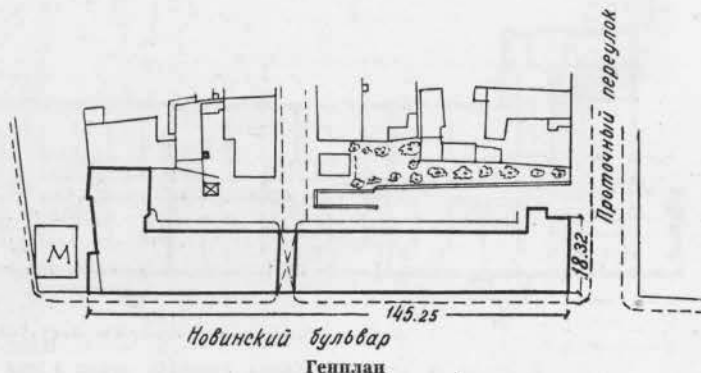
Интересно отметить, что основой

здания уже не является пластически выявленный цоколь. Его заменяет первый этаж, сложенный из крупных блоков более грубой и декоративной обработки. Оконные проемы и входы не только не доминируют в композиции, но скорее приобретают значение изящно обработанных деталей, частей целого. Живописный пояс со слегка выпущенным гуськом и полочкой охватывает гладкой каймой, как кольцом, все здание, придавая ему прочность и служа логическим переходом к вышележащим массам.

Живописность и легкость формы нарастает по мере стремления здания вверх. Тяжелый руст первого этажа сменяется ковром четырехгранных пирамидальных камней. Чтобы устранить механический переход к третьему членению стены, архитектор завершает второе узенькой профилированной полоской. Этот новый архитектурный мотив поддержан более мелкими конструктивными элементами, вносящими в восприя-

Боковой фасад

тие фасада игру светотени и служащими переходом к гладкой и легкой основной поверхности стены.

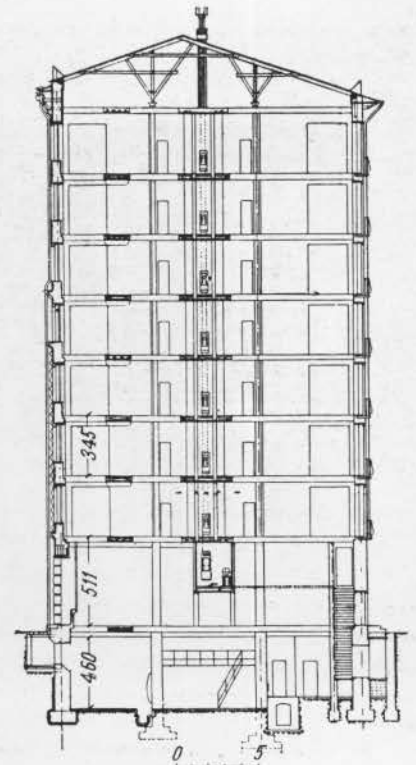
Если в первых двух членениях лейтмотивом архитектурной композиции является структурный камень, то третья, верхняя масса решена в виде легкой стены. Но эта гладкая поверхность была бы сухой, безрадостной и потеряла бы свой композиционный смысл, если бы она осталась голой. Ее монотонность преодолевается путем введения четырех пластических пятен. Они выражены в форме малого ордера с очень тонкой и изящной профилировкой деталей, обогащены скульптурными формами, дополнены орнаментальным рисунком, выполняемым из цветных камней.

Нельзя не отметить исключительного мастерства в разработке этого мотива. Вся композиция фасада лишилась бы законченности, если бы она не завершалась живописным карнизом, так уравновешенно

венчающим здание. Кажущаяся на первый взгляд несколько однообразной гладь стены обогащается по краям тщательно проработанными лоджиями, придающими огромному объему легкость и законченность.

В этом решении все высокохудожественно. На этом примере можно еще раз убедиться, что особые требования современной жилищной архитектуры не должны стеснять архитектора, что он ничего не теряет, отказываясь от шаблонного использования системы ордеров, от увлечения декоративизмом и навешиванием на стены фасадов аксессуаров, органически не связанных со структурой самого здания.

К достоинствам проекта И. В. Жолтовского надо, несомненно, отнести проработку боковых фасадов. Обычно это самое уязвимое место всех проектов. Надо добиться того, чтобы самое понятие «передний» и «задний» фасады потеряло свое старое значение. Но это не значит, что все фасады должны быть равнозначными. Надо, чтобы фасады зданий, выходящие во внутренние квар-

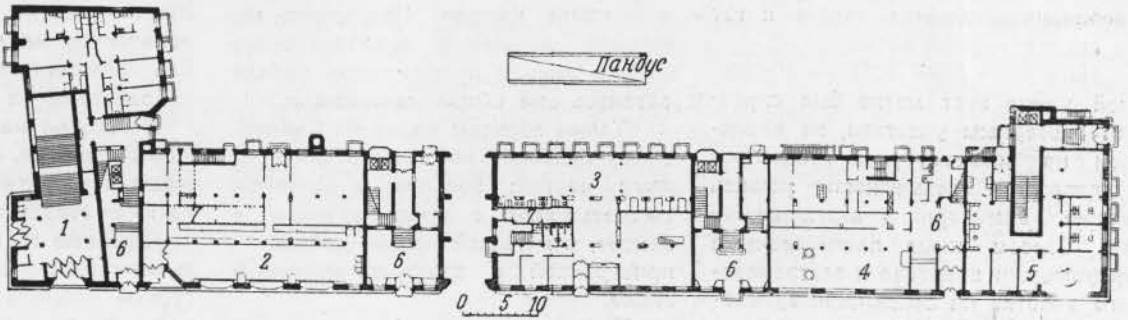
Разрез

План типового этажа
 $K_1 = 0,74$, $K_2 = 6,60$

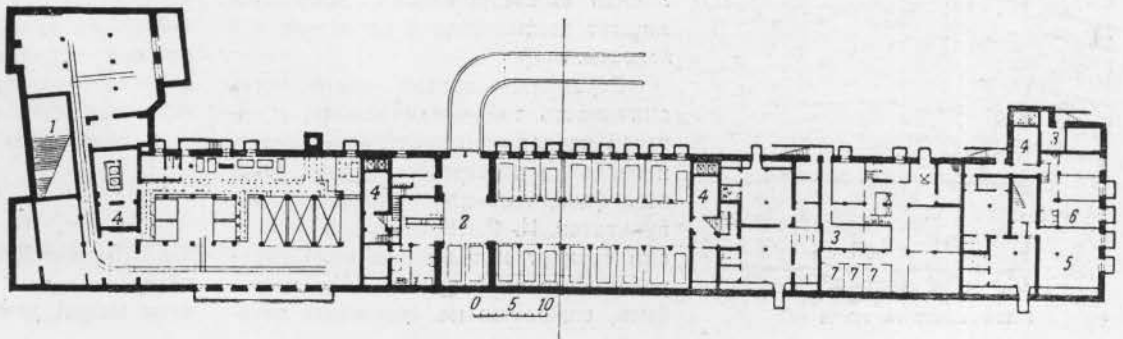
План 1-го этажа

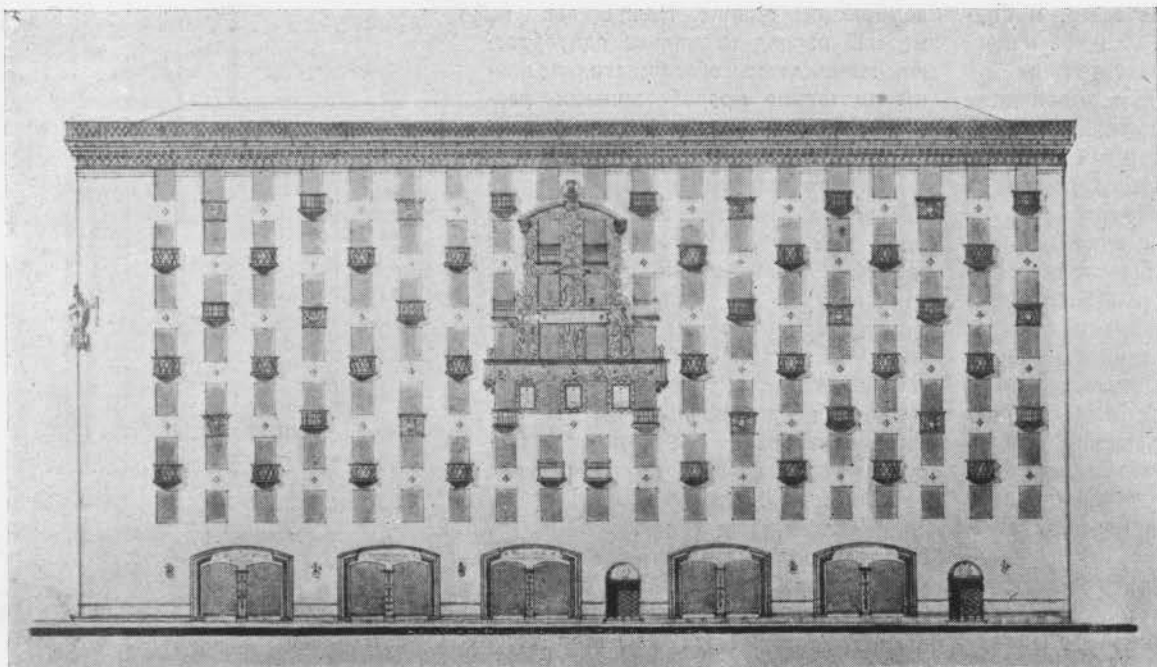
- 1 — метро,
- 2 — магазин,
- 3 — библиотека-читальня,
- 4 — кафетерий,
- 5 — детский сад,
- 6 — вестибюли квартир,
- 7 — камера мусоропроводов

План подвального этажа

- 1 — метро,
- 2 — гараж на 18 машин,
- 3 — камеры мусоропроводов,
- 4 — камеры лифтов,
- 5 — домоуправление,
- 6 — общежитие

Проект
жилого дома
на 1-й Мещанской
улице в Москве.
Главный фасад
Арх. А. В. Власов

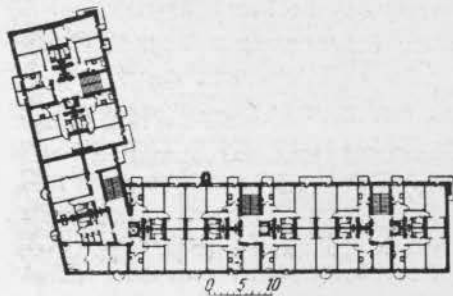
Projet
d'une maison
d'habitation
rue Première
Meschanskala
à Moscou.
Façade principale
Arch. A. V. Vlassov

талы и проезды, также были достойны нашей эпохи. К этому и стремился И. В. Жолтовский.

• • •

На другой магистрали реконструируемой Москвы, на Смоленском бульваре, справа от вестибюля метро «Смоленская площадь», также по проекту И. В. Жолтовского началось строительство дома объемом в 102 000 м³. Здесь применены та же американизированная ячейка и тот же архитектурный мотив.

Но в доме СНК СССР на Калужской улице этот мотив был оправдан свободным участком, не влиявшим на архитектурную концепцию и дававшим возможность решить здание симметрично вертикальной оси. Совсем иные планировочные предпосылки квартала и застраиваемого участка на Смоленском бульваре обязывали к новому решению.

План типового этажа

Существующий и проектируемый вестибюль метро, а также дома справа у Проточного переулка потребовали иного решения фасада здания. По проекту квартальной планировки доступ на закрываемый в связи с постройкой новой станции метро 3-й Николощеповский переулок должен осуществляться через арку прохода. Это предопределило решение фасада и вынудило И. В. Жолтовского принять ось проезда за ось симметрии фасада. Получилось невольное смещение архитектурного центра, причем правая часть фасада осталась вне общей композиции.

Таким образом фасад по Смоленскому бульвару как бы составлен из двух частей: большей, в основном симметричной, с аркой-проходом в центре, и меньшей правой частью — пристройкой с девятью окнами в этаже.

Такое вынужденное решение, где полная симметрия была нарушена, лишает композицию и целостности, и ясности.

Стремление автора подчеркнуть значимость той части здания, в которой расположен вестибюль метро, и введение небольшого излома бокового фасада не дало желаемых результатов. И. В. Жолтовский это и сам сознает и ныне частично перерабатывает свой проект. Но, может быть, ошибочны не отдельные дета-

ли решения, а самый принцип повторения мотивов дома на Калужской.

И все же и этот дом заслуживает самого серьезного внимания. Пользуясь рельефом места, И. В. Жолтовский смело и решительно внедряет в здание новые формы быта — он удачно проектирует гараж для стоянки 15 индивидуальных автомашин.

На примере этих двух проектов можно еще раз убедиться, что И. В. Жолтовский не только талантливый архитектор, но и отличный техник. Его проекты продуманы и тщательно проработаны во всех деталях.

Несмотря на высокое мастерство обоих проектов, они не лишены некоторых недостатков. Наиболее важный из них — отсутствие балконов.

Проекты И. В. Жолтовского вызывают законный интерес архитектурной общественности, они указывают на новые возможности трактовки фасадов без выявления конструктивной их сущности. В них уже нет прямых подражаний мотивам классического наследия, но недостаточно ясно выражено и стремление к формам, созвучным нашей эпохе.

• • •

На углу Первой Мещанской улицы и Орлово-Давыдовского переулка, по проекту арх. А. В. Власова, строится жилой дом автомобильного за-

вода «КИМ». Здесь обращает на себя внимание новая трактовка образа жилого дома.

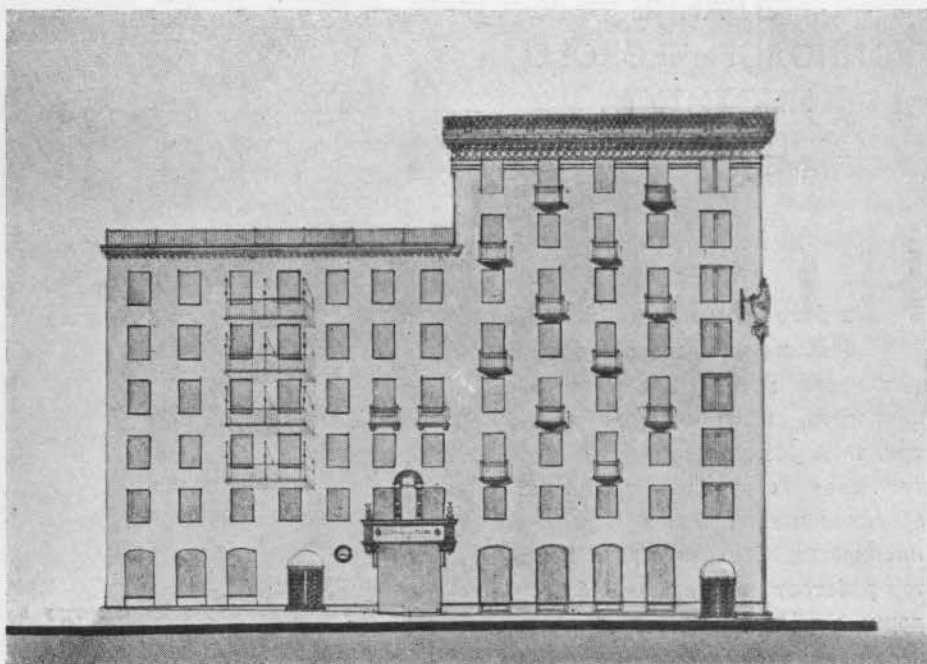
Фасад решается в виде гладкой стены, оштукатуренной белым цементом; его тектоническая структура находится в полной гармонии с пластичностью общего объема.

Пластическая форма этого здания созвучна содержанию. Архитектор не имитирует классических форм и берет у прошлого лишь то, что с успехом может быть применимо в нашей советской архитектуре. Автор включает в композицию классические мотивы: богатый и живописно разработанный карниз, хорошо найденные по форме, пропорциям и ритму балконы, — он воскрешает в нашем представлении образы раннего ренессанса, но мы не можем назвать здания, которое послужило здесь первоисточником. Дом Власова созвучен нашей эпохе и отвечает характеру современного города и быта.

Архитектурная композиция и средства выражения просты до предела. Гладкая стена увенчана мощным карнизом, который придает объекту всего здания ясность и цельность.

Основным лейтмотивом стены являются балконы. Для оживления композиции фасада и устранения опасности несколько монотонного восприятия множества балконов им придан различный рисунок. Их пластичная, конусообразная скульптурная форма как бы вырастает из толщи стены.

Ритмический мотив главного фасада нарушается центральным пятном. Нам кажется, что в данной концепции оно излишне и не может органически войти в состав стены. Совершенно не оправдана верхняя криволинейная паллуда этой вставки,

Боковой фасад

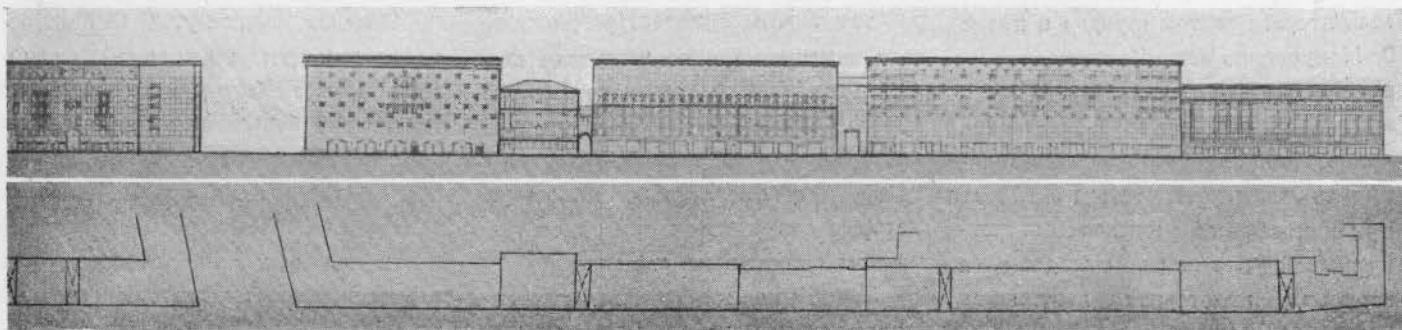
назначение которой — разгрузить вышележащую часть стены. Паллуда ничего не несет и является лишь произвольно введенным декоративным мотивом. То же самое надо сказать о горизонтальном профилированном поясе над окнами четвертого этажа.

Зато очень привлекательны по форме и стилю наличники над окнами первого этажа. Жаль только, что центральное окно сбито с оси главного центра, и тем самым нарушается статичность общей композиции.

Дом на Большой Калужской улице И. В. Жолтовского решен без единого балкона. Дом А. В. Власова, наоборот, обретает своеобразие и особенную выразительность, благодаря введению в композицию множества бал-

конов. Именно они придают осмысленность фасаду и подчеркивают назначение здания.

Надо, однако, вспомнить и о домах, в ряд которых включается дом Власова. При ознакомлении на месте не трудно убедиться, что дом Власова будет противоречить им как по стилю, так и по пропорциям. Ни дом слева, ни дом справа с композицией А. В. Власова не будет гармонировать. Лишь лежащие на одной высоте карнизы несколько смягчают контрастность сопоставления форм. Это позволяет нам сделать последнее заключение: дом А. В. Власова будет одиноким красивым и свежим пятном среди домов, различно трактованных как по теме, так и по исполнению.

Развертка 1-й Мещанской улицы

Rue Première Meschanskaia à Moscou

ЗДАНИЕ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ

Д. АРАНОВИЧ

На Беговой улице, у Боткинской больницы, сдано в эксплуатацию новое здание Онкологического института, построенное по проекту арх. С. А. Манусевича.

Новое сооружение выделяется оригинальным приемом внутренней планировки. В течение ряда лет автор работает над проблемой безкоридорного решения плана общественного здания с многочисленными небольшими помещениями. Отказываясь от коридорного решения, С. Манусевич исходит из расчета, что при самой экономичной внутренней планировке коридор в общественных зданиях обычно занимает не менее 25% всей площади (при нормальной глубине помещений в 5 м и ширине коридора—2,5 м).

Задаваясь таким же коэффициентом соотношения площадей основного и вспомогательного назначения, С. Манусевич дает иное, довольно оригинальное решение, имеющее ряд функциональных и архитектурных преимуществ.

Принцип внутренней планировки, выдвигаемый С. Манусевичем, было бы не совсем правильно называть, как делает это автор, «безкоридорным». Небольшой, скудно освещаемый вторым светом коридор в плане С. Манусевича есть. Но коридор этот, расположенный в центральной части здания, очень невелик. При общей длине здания — 64,78 м, длина коридора составляет только 22,78 м. При центральном расположении трехмаршевой лестницы, выходящей в коридор, просторная лестничная клетка образует светлую площадку, которая делит коридор на две само-

Онкологический институт в Москве. Арх. С. А. Манусевич
Institut onkologique à Moscou. Arch. S. A. Manoussévitch

стоятельные части, по 9,14 м каждая. При таких условиях в натуре коридор производит совсем иное впечатление, чем при чтении плана в ортогонали.

Еще целесообразнее решена оставшаяся часть вспомогательной площади между коридором и торцевой частью плана. Здесь с обеих сторон даны в каждом этаже по два просторных зала, площадью около 80 м (13,22×5,8 м), освещенных прямым светом.

На первый взгляд может показаться, что такой прием при всех его архитектурных и эксплуатационных преимуществах, приведет к очень неэкономичному решению плана с частичной односторонней застройкой. На самом деле это не так. Благодаря тому, что архитектор располагает помещения и по торцевым сторонам плана, его периметр используется очень эффективно. Площадь двух боковых залов укладывается в те 25% вспомогательной площади, которые допускаются при самом экономном коридорном решении.

Такая планировка имеет преимущества как в архитектурном, так и в эксплуатационном отношении. Вме-

сто невыразительных коридоров, архитектор создал большие интерьеры. Просторные, светлые залы не только заменяют коридоры, как транзитные узлы, но вместе с тем являются прекрасными помещениями для ожидания и отдыха больных. По окончании приема посетителей, эти залы с успехом могут быть использованы для других целей—для лекций, конференций, выставок и т. п.

Очень удобны прилегающие к залам террасы-лоджии. При озеленении их, летом они могут служить подсобной площадью для залов ожидания и, вместе с тем, привнести в интерьер элементы комфорта и уюта. Необходимо только учесть, что при северной ориентации лоджии понижают интенсивность освещения.

В целом, выдвинутый С. Манусевичем принцип внутренней планировки может быть использован не только для больничных, но и для ряда общественных сооружений. Так, при проектировании зданий учебных заведений эта система дает возможность получить в пределах обычных экономических показателей светлые и просторные залы вместо малоудобных рекреационных коридоров.

Внимательно выполнена планировка здания Онкологического института и в деталях. С положительной стороны следует отметить весьма простой график движения, просторную лестницу, устройство тамбуров при кабинетах врачей и т. д.

Удовлетворительна также внешняя архитектура здания. Трехэтажное здание, предназначенное для научно-исследовательского института и поликлиники, представляет собой крупный, четкий по своим очертаниям объем, высотой в 20 м. Несмотря на строгий прямоугольный план, лишенный выступов и углублений, его композиция достаточно выразительна. Это объясняется в первую очередь правильным принципом построения фасада.

В композиции фасада архитектор исходит из двух ведущих мотивов, которые проведены проектировщиком очень последовательно. Основным мотивом—это вход, который трактуется как исходная и нарастающая в своем развитии тема. Композиционное значение входа выражено прежде всего его центральным осевым положением. Кроме того, вход решается подчеркнуто-пространственно: колонны входа расставлены через большие интервалы; непосредственно над входом располагается крупная лоджия.

Пространственное решение входа получает дальнейшее развитие в основной части фасада. Это нарастание пространства от большой просторной лоджии, расположенной непосредственно над входом, постепенно распространяется на всю основную часть фасада, с ее боковыми и верхними лоджиями.

Все эти членения замыкаются в большую жесткую раму наличника и увенчиваются тягой и подчеркнута пластичным карнизом с сильно выделенным гуськом. Рельефный мотив венчания дополнительно подчеркнут архитектором путем введения на центральной лоджии, между тягой и карнизом, пяти кессонообразных,

квадратных окон в рельефных наличниках.

При восприятии здания в натуре, глаз отдыхает на глади стены по бокам, контрастирующей с несколькими резкими пространственными членениями основной плоскости фасада. Поэтому намеченная в проекте обработка боковых плоскостей фасада с каждой стороны тремя возвышающимися один над другим барельефами совершенно излишня. Барельефы только перегружают фасад. Нужно найти какое-то иное завершение композиции.

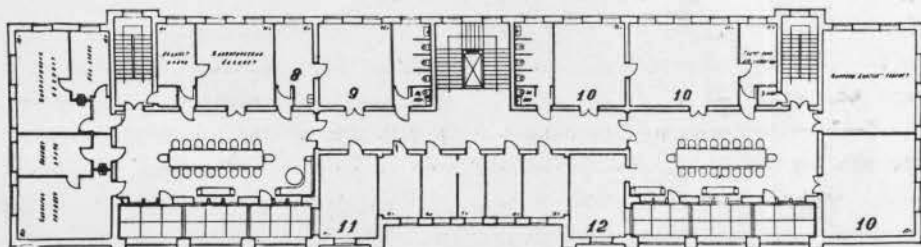
Второй ведущий мотив композиции — сильно выраженные вертикали столбов большого ордера, охватывающих все четыре этажа здания. Прямоугольные столбы не только связывают воедино поэтажные горизонтальные членения, — они одновременно служат ведущим мотивом движения во всей композиции. Стол-

бы подчеркивают высотность здания и придают ему некоторую стройность и даже парадность.

Архитектору удалось придать зданию лечебного учреждения привлекательный вид. Это впечатление усилится, когда внутренние стены лоджий получают запроектированную автором цветовую обработку.

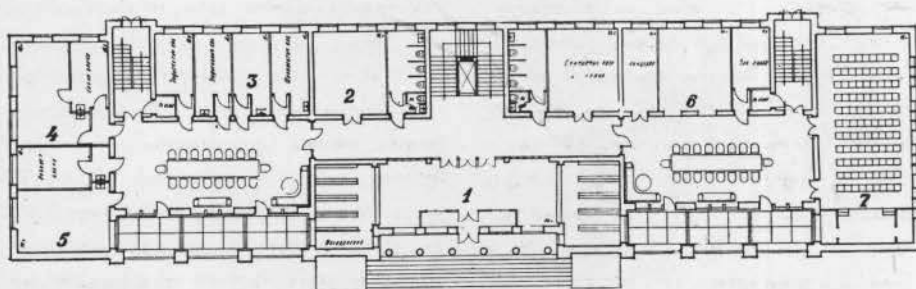
Работа над многочисленными интерьерами института не всегда одинаково удачно осуществлена автором. В интерьере деталь смотрится в упор; быть может, этим здесь объясняются отдельные срывы. Так, в одном из лекционных залов не совсем закономерны декоративные членения фронтальной стены пилястрами. Мало выразительны также некоторые архитектурные детали.

Отдельные дефекты, однако, не ослабляют общего положительного впечатления от нового здания Онкологического института.

План 2-го этажа

8 — кабинет врача 15 м², 9 — хирургический кабинет 28 м², 10 — рентгено-диагностические кабинеты, 11, 12 — административно-хозяйственные помещения

План 1-го этажа

1 — вестибюль 106,4 м², 2 — изолятор 28,5 м², 3 — терапевтический кабинет 15 м², 4 — хирургический кабинет 49 м², 5 — хирургический кабинет 20,2 м², 6 — регистратура 30 м², 7 — аудитория 95 м²

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

УЛИЦА КОНСТИТУЦИИ (НОВЫЙ АРБАТ) В МОСКВЕ

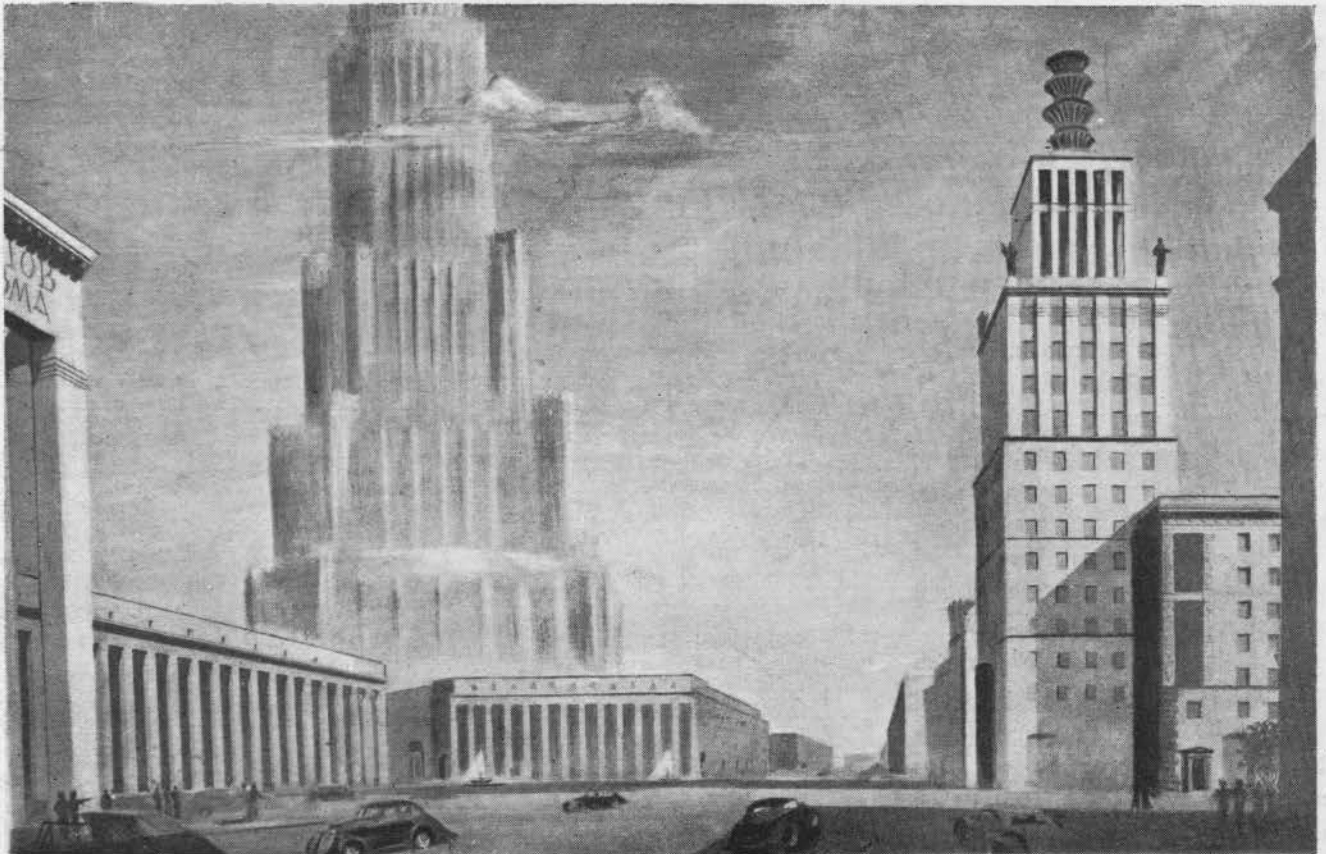
В. КУСАКОВ

Новой Москве тесно в улицах старого города. Они не вмещают непрерывно растущего транспортного потока. У светофоров, на перекрестках создаются длинные очереди автомашин. Жизнь настойчиво требует превращения старых кривых и

узких улочек в широкие, просторные магистрали.

Но на некоторых улицах существует большое количество многоэтажных зданий, затрудняющих их реконструкцию. К таким улицам принадлежит Арбат. Расширение и пе-

рестройка этой, обстроенной с обеих сторон капитальными жилыми домами, улицы были бы связаны с большими трудностями и потребовали бы значительных средств. Рождается идея осуществления новой магистрали, параллельной Арбату. В ряде

Проект Нового Арбата — улицы Конституции. Перспектива Арбатской площади. На стр. 43: Въезд на Новый Арбат с Арбатской площади

Акад. арх. С. Е. Чернышев, архитекторы А. М. Заславский, С. Н. Кожин, А. Д. Сурис

вариантов определяется ее окончательная прямолинейная трасса.

Трудно переоценить значение этой магистрали — Нового Арбата (улицы Конституции) — в плане города. Соединяя центр столицы через Арбатскую площадь, Ново-Арбатский мост, Ново-Дорогомиловскую улицу с Можайским шоссе и юго-западной территорией города, Новый Арбат должен будет стать частью одного из главнейших новых радиальных проспектов Москвы.

Прокладываемая заново магистраль раскрывает широкие возможности полноценного архитектурного творчества.

В связи с этим, решение застройки Нового Арбата является задачей исключительной ответственности и значимости.

Перед нами форпроект застройки Нового Арбата, выполненный брига-

дой в составе анад. арх. С. Е. Чернышева и арх. А. М. Заславского, С. Н. Кожина и А. Д. Суриса.

Авторы подошли к решению стоявшей перед ними задачи любовно и внимательно. Они поставили и наметили ряд исключительно интересных и серьезных проблем архитектуры улицы вообще и архитектуры Нового Арбата в частности.

Собственно, Новый Арбат, сравнительно короткая магистраль, — длиной около 2 км. Начинаясь у Арбатской площади, Новый Арбат идет на запад по существующим кварталам в направлении на Большой Новинский переулок, далее магистраль пересекает Садовую улицу и по трассе Новинского переулка круто спускается к расположенной на берегу Москва-реки будущей Ново-Арбатской площади, которая должна быть связана Ново-Арбат-

ским мостом с Ново-Дорогомиловской улицей.

На протяжении Нового Арбата расставлен ряд зданий, снос которых нежелателен. К таким зданиям относятся — начинающий магистраль у Ново-Арбатской площади грандиозный новый жилой дом, осуществленный по проекту арх. А. К. Ростковского, жилой комплекс строительства 1925—1926 гг. и здание Института курортологии (автор проф. А. В. Самойлов) на Большом Новинском переулке и, наконец, несколько подлежащих сохранению многоэтажных жилых зданий на Большой Молчановке.

Имея ярко выраженное начало — Ново-Арбатскую площадь и конец — Арбатскую площадь, Новый Арбат, как уже было отмечено, представляет собой часть одной из основных радиальных магистралей города, т. е.

Projet de la rue Nouvel Arbat (rue de la Constitution). Perspective de la place Arbatskaïa. Page 43: l'accès de la rue Nouvel Arbat du côté de la place Arbatskaïa
S. E. Tchernychev, membre de l'Académie, A. M. Zaslavski, S. N. Kojine, A. D. Sourisse, architectes

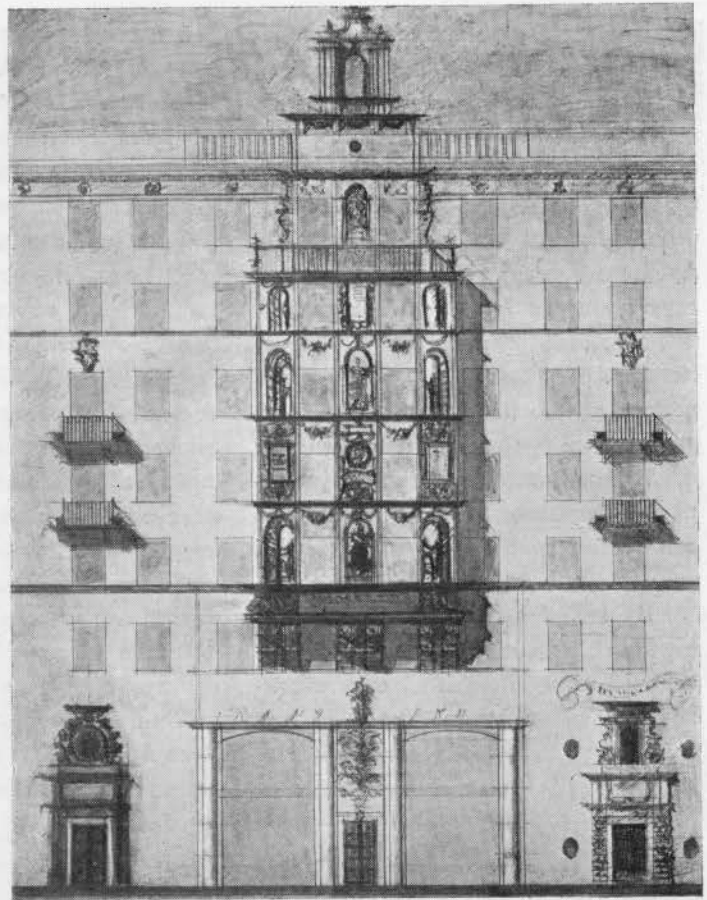
магистральной, имеющей остродинамическую направленность к центру города. Рассматривая Новый Арбат как фрагмент радиальной магистрали, авторы поставили перед собой задачу выразить эту динамическую направленность рядом ритмических акцентов, нарастающих по мере напряженности по мере приближения к центру.

Этот замысел получил свое выражение в сравнительно спокойной застройке участка от Москва-реки до Садовой улицы, с вынужденным по местоположению зеленым курдоном у существующего Института курортологии и возрастающей по силе звучания архитектуре отрезка от Садовой улицы до Арбатской площади, на которой заключительным аккордом должна звучать многоэтажная башня и окаймляющий периметр площади крупный ордер.

Вряд ли удастся эту интересно задуманную композицию распространить на весь радиус, поэтому она в пределах Нового Арбата будет носить несколько местный, локальный характер. К тому же, эта идея не получила еще в проекте достаточно убедительного отображения. Не найден еще ритм нарастания звучности отдельных акцентов, спорным представляется их распределение. Остроумно задуманный курдонер в середине магистрали у группы сохраняемых жилых домов на Большой Молчановке получает такое богатое объемно-пространственное разрешение, поддержанное к тому же в архитектуре здания, расположенного на противоположной стороне, что становится чуть ли не центром всей композиции и выпадает из последовательного нарастающего ряда.

Спорным представляется распределение акцентов на магистрали и их ритм. Они механически подчеркивают оси кварталов и расположены слишком часто, внося некоторую раздробленность в композицию. Пересечения не только с переулками, но даже и с Садовой улицей при этом остаются никак не отмеченными. Вероятно, можно спорить о том, что должно быть сильнее выражено в застройке улицы: вход в квартал или пересечение с поперечными магистралями. Этот вопрос, во всяком случае, проектом Нового Арбата поставлен. Но уже совершенно бесспорным является то, что в условиях улицы-коридора, каким запроект-

Проект
Нового Арбата

Фрагменты
застройки

тирован Новый Арбат, застройка не может представлять собой набор, сумму отдельных центрически взятых композиций, не связанных между собой на пересечениях,—а именно так выглядят отдельные участки Нового Арбата. Идея соподчиненных центров в проекте привела к созданию ряда спорящих центров.

Принятый ритм акцентов слишком част. Это приводит к тому, что чувство устремленности к центру ослабляется и на протяжении всей магистрали создается чрезмерная напряженность.

В связи с этим, возникает вопрос о протяженности отдельных жилых зданий на Новом Арбате. Чрезмерной протяженности домов на улице Горького противопоставлена на Калужской улице застройка сравнительно короткими зданиями с разрывами, обращенными к зелени Парка культуры и отдыха. Эту зелень предположено вывести на красную линию, что придаст улице оправданный в данном случае загородный характер, не лишая ее и черт парадности.

Архитектура Нового Арбата должна в еще большей мере отвечать представлению парадности большой столичной магистрали, в связи с чем здесь неприемлемы принципы застройки Калужской улицы. В разрывах между отдельными зданиями в данном случае была бы видна не зелень Нескучного сада, а неприглядные дворы.

Однако на ряде участков Нового Арбата форпроект предлагает повторить принцип Калужской улицы. Нам представляется, что отрицательным моментом в застройке улицы Горького является не излишняя протяженность корпусов, а монотонное повторение одного и того же архитектурного мотива на большом отрезке улицы. В связи с этим, не следовало бы бояться сплошного фронта застройки и для Нового Арбата, имея в виду, что ее можно сделать чрезвычайно интересной и разнообразной по содержанию. Более того, такой принцип застройки подсказывает ее ленточный характер.

На Новом Арбате мы снова проектируем ширму между кварталом и

Projet de la rue
Nouvel Arbat

Fragments de
nouveaux immeubles

улицей. Не следует ли, в связи с этим, решать эту застройку цельнее, хотя бы так, как это сделано на улице Горького, естественно, не повторяя при этом монотонно на протяжении километра одну и ту же ноту, а внося большее разнообразие в трактовку отдельных участков застройки. Это к тому же облегчит в дальнейшем реконструкцию кварталов, с существующей застройкой которых сейчас очень слабо увязаны ленточки фасадов Нового Арбата.

В случае, если намеченная фор-проектом система застройки будет признана правильной, необходимо предусмотреть расширение пересекающих магистраль проездов и продлить в эти проезды застройку, которая без этого будет носить «пунктирный» характер с активно работающими торцами зданий.

Авторы правильно поставили перед собой задачу придать столичный характер магистрали. Но именно в целях осуществления этой задачи нам представляется уместным укрупнить измельченную разрывами и в силу этого на всем почти протяже-

нии чрезмерно «обогащенную» застройку.

Обогащение силуэта не должно быть самоцелью. На отрезке магистрали, идущей от одной площади к другой, не совсем оправдано обильное применение вертикальных композиций в виде высоких башен, даже если они в той или иной мере подсыказываются частной ситуацией. В проекте застройки Нового Арбата наблюдается некоторое злоупотребление вертикалями, вносящими в абрис застройки беспокойство. Не впадая опять-таки в монотонность, можно силуэт Нового Арбата сделать более спокойным и не таким измельченным.

Следует сказать несколько слов и об этажности. Для того, чтобы придать улице действительно столичный характер, необходимо создать ощущение простора. Затесненность, возникающая из-за неудачных соотношений между высотой зданий и шириной улицы, всегда вызывает ощущение подавленности. Об этом соотношении, так удачно найденном на Невском в Ленинграде, должна

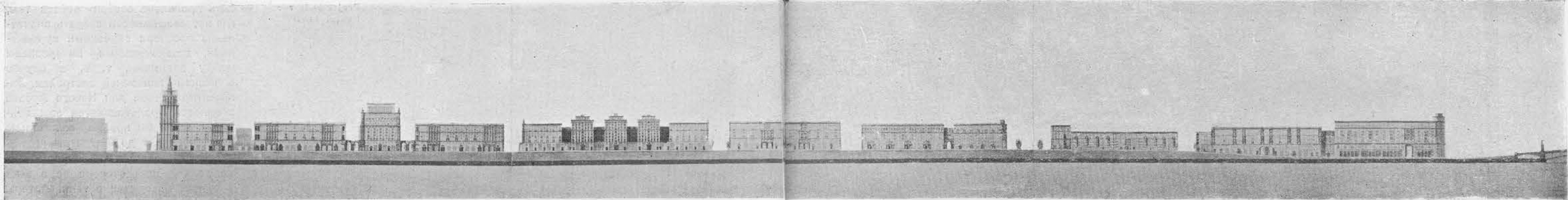
быть проявлена особая забота там, где нет возможности создать впечатление простора глубокими курдонами, зазелененными интервалами между зданиями, т. е. в случае сплошной ленточной застройки. Запроектированная для Нового Арбата этажность представляется завышенной, и было бы крайне желательно довести ее с 8 до 6—7 этажей.

Магистраль тянется с востока на запад. Одна сторона ее в этих условиях находится в тени. Авторы учли это обстоятельство и правильно предлагают различные приемы решений для южного и северного фасадов магистрали. Зеркально отображая друг друга, эти фасады на правой от Кремля стороне содержат больше пластически решенных элементов (зеркалы, аркады, вставки майолики), на левой же стороне получают более интенсивную цветовую характеристику и большее количество разрывов.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что при расположении всей застройки в направлении с востока на запад около половины всех жилых квартир будет иметь северную ориентацию, т. е. будет лишено прямого солнечного света.

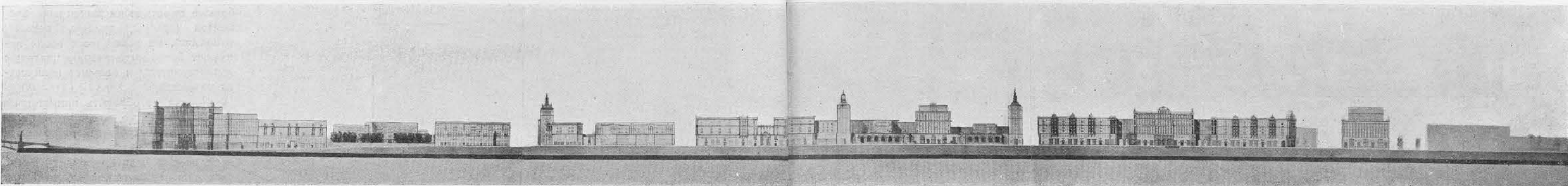
Авторами справедливо уделено большое внимание архитектуре первых этажей здания. Используя допускаемую типовыми секциями возможность, авторы предлагают торговой части магазинов дать двойную высоту, что позволит парадно разрешить магазинные витрины. Целесообразность такого решения представляется спорной, поскольку оно приводит к значительному ухудшению объемного коэффициента здания в связи с сокращением жилой площади. К тому же узким магазинам не нужна 8-метровая высота.

Стилевая характеристика архитектуры Нового Арбата еще не определена, да и не могла, естественно, определиться в форпроекте застройки, который должен разрешить лишь общие, принципиальные вопросы объемно-пространственного построения улицы. Авторы ищут ее в ряде вариантов фасадов и их отдельных фрагментах. Думается, что эти поиски, за немногими исключениями, носят излишне ретроспективный характер. Вряд ли уместным будет воспроизведение на новой магистрали целых фрагментов ренес-

Проект Нового Арбата. Развертка левой стороны (вверху) и правой стороны (внизу)
Акад. арх. С. Е. Чернышев, архитекторы А. М. Заславский, С. Н. Кожин, А. Д. Сурис

Projet de la rue Nouvel Arbat. Côté gauche (en haut) et côté droit (en bas)
S. E. Tchernychev, membre de Académie, A. M. Zaslavski, S. N. Kojine, A. D. Sourisse, architectes

сансных зданий, как это предлагает в ряде случаев форпроект.

Несколько замечаний об отдельных элементах магистрали. Гипертрофированными представляются размеры Арбатской площади. Если учесть далекую перспективу на Москва-реку и громадное пространство запроектированной по ту сторону реки Ново-Дорогомиловской площади, то возникнет опасение, что этот участок города рискует обратиться в необозримое поле. Габариты и размеры как Ново-Дорогомиловской, так и Ново-Арбатской площадей желательно пересмотреть и по возможности сократить. Расположенный на оси будущего моста жилой дом, который плоскостью своего фасада замыкает перспективу со стороны Дорогомилова, мог бы при этом как в плане, так и в силуэте, получить более выразительные формы. Этому зданию, встречающему направляющихся с юго-запада в город, следует так же, как и всей Ново-Арбатской площади, уделить больше внимания. Ново-Арбатская площадь начинает магистраль. Непонятно, почему при-

мыкающий к головному зданию площади на левой стороне магистрали жилой дом решается как самостоятельное здание. Представляется более правильным рассматривать его, как часть этого сооружения.

Чрезвычайно контрастно соотношение между многоэтажными громадами жилых домов на площади и существующими зданиями на правой стороне участка между площадью и Садовой улицей. Не следует ли здесь предусмотреть, хотя бы в перспективе, передвижку старых зданий, не отвечающих общему архитектурному облику новой магистрали. Значительно богаче, чем это намечено форпроектом, очевидно, следует решить подпорную стенку у Института курортологии, превращенную на развертке в каменный забор. Парадные лестницы, фонтаны, зелень здесь были бы очень уместны.

Необходима также, как нам кажется, переработка фасадов жилого здания, запроектированного еще до составления проекта Нового Арбата на месте бывшего Дома архитектора. Строго считается с проектом в дан-

ном случае нет никаких оснований. Здесь хотелось бы видеть вертикаль, отмечающую пересечение двух важнейших магистралей. Мало интересным и скучным кажется участок между Садовой улицей и Трубниковским переулком, на котором авторам также пришлось считаться с существующими зданиями. Не исключено, что и здесь следует смелее подойти к реконструкции и если уж двигать здание, то решительнее, с тем, чтобы освободить место новым сооружениям.

Как уже отмечалось, совершенно не выражены пересечения с Трубниковским переулком и улицей Вахтангова.

Композиция примыкающих к ним зданий подчинена входам в квартал и игнорирует эти пересечения. Кстати, застройка квартала между улицей Вахтангова и Трубниковским переулком иллюстрирует возможность легкого преодоления в окончательном варианте излишней раздробленности застройки. Расположенная по центру квартала вставка в виде многоярусной колоннады мог-

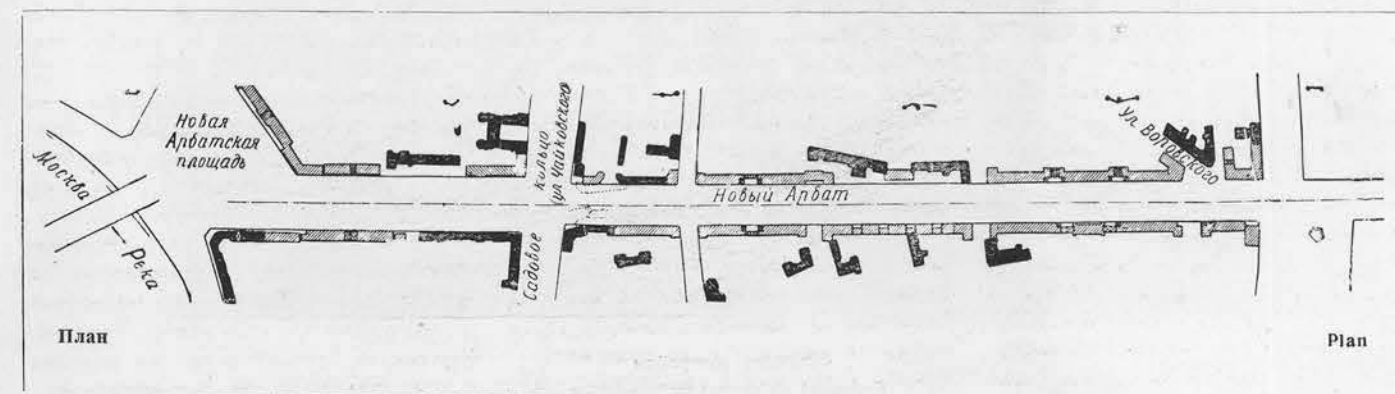
ла бы быть с успехом заменена неглубоким курдонером с проездом во двор. Вряд ли есть действительная надобность столь торжественно, как это сделано в форпроекте, оформлять вход в мало привлекательный, оставшийся вне реконструкции квартал и делать из-за этого чрезвычайно короткие дома.

Следующий отрезок магистрали включает упомянутый выше курдонер, устройство которого подсказано наличием существующих на Молчановке жилых зданий. Как уже отме-

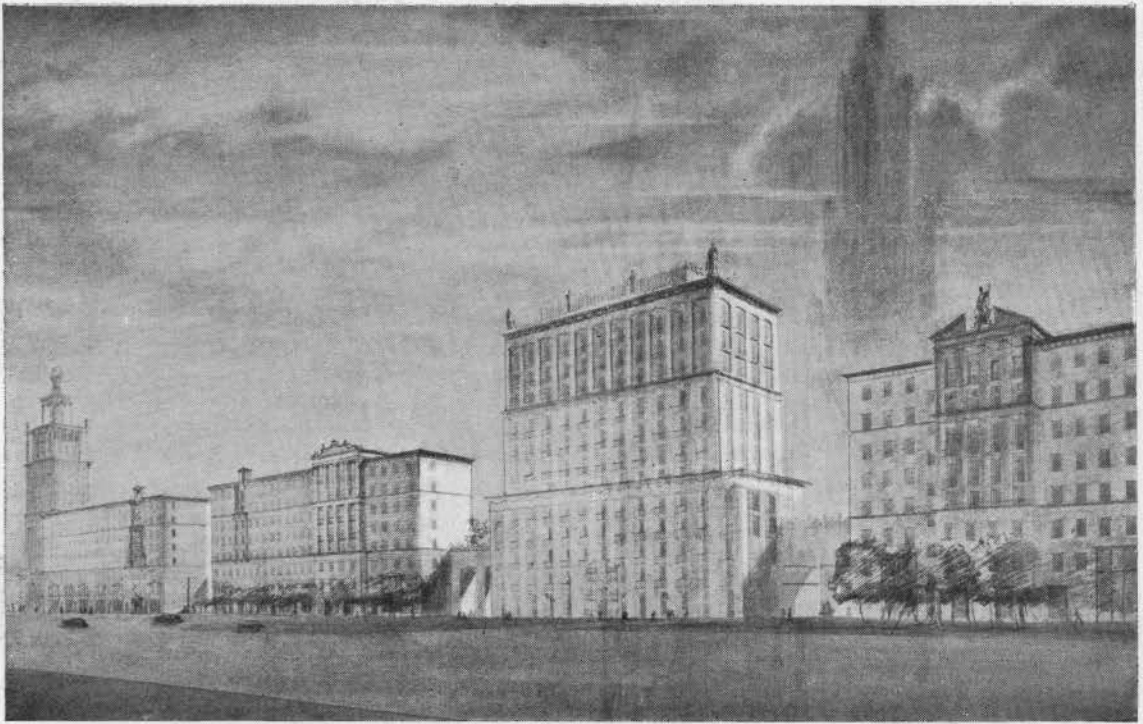
чалось, этот курдонер взят в такую силу, что он превращается в виднейшую составную часть общей композиции магистрали и противоречит основному замыслу ее построения. Над этим трудным участком Нового Арбата, несомненно, предстоит еще работа.

Расположенный по оси курдонера многоэтажный объем (не слишком ли близко он поставлен к существующей застройке?) кажется отгороженным от улицы аркадой. Сама эта красиво нарисованная аркада, пожа-

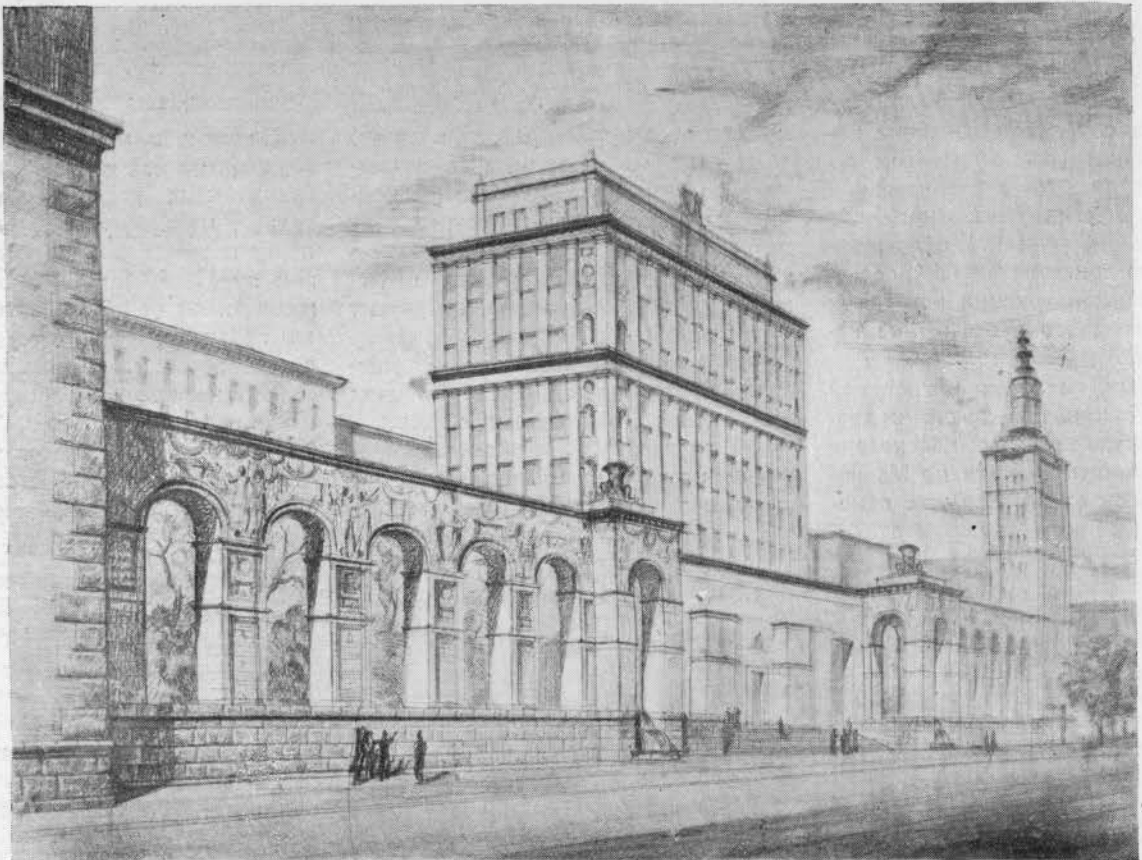
луй, велика и может оказаться неосуществленной именно из-за своих грандиозных размеров, а следовательно, и стоимости. Бедны по силуэту и также завышены фланкирующие курдонер башни. Неоправданно насыщенной воспринимается застройка противоположной стороны. В фасадах последнего участка Нового Арбата несколько архаичны фронтонные ритмических пятен, решенных трехъярусным портиком на левой стороне улицы. Такие, ставшие уже банальными, трехъярусные портики

Проект Нового Арбата. Перспектива застройки
Projet de la rue Nouvel Arbat, Perspective

Фрагмент застройки
Fragment de nouveaux immeubles

лучше было бы не применять на Новом Арбате.

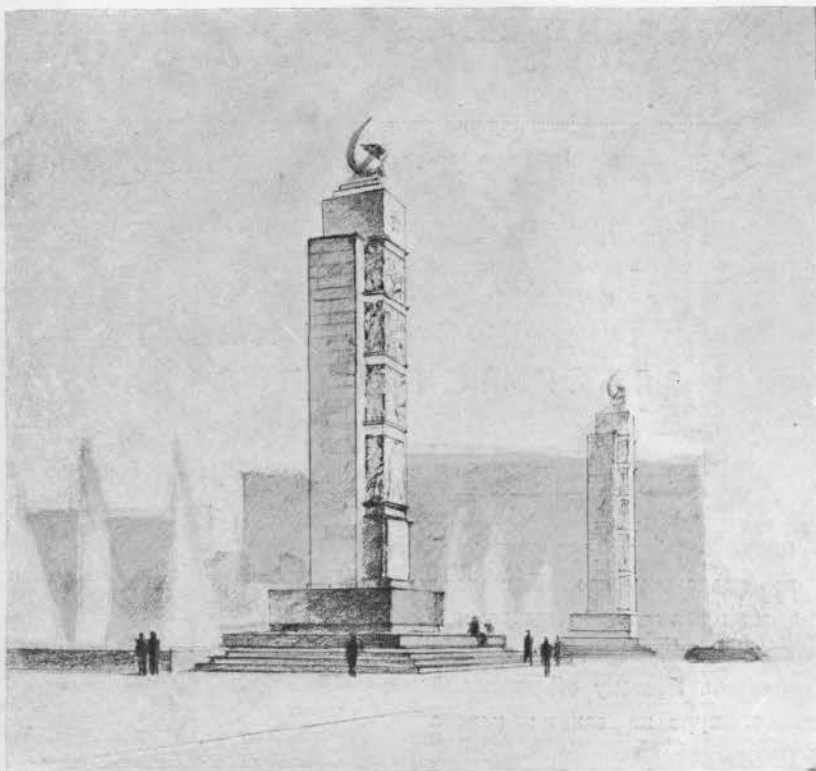
В застройке правой стороны кажутся чрезмерно ажурными, выпадающими из общего плана архитектуры, углы курдонера и мало убедительным—решение верхней части замыкающего Арбатскую площадь дома.

Завершающая магистраль Арбатская площадь, так же как и площадь, ее начинающая, очевидно, еще не привлекли должного внимания проектировщиков, сосредоточивших все свои творческие усилия на архитектуре фасадов по магистрали. Архитектура площади еще сыровата, к тому же она не учитывает намеченных в ближайшее время к осуществлению зданий, в частности здания Наркомата обороны, которое запроектировано вне решения площади в целом. Обращает внимание интересная перспектива площади, на которой впервые сделана попытка изобразить контуры Дворца Советов.

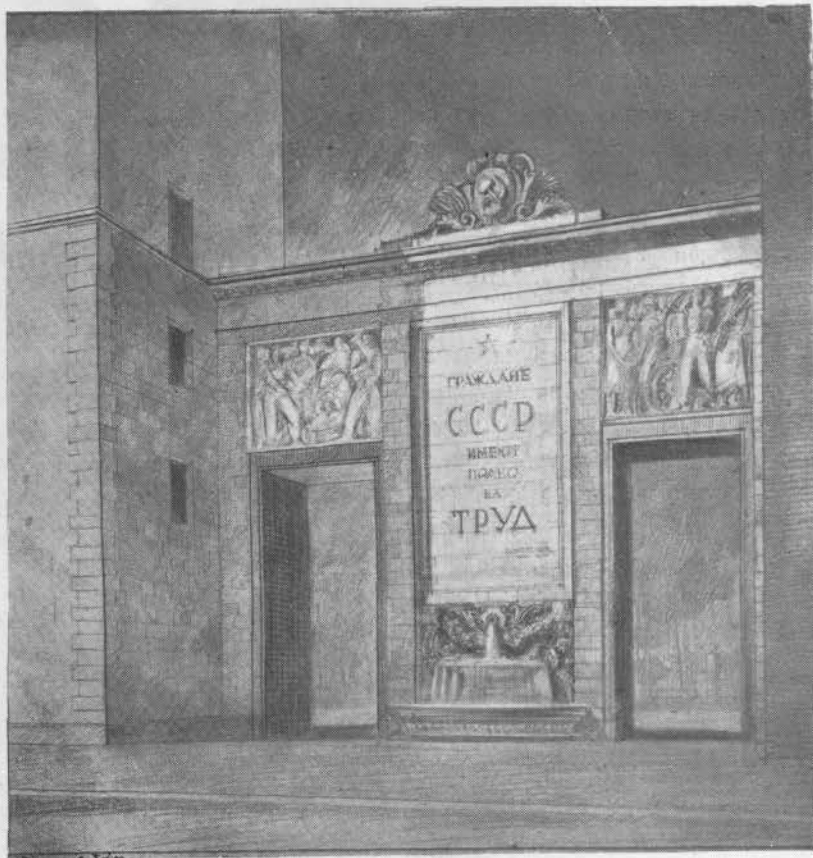
В заключение следует отметить, что, несмотря на наличие в публикуемых материалах ряда спорных моментов, проект Нового Арбата — это, пожалуй, первый за всю практику проектирования новой Москвы пример цельного, подлинно ансамблевого подхода к решению застройки магистрали, пример которой, несомненно, окажет чрезвычайно положительное влияние на работу над проектами других магистралей.

До сих пор мы еще не создали в Москве ни одного цельного ансамбля. Проект Нового Арбата даже в настоящем его виде, несмотря на наличие ряда недостатков, хочется видеть реализованным.

Для того, чтобы и здесь строительство не опередило проектирования, как это часто имело место на других магистралях города, необходимо немедленно широко развернуть все проектные работы по этой магистрали, которая должна быть одной из лучших в новой Москве.

Фрагмент улицы с обелисками на темы Сталинской Конституции
Fragment de la rue avec les obélisques sur les thèmes de la Constitution de l'URSS

Фрагмент застройки

Fragment d'un immeuble

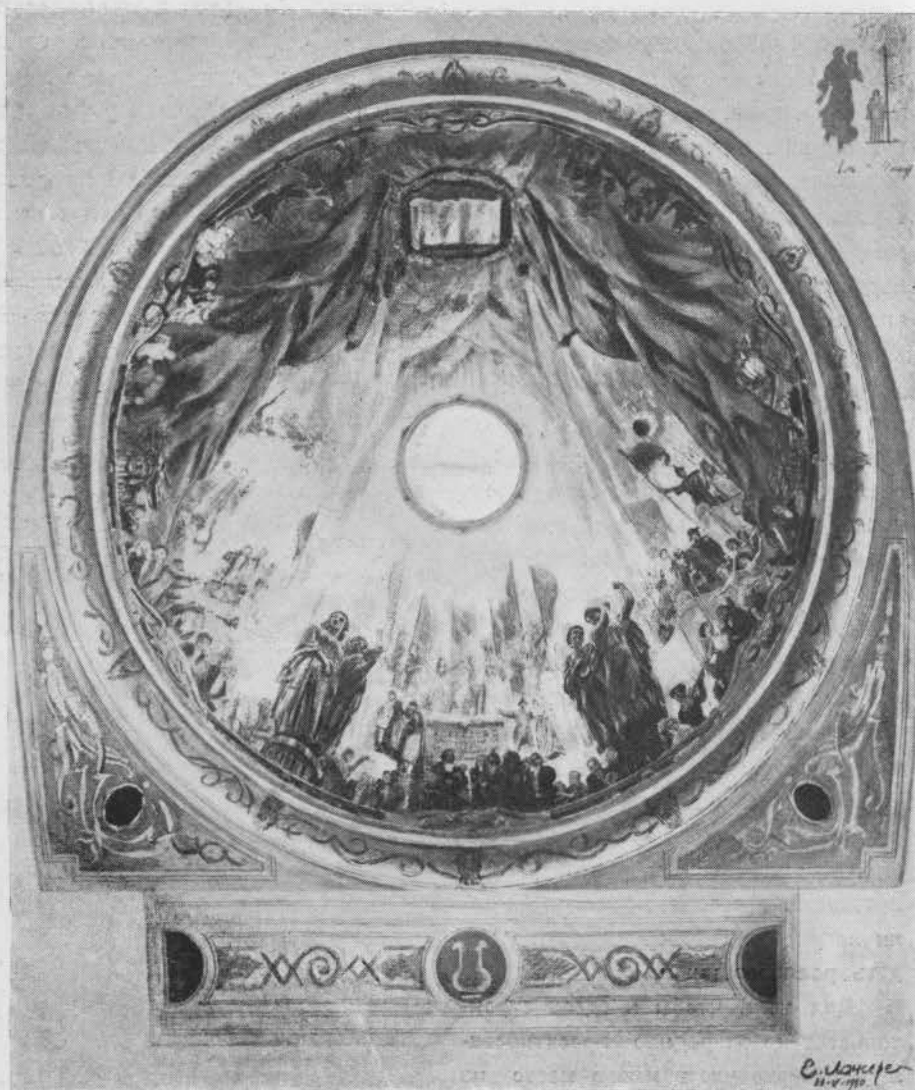
ЭСКИЗЫ НОВОГО ПЛАФОНА ДЛЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА БОЛЬШОГО ТЕАТРА

А. РОММ

Старый плафон Государственного академического Большого театра, исполненный посредственными живописцами, давно уже нуждался в обновлении. Поэтому объявленный недавно конкурс на эскизы нового плафона представляется нам вполне своевременным. Из семи участников конкурса только акад. Е. Е. Лансере и В. А. Фаворский в своих эскизах приблизились к той импозантности, торжественности, пластической значительности, которые подсказываются самым строением обширного зала и его функциональным назначением.

Менее удачной, но серьезной и заслуживающей полного уважения попыткой ответить на конкурсное задание, является проект В. Н. Яковлева. В его эскизе роспись плафона сведена к архитектурной инвенции — смело изогнутые стройные арки выделяются на фоне неба, балюстрада окаймляет роспись. Однако удачное решение архитектурно-перспективной задачи, основанное на больших и точных знаниях, не дало здесь должного декоративного эффекта. Архитектурная фантазия плафона не перекликается с реальной архитектурой зала; к тому же нельзя согласиться с полным доминированием архитектурных форм над человеческими фигурами.

В других проектах использованы все привычные по сельскохозяйст-

Эскиз нового плафона для зрительного зала Государственного академического Большого театра в Москве

Академик живописи Е. Е. Лансере

Esquisse du nouveau plafond pour la salle de spectacle du Grand Théâtre Académique de l'Opéra à Moscou

E. E. Lanceray, membre de l'Académie

венной выставке сюжетные мотивы и живописные средства. Наивен по композиции эскиз художника Дегтерева, не отличающийся ни целостностью, ни продуманностью замысла; только отдельные эпизоды в его эскизе написаны легко и смело. П. Вильямс пытался найти плоскостной ритм и добиться лаконичной выразительности, но пришел к довольно элементарным выводам. Он изобразил круг, разбитый на секторы, в каждом из них—группы, одинаково построенные в виде пирамиды, вершину которой образуют поднятые вверх руки центральной фигуры. Одна из этих групп могла бы быть выделена в самостоятельную картину—взятые вместе они кажутся однообразными.

Однообразие построения дает себя знать и в приятном по колориту эскизе Ф. Федоровского. Деление круга на секторы здесь еще резче подчеркнуто орнаментированными промежутками между фигурными композициями, сходящимися в центре.

Красиво сделанный орнамент гармонирует по цвету с отделкой зала. К сожалению, он слишком детализован и почему-то напоминает тиснение по коже, что едва ли уместно в архитектурной декорации.

Проект А. Бруни задуман, как мне кажется, в духе русских народных росписей. Духом Палеха веет от сильных цветовых контрастов, от орнаментального венка в центре, но в совершенно иной реалистической манере выражены фигуры и аксессуары.

Очень красивый и разнообразный по цвету, хорошо скомпонованный в виде концентрических кругов, плафон мог бы послужить отличным украшением какого-нибудь зала, предназначенного для показа народного творчества. Трудно, однако, себе представить подобную роспись в зале ГАБТ.

Авторы эскизов, за исключением

Эскиз нового плафона для Большого театра в Москве. Деталь
Esquisse du nouveau plafond pour le Grand Théâtre Académique à Moscou, Détail

Е. Е. Лансере и В. А. Фаворского слишком буквально поняли задание конкурса (апофеоз искусства братских народов СССР) и не внесли почти ничего нового в эту до отказа отработанную на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в плакатах и станковой живописи, тему.

Да и само это задание не очень-то подходит к залу ГАБТ. Едва ли надо доказывать, что монументальная роспись по своему тематическому содержанию должна отвечать характеру здания, олицетворять то дело, которому она посвящена, и бу-

диль в зрителе привычные ассоциации. Тематическая косность, неспособность индивидуализировать тематику, показать неповторимые черты быта и труда отдельных республик—дала довольно отрицательные итоги в ряде павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где бесконечное повторение одних и тех же сюжетов расхолаживает зрителя.

В противовес этой сюжетной косности, эскиз Е. Е. Лансере бьет прямо в цель. Он предназначен для оперного театра и поэтому насыщен музыкальными (оркестры, хоры, алле-

горические статуи) и оперными мотивами (образы Людмилы, князя Игоря, Татьяны, Германа, Лизы). Разумеется, известное место в общем ансамбле уделено и народному творчеству.

Хорошо, что оперная тематика вылилась в живописные формы и что эти формы в свою очередь созвучны архитектуре зала. Найти такое соответствие — дело нелегкое.

Это становится особенно ясным при сравнении эскизов В. А. Фаворского и Е. Е. Лансере. Резко противоположные стилистически, эти две вещи равноценны, как могут быть равноценны две поэмы, написанные на разных языках.

Язык Фаворского не отличается особой гибкостью. В данном случае, принципиальная выдержанность продуманной композиционной системы является также основным достоинством работы художника. Однако роспись плафона должна дополнять или завершать несколько эклектичную архитектуру зала

ГАБТ. Между тем, строгие линии и стройные пропорции фигур Фаворского хотелось бы видеть в связи с иной, гораздо более простой и легкой архитектурой. Здесь же в этом зале, приближающемся по стилю к мотивам второй империи, такое решение было бы назаконмерным. Прекрасный по плоскостному ритму овальных и трапециевидных медальонов, исключительно красивый по цвету, плафон В. А. Фаворского отличается необычайной легкостью, воздушностью, невесомостью. Никакой графичности, — расплывчатые контуры, прозрачно-голубой фон вторгается в медальон, объединяя фигурные композиции (песни и пляски), подчеркивая условную двухмерность, вполне законную в иных случаях, но не отвечающую стилю самого зала.

Совсем другое впечатление производит плафон Лансере. Художник последовательно вводит зрителя в мир поэтической фантазии. Он раскрывает свою тему в аспекте различных пространственных планов.

Сначала идут аллегорические статуи муз — их бронза созвучна золотистому фону, — дальше, в центре, герои музыкальных драм погружены в углубленное пространство и как бы удаляются от зрителя. Но там, где широкими складками ложатся металлически-синие драпировки, где картина завершается лежащими статуями, там изображение снова приближено. Таким образом, при всей непринужденности рисунка плафон приобретает архитектурную форму, близкую к куполу.

И это достигается чисто живописными средствами (вибрация тона, колорит), а не педантичным решением архитектурно-перспективных задач, как у В. Н. Яковлева.

Стиль этого плафона — личный стиль Е. Е. Лансере, знакомый еще по давним эскизам росписи Казанского вокзала. Но это и традиционный стиль послеренессансной монументальной живописи. Так именно и понимали плафонную живопись во времена Тинторетто и Тьеполо. В противовес плоскостному и архаически строгому стилю В. А. Фаворского, это стиль глубинный, пространственный, предельно свободный и живописный. Как отзвук барокко, он отлично сочетается с архитектурой зала.

Следуя старым традициям декоративной живописи, Е. Е. Лансере строил композицию в едином пространственном развороте, по продольной оси, в то время как во всех остальных эскизах принята особая точка схода для каждого композиционного звена. В плафоне Е. Е. Лансере перспектива стала художественным средством выражения, а не только приемом размещения предметов в пространстве.

Если Е. Е. Лансере удастся осуществить свой эскиз и при этом сохранить ту же свежесть замысла и смелость исполнения, то наша монументальная живопись обогатится новым ценным произведением.

Большой театр в Москве. Деталь существующего плафона
Grand Théâtre Académique de l'Opéra à Moscou. Détail du plafond actuel

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

ОРИГИНАЛ И ПОДРАЖАНИЕ

(ПАЛАЦЦО РУЧЕЛЛАИ АЛЬБЕРТИ И ДВОРЕЦ ПИККОЛОМИНИ БЕРНАРДО РОССЕЛИНО)

Н. БРУНОВ

В архитектуре не имеет значения стиль, не играют роли формы, примененные зодчим. В ней основным является то «вечное», что стоит за формами и стилями. В любом стиле строились хорошие и плохие здания. Можно и в наше время построить хорошо, пользуясь архитектурными формами любого стиля. Основа искусства архитектуры лежит в тектонических закономерностях и в системе пропорциональных соотношений, составляющих подлинную сущность любого настоящего архитектурно-художественного произведения».

Так говорят и думают многие современные советские архитекторы, широко применяющие в своих постройках всевозможные варианты колонн и антаблементов, пилястры, капители и всякого рода «злымзы», как выражались у нас в старину. Казалось бы, что основной вывод, который напрашивается из вышеприведенного рассуждения, это — отбросить все «несущественное». Однако сделать этого нельзя, так как такой «оголенный» проект наверняка не будет утвержден. Он не правится и самому автору, который хочет строить «красиво».

Изложенные выше принципы глубоко родственны основным установкам конструктивизма, представители которого действительно оголяют архитектуру и оставшийся скелет здания строят на основе известной системы пропорций. Архитекторы, которые следуют принципам, приведенным в начале статьи, не отказываются от классических форм, отброшенных конструктивистами. Однако то, что эти формы кажутся им несущественными, сильно сблизает их также и с эклектиками XIX века, которые могли компоновать и фактически строили в любых стилях, потому что они руководствовались ложным и чисто поверхностным пониманием «красоты».

Перед советской архитектурой стоит задача: создать полноценный советский архитектурный стиль. Архитекторы, руководствующиеся вышеприведенными принципами, обходят решение этой основоположной задачи. Вместо создания полноценных архитектурных форм и композиций, которые можно было бы поставить рядом с лучшими архитектурными произведениями прошлого, они проектируют здания — пропорциональные схемы, замаскированные классическим аппаратом форм, понятых чисто внешне, так как они их считают несущественными. Для создания полноценной архитектуры необходимо, чтобы на основе потребностей нашей действительности, а также на основе новейших технических и конструктивных достижений сложилась новая, глубоко обоснованная и необходимая система композиционных приемов и форм, в которую могут войти приемы и формы архитектуры прошлого, но как органические элементы этой новой системы. Только такая архитектура будет выражать мировоззрение людей страны социализма. Про лучшие произведения этой архитектуры можно будет сказать словами Альберти, что от них нельзя ничего отнять и к ним нельзя ничего прибавить. В них все будет существенно.

В применении к изучению архитектурного наследия, рассуждение, с которого я начал, приводит к тому, что величайшие памятники прошлого лишаются присущей им конкретности, разносторонней полноты и оплодотворяющей жизненной силы и превращаются в голые схемы, построенные на основе субъективных вкусов того, кто к ним обращается. Видеть в полнокровном архитектурном произведении отвлеченную схему, это значит — вовсе не видеть живого архитектурного образа и вместо него видеть только самого себя.

Глубокое и плодотворное использова-

ние наследия прошлого в нашей архитектуре предполагает объективный подход к архитектурным произведениям прошлых эпох. Последний возможен только в том случае, если брать архитектурно-художественные памятники такими, какие они есть на самом деле, а не подменять их тем, что нам хочется в них видеть. Это возможно только в том случае, если современные архитекторы будут изучать и вдохновляться величайшими архитектурно-художественными произведениями человечества, взятыми во всей их конкретной полноте и разносторонности, в связи с реальной жизнью, которая их породила. Только тогда может стать понятным возникновение архитектурного образа, и только тогда откроется вся ценность архитектурного наследия.

Отвлеченный метод восприятия и изучения архитектурно-художественных произведений прошлого нередко приводит к смешению лучших из них с менее выдающимися. Это объясняется отсутствием объективных критериев при оценке того или иного здания. Только в том случае, если художественное произведение будет действительно понято во всей его глубине из породившей его культуры, из живой и конкретной жизни людей той эпохи, можно добиться объективного овладения наследием прошлого. Последнее требование необходимо вытекает из основы всего нашего мировоззрения — реализма. Без объективного овладения архитектурным наследием мы никогда не добьемся полноценной советской реалистической архитектуры. Необходимо избегать случайности и субъективизма и брать из прошлого только все лучшее.

Архитектура раннего ренессанса имеет для нас очень большую ценность, произведения итальянского зодчества XV века действительно оказали известное влияние на советскую архитектуру. Однако в тео-

ретическом и историческом разрезах эта группа памятников до сих пор остается изученной еще очень мало. Настоящая статья ставит себе целью провести сравнительное изучение некоторых дворцов XV века, отбросив по возможности всякие предвзятые точки зрения и стремясь подойти к памятникам прошлого объективно. Разбор привлекаемых зданий стремится дать им объективную оценку: выделить ведущее течение итальянской архитектуры XV века и показать, как лучшие ее произведения и их формы перерабатываются второстепенным мастером.

Сравнительное изучение дворцов Ручеллаи во Флоренции и Пикколомини в Пизе позволяет исправить распространенный среди наших архитекторов предубеждение: многие считают произведение Росселино качественно более высоким и творчески более ценным, чем более ранний палаццо Ручеллаи, а самого Росселино — мастером более выдающимся, чем Альберти. Эта ошибочная оценка объясняется применением изложенного выше отвлеченного и субъективного метода анализа. Под видом изучения пропорциональной системы нередко вкладывают в архитектурную композицию палаццо Пикколомини то, что в ней на самом деле не имеется и что хочется в ней видеть авторам этого анализа пропорций. Они не считаются с архитектурным образом, взятым в целом, и отказываются воспринимать произведение архитектуры во всей его полноте и разносторонности. Сравнение дворцов Медичи и Ручеллаи во Флоренции показывает сложность развития архитектуры раннего ренессанса и позволяет выделить в ней два основных течения.

• • •

В первой половине XV века Флоренция была городом богатой, энергичной и деятельной буржуазии — тогда еще молодого, восходящего класса.

В результате длительной и сложной борьбы партий — различных буржуазных и аристократических группировок, мелких собственников, ремесленников и рабочих — во Флоренции в 1434 году надолго установилась прочная диктатура Козимо Медичи, опиравшегося на широкие слои флорентинского народа.

Буржуазная диктатура Козимо была переходом от республиканского строя к монархии. Она напоминала тиранию, которые в XV веке установились во многих других итальянских городах, и отличалась от них главным образом тем, что Козимо по видимости оставался флорентинским гражданином, якобы равным своим согражданам.

Козимо начал в 1444 году постройку лично для себя и для своей семьи нового дворца во Флоренции. Архитектором был Микелоццо. Характерно, что Козимо построил дворец, который не слишком выделялся, по сравнению с дворцами других буржуазных семейств Флоренции, но все же значительно превосходил их, как размерами, так и роскошью и художественностью отделки. Совершенно иначе поступил в 1458 году Лука Питти, сотрудник Козимо, выдвинутый им самим на руководящие посты во флорентинском го-

сударстве, а потом — неудачный конкурент Козимо. В палаццо Питти бросается в глаза стремление превзойти Козимо: его архитектура, примыкая к формам Микелоццо, вдвое увеличивает размеры всех частей. В общем характере палаццо Медичи ярко отразилась типичная для Козимо тенденция: править незаметно. Подобно Периклу или римскому императору Августу, Козимо сохранял видимость частного гражданина, равного своим согражданам и как бы «естественно» выдвигаемого на руководящую роль в государстве. Вместе с тем, он был честолюбив и, по выражению историка Кавальянти, помещал кружки, фигурировавшие на гербе Медичи, всюду, где только мог, даже в уборных монахов. Палаццо Медичи все же заметно выделялось в городе в момент его постройки: оно действительно было первым домом во Флоренции.

Козимо остался до конца своих дней буржуа. Его прозвали «великим купцом». Он сказал раз, что если бы деньги сами собой текли в его карман из неиссякаемого источника, то и тогда он не перестал бы работать. Он ценил работу саму по себе, а не только по отношению к конечному ее для него результату — наживе. Это здоровое и бодрое отношение к работе характеризует флорентинскую буржуазию XIV—XV вв. как молодой тогда класс, перед которым в то время открывались самые широкие перспективы. Отсюда вытекает конкретность и предметность мышления. Флорентинский буржуа XV века — реалист: он оперирует материальными ценностями, он производит, продает и покупает вещи. Эта черта нашла себе очень яркое выражение во флорентинском зодчестве XV века и в первую очередь в дворцовой архитектуре. Флорентинский дворец первой половины XV века это — конкретная, объемная и телесная вещь. Необходимо сравнить в этом отношении палаццо Пацци Брунеллески и палаццо Медичи Микелоццо. Оба они объемны, оба рассчитаны на созерцание с угла, что подчеркивается расположением гербов. Однако палаццо Пацци — легкий и воздушный. Благодаря гладким стенам, столь характерным для Брунеллески и воспринимаемым особенно живо по контрасту с рустикой нижнего этажа, объем палаццо Пацци имеет отвлеченный характер геометрической формы. Руст и карниз палаццо Медичи придают его формам конкретную телесность. Предметность палаццо Медичи выражается в том, что оба его фасада, почти одинаковой длины, образуют вместе трехмерный массив, противопоставленный улице, выделяющийся по сравнению с соседними домами, замкнутый и заключающий в себе жилище буржуа — самостоятельный мирок, в котором его владелец является полным хозяином.

Архитектурная форма палаццо Медичи строится изнутри наружу. Из центрального двора, окруженного помещениями, ограниченными наружными стенами, строится общий массив дворца. Очень важен мотив открытого угла. Пролеты двух сходящихся на углу арок были заложены только в начале XVI века, до того они были открыты и образовывали лоджию, в которой происходили семейные торжества Медичи. Открытые на

улицу лоджии имели в буржуазных домах очень большое распространение во второй половине XIV и в XV вв. Угловая лоджия палаццо Медичи подчеркивает объемный характер его наружной формы. Вместе с тем она наглядно показывает, что дворец в целом строится изнутри наружу: на углу стены как бы вскрыты, и зрителю показана часть внутренней жизни дворца — интерьер, охваченный стенами, арками и сводом и видный снаружи.

В палаццо Медичи особенно важна структура его наружных стен. Здесь впервые разработана система ренессансного руста, оказавшего столь большое влияние на все последующее развитие архитектуры. Не случайно, что монументальный каменный карниз введен впервые в дворцовой архитектуре ренессанса именно в этом здании. Невозможно представить себе такой тяжелый и телесный карниз над невесомыми, воздушными геометризованными стенами палаццо Брунеллески. Система руста и карниз палаццо Медичи взаимно обуславливают друг друга. Для массивного карниза Микелоццо нужна телесная стена, которая была бы в состоянии его нести. Рустованные стены палаццо Медичи строятся изнутри наружу; архитектор разлагает стену на ее составные элементы; зритель видит, как стена складывается из отдельных блоков камня. Система руста палаццо Медичи является крупнейшим открытием и достижением Микелоццо, которое можно отчасти сравнить с древнегреческой ордерной системой.

Особенно замечательно в палаццо Медичи органическое соединение в одну композиционную систему венчающего карниза с последовательным уменьшением вверх этажей и соответствующим ему ослаблением рельефа руста. Эта система связана с рядом перпендикулярных закономерностей, которые требуют особого углубленного анализа.

Через два года после основания палаццо Медичи был заложен в 1446 г. палаццо Ручеллаи во Флоренции. Обычно считают архитектуру этого последнего следующим этапом развития флорентинского зодчества. Однако это не совсем так. Альберти, автор палаццо Ручеллаи, принадлежал совершенно к другой среде, нежели Микелоццо. Хотя палаццо Ручеллаи и находится во Флоренции, все же его замысел останется непонятным без знакомства с той средой, в которой жил и работал Альберти: с папским двором в Риме.

Папа Николай V (1447—1455) был выдающейся личностью. Он строил грандиозные планы реконструкции Рима и являлся предшественником Юлия II, привлеченного Браманте для осуществления своих колоссальных планов. Он был первым папой, наметившим перестройку собора Петра и Ватикана, и привлек для этого Альберти, ученика Брунеллески и предшественника Браманте.

Альберти создал грандиозный проект перестройки собора Петра, Ватикана и примыкавших к ним кварталов города. Манетти, биограф Николая V, пишет о том, что последний поставил себе задачу выпрямить главные улицы Рима, создать в нем большие площади, связать последние друг с другом колоннадами. Центром

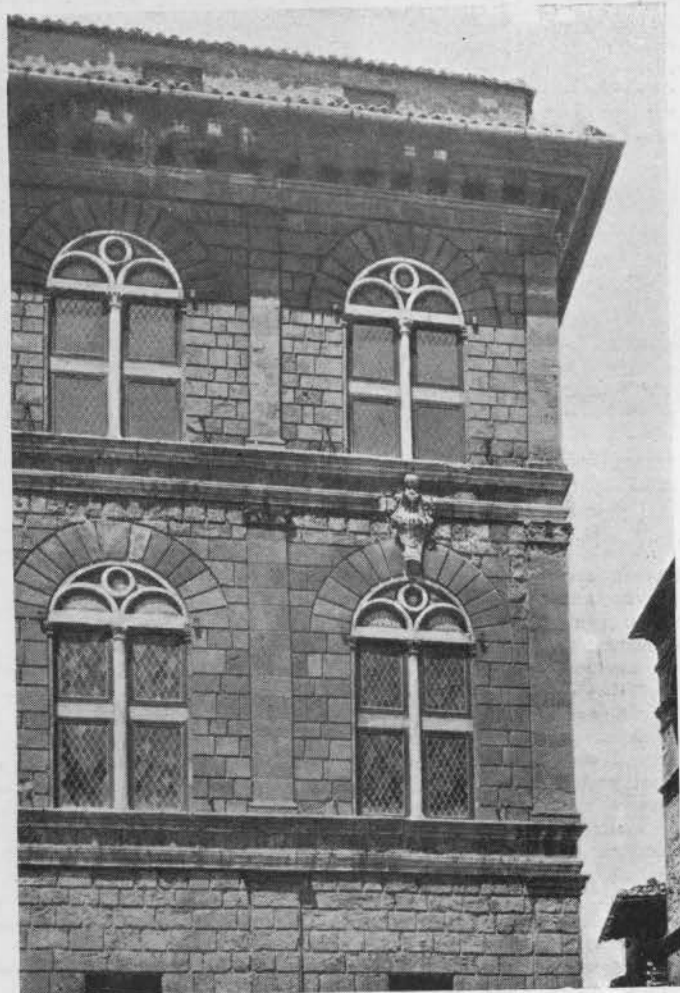
города должны были быть собор Петра и папская резиденция. Для них Альберти создал замечательный проект: последний предусматривал три прямых улицы, которые должны были расходиться к собору Петра от Замка Ангела, причем перед фасадом собора должна была быть устроена большая трапециевидная площадь, ограниченная по сторонам двумя боковыми из трех намеченных магистралей. Сердину площади должен был занимать поставленный перед главным фасадом собора Петра обелиск. По рассказу Манетти, четыре бронзовые статуи должны были поддерживать обелиск, на который предполагали поставить статую Христа.

Все эти замыслы носят совершенно иной характер, чем постройки флорентинской буржуазии XV в., они превосходят строительную деятельность в соборе Петра в XVI и XVII вв., проекты и постройки Браманте, Микельанджело, Фонтана, Мадерна и Бернини. Даже больше: они превосходят композиции Версаля, ансамбль Ленинграда. Альберти значительную часть своей жизни прожил в Риме, где он занимал должность при папском дворе. Он происходил из древнего флорентинского рода и долго жил в изгнании. Его никогда не покидали воспоминания и мечты о былом великолепии дома Альберти. Его взгляды на жизнь и архитектуру сложились под сильным влиянием придворной среды Ватикана, еще до избрания Николая V. В противоположность построенному внутри изолированному зданию-вещи, характерному для флорентинской буржуазной дворцовой архитектуры, в Риме сложились замыслы грандиозного цельного городского ансамбля, которому были подчинены отдельные, входившие в него здания. Это подтверждается уже возведенными по проекту Альберти частями собора Петра, не сохранившимися до нашего времени, но изображенными на старых рисунках. Проект Альберти частично воспроизведен также в живописи XV в.

Палаццо Ручеллаи во Флоренции построено по заказу выдающегося флорентинского буржуа. Тем не менее архитектура дворца отражает мировоззрение папского Рима эпохи Николая V. Это выразилось главным образом в том, что во дворце сильно выделен фасад, как основной элемент его наружной композиции, и что фасад органически связан с ансамблем. Фасад палаццо Ручеллаи расположен на углу улицы и выходящего на нее переулка, что несколько напоминает некоторые более ранние дворцы Флоренции. Однако стена дворца, выходящая в переулок, осталась неоформленной. Архитектурная обработка фасада продолжена за углом только на очень короткое расстояние и дальше обрывается. Для архитектурной композиции более существенным является то, что фасад палаццо Ручеллаи трактован не как элемент объема (как в палаццо Пацци и Медичи), а как самостоятельная величина. Главнее внимание архитектора обращено на расположение окон и ордеров и на архитектурную организацию этими средствами плоскости главного фасада. Если фасады палаццо Медичи являются выражением скорее внутренней структуры дворца, то фасад палаццо Ручеллаи относится в

Палаццо
Никколomini
в Пиенце.
Б. Росселино

Фрагмент

Палаццо Пацци во Флоренции
Ф. Брунеллески

большой степени к тому, что перед ним, т. е. к улице и к ее пространству. В этом отношении флорентинский дворец Альберти превосходит, как и его римские замыслы, решения уличных ансамблей XVI—XVIII вв. Альберти сам писал, что, по его мнению, фасад является самодовлеющим элементом архитектурной композиции. Фасад палаццо Ручеллаи ограничивает собой не только улицу, но и небольшую треугольную площадь, на которой стоит построенная Альберти лоджия Ручеллаи. Она представляет собой семейную лоджию, отделенную от дворца. В XIV в. появились под влиянием дворцовых семейных лоджий общественные лоджии, стоящие отдельно на площадях, как, например, лоджия деи Ланци во Флоренции. Альберти создал свободно стоя-

щую частную семейную лоджию в подражание общественным лоджиям. Лоджия Ручеллаи поставлена под прямым углом к дворцу. Из нее открывается вид на площадь, удачно замыкаемый видом с лоджии в три четверти фасадом дворца, из окон которого видна в свою очередь в три четверти лоджия. При движении в обоих направлениях по улице очень эффектно разворачивается ансамбль дворца, площади и лоджии. Палаццо Медичи представляет собой как бы большой куб, поглощающий входящего в него человека, в ансамбле палаццо Ручеллаи все формы ориентированы на воспринимающего их человека, движущегося по улицам и по площади.

Альберти впервые ввел в палаццо Ручеллаи пилястры в качестве членения

дворцового ренессансного фасада. Это новшество имеет очень большое значение. Развитие лицевых стен палаццо Возрождения идет от господства гладких стен в дворцах Пацци и Медичи к разложению стены в XVI в., например, в библиотеке Сан Марко Сансовино в Венеции. Палаццо Ручеллаи и развивающий его композицию палаццо Канчеллерия в Риме образуют связующие звенья между этими двумя полосами: в них еще господствует стена, как в палаццо Пацци, но вместе с тем уже намечилось расчленение стены в виде плоских пилястр, графически изображенных на ее поверхности и связанных с плоским рустом. Плоскостность фасада палаццо Ручеллаи, слабый, но вместе с тем тонко юансированный рельеф его членений не выходят за пределы искусства Брунеллески, учеником и продолжателем которого был Альберти. Однако Альберти пишет, что нужно больше доверять разуму, чем лицам. Он вводит новшества и стремится к гармоническому соединению в своем фасаде криволинейных форм с прямыми, о чем он сам говорит в своем архитектурном трактате.

Пилястры фасада палаццо Ручеллаи говорят о возрощем, по сравнению с Брунеллески, влиянии древнеримских зданий на Альберти, который в Риме постоянно соприкасался с древними руинами и который по своим литературным и научным занятиям больше приблизился к античной культуре. Арочная ячейка Колоссея была прототипом расчленения фасада Альберти: она состоит из двух связанных друг с другом аркой столбов, к которым приставлены полуколонны, несущие расположенный над арками антаблемент. В палаццо Ручеллаи объемные формы Колоссея переведены на язык плоскостных, графических форм. Верхний ярус Колоссея послужил образцом для нижнего этажа дворца Альберти. Система плоского руста палаццо Ручеллаи со включенными в него пилястрами находится под влиянием изображений зданий на древнеримских рельефах (этот руст близок также к русту второго этажа палаццо Медичи).

Палаццо Ручеллаи был много позднее надстроен: его фасад первоначально завершался более сильным, чем остальные, карнизом третьего этажа, спроектированным под влиянием венчающего карниза Колоссея. Дворец остался недостроенным: ряд данных говорит о том, что он должен был иметь одиннадцать осей.

Композиционная целостность фасада палаццо Ручеллаи основана на большой строгости его расчленения. Во всех трех этажах господствуют однородные вертикальные ячейки, звучащие в унисон. Это напоминает древнеримские здания, например, Колоссея, Табуларий, театры, базилики, а также библиотеку Сансовино. Гармония унисонного звучания достигнута рядом композиционных приемов. В нижнем этаже введены порталы, завершенные прямоугольно. Они тоже восходят к античным формам и сменили собой арочные порталы более ранних дворцов, напоминающие здания раннего средневековья. Строго обрамленные, почти квадратные окна поставлены на порталы, так что на уровне основания окон проходит как бы горизонтальная линия, подразделяющая этаж на две части. Оконные пролеты, отодвинутые

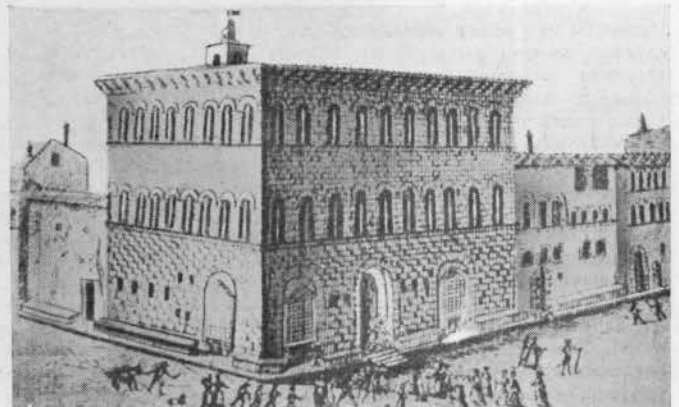
наверх, усиливают вертикальный характер ячеек. Для Альберти очень типичен цоколь палатцо Ручеллаи: он имеется в Санта-Мария Новелла, Сан-Франческо в Римини и в Сант-Андреа в Мантуе. Он приподнимает пилястры первого этажа дворца Ручеллаи, которые контрастируют с порталами, опущенными вниз, что придает нижнему этажу и всему дворцу больше монументальности. Вертикальный характер ячеек второго и третьего этажей сохранен благодаря тому, что этажи очень незначительно убывают вверх, гораздо меньше, чем в палатцо Медичи. Вследствие этого ячейки второго и третьего этажей построены однородно: каждая из этих ячеек представляет собой стоячий прямоугольник оконного пролета. Над каждой оконной аркой и во втором, и в третьем этаже имеется по пять слоев руста.

Строгий характер ячеек фасада достигается также тем, что в них стена членится на столбы, напоминающая также и этим древнеримские арочные ячейки. Пилястры не являются у Альберти только придатком к стене, последняя тектонизируется: она как бы разлагается на вертикальные подпоры. Арки, перекрывающие окна, придвинуты вплотную к пилястрам, вследствие чего простенки между пролетами окон и пилястрами имеют характер рустованных столбов, несущих арки: клинчатые камни арок непосредственно продолжают квадраты руста, из которых сложены эти столбы. Каждая оконная ячейка строго тектонизирована, т. е. она представляет собой систему нескольких соподчиненных друг другу ордерных соединений: в раму пилястр и антаблемента вставлены рустованные столбы, несущие арку; эти последние, в свою очередь, обрамляют ордер колонок, несущих антаблемент, который членит оконный пролет. Невольно вспоминаются слова Альберти: «Вся сила изобретательности, все искусство и умение строить сосредоточены только в членении. Ибо части всего здания, все особенности каждой из них и, наконец, сочетание и объединение всех линий и углов в одно произведение — все определяется с учетом полезности, достоинства и приятности одним только членением».

В палатцо Медичи и в других флорентинских дворцах первой половины XV в. порталы помещены не на осях окон верхних этажей. Так, средний портал главного фасада палатцо Медичи сдвинут влево, благодаря чему в фасад вносится асимметрия. Альберти вводит в палатцо Ручеллаи единые оси, проходящие через все три этажа, что связано с вертикальным членением фасада пилястрами. Вместе с тем, в палатцо Ручеллаи Альберти отстает от принципа равноправия совершенно одинаковых осей, как это было в античных зданиях, и вносит группировку вертикальных делений фасада, основанную на выделении более важных осей и на подчинении им остальных делений фасада. Естественно выделить ячейки, в которых содержатся двери: они шире других ячеек, на них помещены гербы, расположенные над порталами. В этих ячейках простенки-столбы между оконными пролетами и пилястрами шире,

Палатцо Медичи во Флоренции.
Микелоццо

Палатцо Медичи.
Рисунок
первой половины
XVI века

Палаццо Ручеллаи во Флоренции
Л.-Б. Альберти

чем в остальных ячейках, вследствие чего арки над ними выше: между последними и антаблементом расположено только по четыре ряда руста. Весь одиннадцатидольный фасад распадается на три группы, из трех ячеек каждая, причем по сторонам две ячейки замыкают всю композицию. Однако фасад в целом можно также считать состоящим из трех взаимно проникающих друг друга пятидольных ячеек. Тогда каждая пара глухих ячеек между двумя порталами окажется правой частью пятидольной ячейки, сгруппированной вокруг левого портала, и одновременно с этим левой ячейкой пятидольной ячейки, сгруппированной вокруг правого портала. Группировка ячеек фасада намечена в палаццо Ручеллаи еще слабо. Все же большое значение имеет введение Альберти самого принципа группировки, чем он подготовил появление

фасада палаццо Канцеллерия в Риме. В последнем группировка ячеек дворцового фасада разрешена в пределах возможностей раннего ренессанса в совершенстве.

Постройка палаццо Ручеллаи была поручена Бернардо Росселино, который работал по проекту Альберти и под руководством последнего. Росселино был исполнителем замыслов Альберти уже в Риме при папе Николае V. Альберти поручал постройку спроектированных им зданий разным мастерам — Маттео де Пасти в Римини, Луке Фанчелда в Мантуе. Однако, как показывает его переписка с Маттео де Пасти, Альберти строго следил за выполнением намеченного им вилоте до мельчайших деталей. Поэтому, несмотря на различных исполнителей, архитектурное творчество Альберти носит единый характер. По выстроенным зданиям

Альберти можно отчетливо проследить развитие его, как архитектора. Соотношение между Альберти и Росселино выступает особенно наглядно при сравнении палаццо Ручеллаи и дворца Пикколомини в Пиенце, который построил Бернардо Росселино один, без руководства Альберти, но в подражание его палаццо Ручеллаи.

Преемник Николая V, папа Пий II (1458—1464) был далек от широты замыслов своего предшественника. Уже в период Каликста III (1455—1458) началась сильная реакция на передовые идеи Николая V. Каликст считал, что перестройка Рима — это напрасно выброшенные деньги, что нужно быть прежде всего бережливым, и занялся подготовкой крестового похода против турок, заранее обреченного на неудачу. Избрание Пия II общало возврат к счастливым временам Николая V, при котором в Ватикане царил невиданный до того роскошь. До своего избрания в папы Пий II был известен как выдающийся ученый и писатель-гуманист под именем Энея Сильвия Пикколомини. Однако надежды большинства не оправдались. Гуманистам, прежнему коллегам папы, не удалось поживиться сокровищами Ватикана. Папа поставил себе задачу — прославить свое имя постройками. Он при этом думал не о возвышении папского престола, как Николай V, а о собственных своих интересах и об интересах своего семейства. Пий считал Рим городом развалин, в котором нужно только сохранять старое, а свои новые постройки стал возводить в маленьком городке Корсиньяно, из которого он был родом. Это дало повод гуманисту Филельфо, да и многим другим, упрекать Пия в том, что он общими интересами католической церкви принес в жертву своим личным интересам. В 1460—1464 гг. Бернардо Росселино застроил по поручению Пия II центр Корсиньяно. С этих пор город стал называться в честь папы Пиенцой. Росселино возвел палаццо Пикколомини, собор, дворец епископа и городскую ратушу, расположив их на центральной городской площади. Ансамбль был задуман уже в 1459 году и осуществлен в основном в 1460—1462 гг. Это строительство характерно для человека XV века и для гуманиста: оно имело целью возвести самому себе памятник, возвысить себя и свое семейство. Насколько, однако, это предприятие Пия II отличается от гениальных замыслов Николая V, в которых личный момент отошел на второй план! Узость и ограниченность задачи, которую поставил себе Пий II, отразились на построенном им ансамбле, лишенном величия и единства.

Ансамбль площади в Пиенце является отголоском проектов Альберти для площади собора Петра: об этом говорит и трапециевидная форма площади Росселино. Однако, в отличие от проекта Альберти, предвосхищающего симметрические и целостные площади XVI—XVIII вв., площадь Росселино, окруженная разнородными зданиями, подобна площадям раннего средневековья. Из всех зданий, построенных Росселино, только палаццо Пикколомини исползует новые ренессансные формы, введенные Брунеллески и Альберти, в то время как остальные

здания являются наполовину доренессансными постройками. В первые три четверти XV века лишь немногочисленные ведущие архитекторы строили в новом стиле, в то время как большинство итальянских зодчих того времени либо продолжало строить, следуя традиции XIV века, либо только отчасти более или менее робко перенимало формы и композиционные приемы, введенные Брунеллески, Микелоццо и Альберти. Обычно старое сочеталось с новым. Нередко зодчие перенимали новые формы, не понимая их смысла, и подчас перетолковывали их в духе архитектуры предыдущей эпохи. Все это можно сказать и про постройки Росселино в Пизе. Дворец епископа почти не имеет снаружи ренессансных форм и построен в духе доренессансных дворцов Рима, наиболее ярким представителем которых является палаццо Венеция (Вентури без достаточных оснований приписывает его постройку Росселино, как показало исследование Лаваньино). Ратуша — полуготическое здание с асимметрически поставленной башней, родственное более ранним аналогичным постройкам. Собор подражает готическим церквям Германии, что объясняется волей папы, которой должен был подчиниться строитель. В составленном им описании зданий Пизы об этом написал сам Пий II. Он путешествовал по Германии, и ему понравились немецкие готические церкви, которым он предложил подражать Бернардо. Пий II говорит в своем описании: «Так приказал Пий, который видел этот архитектурный тип у немцев в Австрии». Действительно, собор внутри сильно напоминает готические постройки своими пучками колонн, нервюрными сводами, залной системой и другими особенностями. Росселино нетрудно было выполнить волю папы, потому что он, как многие его товарищи, и сам еще был наполовину готическим архитектором. На фасаде собора помещены ренессансные формы, восходящие к аркадам Брунеллески. Однако они сочетаются друг с другом так, как это принято было в доренессансное время в Италии: колонны под арками водружены в два яруса друг над другом и соединяются с широкими лопатками; они поставлены на высокие цоколи, фронтон раскрепован на углах над лопатками, которые как бы проходят сквозь него. Все это привело к тому, что в фасаде собора горизонталь, основное членение ренессанса, отступает на второй план перед вертикалями, пронизывающими стену снизу до верха.

Палаццо Пикколомини выдержан весь в ренессансных формах потому, что у Бернардо Росселино был для него готовый ренессансный образец — палаццо Ручеллаи во Флоренции. На первый взгляд, между этими двумя зданиями сходство очень велико. Однако более внимательное сравнительное изучение показывает, что Бернардо только внешне воспроизвел формы флорентинского палаццо, в некоторых случаях не понимая их, в других — вкладывая в них иной смысл. Палаццо Пикколомини не имеет той композиционной целостности, которая в такой большой степени присуща палаццо Ручеллаи. Это объясняется отчасти тем, что Росселино колебался между дву-

Палаццо Ручеллаи.
Деталь

Лоджия Ручеллаи во Флоренции
Л.-Б. Альберти

Ратуша и дворец епископа в Пизе. Б. Росселино

ми образцами, которым он следовал: на него сильно повлиял также палаццо Медичи. Последним восхищался Пий II, который писал, что «Козимо воздвиг дворец, достойный царя». Главная же причина заключается в том, что Бернардо Росселино не был ведущим архитектором, как Альберти, что он принадлежал к тем зодчим средней руки, которые соединяли новые формы с уже устаревшими традиционными формами.

Влияние палаццо Медичи на палаццо Пикколомини сказалось прежде всего в том, что последнее представляет собой трехмерный блок, подчеркнутый расположением главного входа не с площади, а с переулочка. Наружная архитектура дворца имеет подражательный, двойственный характер: несмотря на объемную форму, Росселино сохраняет со стороны площади схему фасада палаццо Ручеллаи, однако

последнее деление этого фасада, расположенное против собора, представляет собой стенку садовой лоджии, что производит очень неблагоприятное впечатление. Система расчленения фасада плоскими пилястрами была у Альберти органически связана с выделением передней фасадной плоскости. При объемной трактовке палаццо Пикколомини пилястры теряют свою убедительность, так как устанавливается очень невыгодное для них соотношение между каждой тоненькой пилястрой в отдельности и тяжелым трехмерным блоком всего палаццо, рассчитанным на точку зрения с угла. Эта неувязка еще усиливается, благодаря тому, что в палаццо Пикколомини, тоже под влиянием палаццо Медичи, этажи уменьшаются вверх гораздо быстрее, чем в фасаде Альберти. Уменьшение этажей сильно отражается на ширине пилястр, которые во втором и,

особенно, в третьем этаже гораздо тоньше, чем пилястры первого этажа (этого быстрого уменьшения вверх ширины пилястр нет в палаццо Ручеллаи потому, что его этажи имеют почти одинаковую высоту). Пилястры третьего этажа палаццо Пикколомини уже совсем не связаны со всем наружным объемом дворца, взятым в целом. Кроме того, эти пилястры третьего этажа очень тонки по сравнению с тяжелым карнизом, завершающим все здание. Карниз гораздо больше и грузнее, чем промежуточные межэтажные антаблемнты, а поддерживающие его пилястры гораздо ниже и тоньше, чем пилястры первых двух этажей! Неопределенное колебание между объемностью палаццо Медичи и плоскостностью палаццо Ручеллаи сказалось также в такой детали, как гербы: они в палаццо Пикколомини висят не на углу, как у Микелоццо, не над порталами, далеко от угла, как у Альберти, а на угловых делениях каждого из фасадов.

Другой чертой палаццо Пикколомини, свидетельствующей о влиянии палаццо Медичи, является усиление стены, ослабляющее пилястры. В нижнем этаже это сказывается в том, что руст покрывает собой также и пилястры. В обоих верхних этажах простенки между пролетами окон и пилястрами значительно шире, чем у Альберти. Поэтому они не имеют характера рустованных столбов под оконными арками, а являются частями сплошной стены, к которой приставлены пилястры. Росселино не воспринял принципа тектонизированной стены, введенного Альберти, он перенял только внешнюю форму — пилястры и соединил их со сплошной фасадной стеной типа стен палаццо Медичи.

В палаццо Пикколомини нет строгой гармонии вертикальных ячеек. Окна нижнего этажа опущены вниз: этим уничтожена вертикальная ориентация ячеек и закономерное отношение между окнами и порталами. Эти окна не имеют обрамлений и потому выглядят как неформленные провалы в стене. Вследствие быстрого уменьшения высоты этажей, ячейки второго этажа, и без того более широкие, ниже, чем соответствующие ячейки Альберти. Между оконными арками и антаблементом во втором этаже имеется только один ряд руста. Ячейка получила прямоугольную форму, приближающуюся к квадрату, так что нарушено соответствие оконного пролета и фасадной ячейки. В еще более низком третьем этаже несоответствие переходит в противоречие. Окно, несмотря на уменьшение его высоты, строится по вертикали, фасадные ячейки так низки, что они, благодаря перспективному сокращению, воспринимаются как лежащие прямоугольники. Тяжелый карниз касается арки и давит на нее, арка несколько туго в него упирается. Горизонтальные перекладины по середине оконных пролетов, взятые из окон XIV века, разрушают гармонию вертикальных окон, излишне дробя композицию.

Группировка ячеек фасада, введенная Альберти, осталась непонятой Росселино. В палаццо Пикколомини ячейки с порталами уже других, а гербы расположены на случайных местах.

Проверкой правильности нашего раз-

бора и оценки двух произведений Альберти и Росселино может послужить сравнение друг с другом дворов палаццо Ручеллаи и Пикколомини. Дворы этих дворцов отличаются друг от друга тем, что один из них похож по своим доренессансным формам на дворы XIV века, в то время как другой выдержан в ренессансных формах. Из всего вышесказанного вытекает предположение, что последний принадлежит палаццо Ручеллаи, первый — палаццо Пикколомини. Так оно и есть на самом деле.

В палаццо Пикколомини есть одна любопытная черта, сближающая его с виллами XV века (ее отметил Гейденрейх). Пий II любил природу и высоко ценил красоту ландшафта. Палаццо Пикколомини открывается на реку и расположенный за ней ландшафт трехъярусной лоджией, с которой можно любоваться прекрасным видом. Перед лоджией расположен небольшой квадратный сад. Главный вход во дворец, ведущий во двор, расположен на средней оси здания, которая господствует и в саду. Входя внутрь из переулка, зритель видит на противоположной стороне двора пролет, открывающийся в сад, и через него часть пейзажа.

Палаццо Пикколомини и весь ансамбль Пиенцы входят в качестве крупного архитектурного комплекса в историю зодчества итальянского ренессанса. Однако ведущее течение итальянской архитектуры XV века представлено Брунеллески, Микелоццо и Альберти, от которого идет дальнейшая линия развития к Браманте. Необходимо отличать наиболее выдающиеся произведения прошлых эпох от таких, которые питаются только отраженным светом.

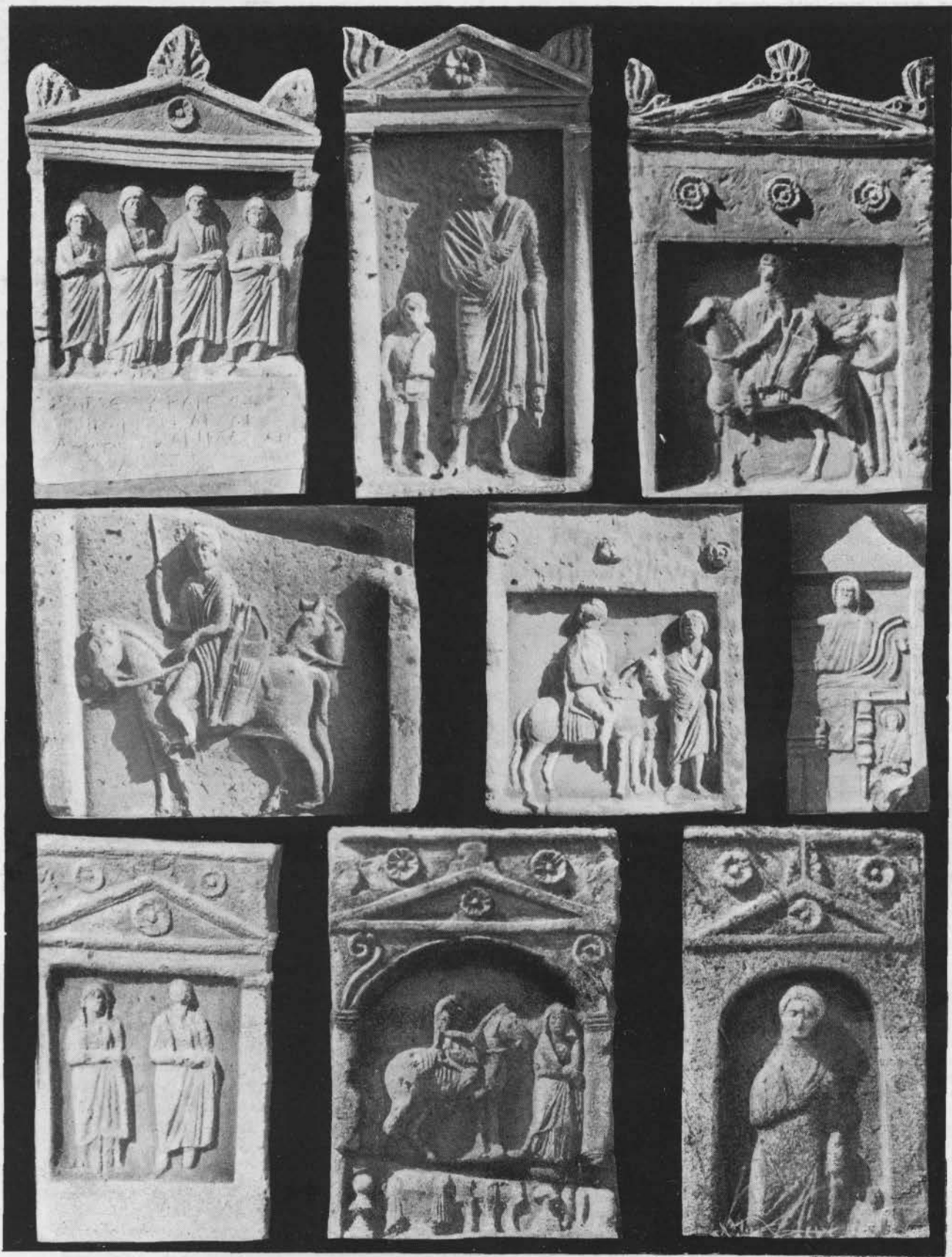
• • •

Без детального сравнительного изучения памятников прошлого и без возможно точного определения наиболее характерных их особенностей невозможно знание величайших достижений человечества в области архитектуры, немислима объективная оценка архитектурного наследия. Глубокое использование последнего возможно только в том случае, если памятники прошлого будут научно всесторонне исследованы. В архитектурной среде ходит много различных мнений и оценок, передаваемых устно, которые было бы очень желательно изложить печатно и подвергнуть обсуждению в печати. Очень часто субъективная оценка, субъективное положение изживает само себя, когда оно подвергается развернутой формулировке и аргументации. Такие недодуманные мысли, если они получают широкое распространение и подкреплены авторитетом лиц, которые их высказывают, имеют вредное действие и смущают людей, не вполне еще ставших на ноги и еще не выработавших самостоятельных взглядов. Поэтому было бы очень желательно, чтобы существенные специальные вопросы истории и теории архитектуры и, в частности, вопросы, затронутые в настоящей статье, систематически подвергались широкому и, вместе с тем, углубленному разбору на страницах нашей печати.

Дворик палаццо Ручеллаи во Флоренции (вверху) и дворик палаццо Пикколомини в Пиенце (внизу)

Надгробия эллинистического римского времени, найденные в Пантикее (Керчь, раскопки 1890 г.)

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПО АНТИЧНОМУ И СРЕДНЕВЕКОВОМУ КРЫМУ

(ЗАМЕТКИ АРХИТЕКТОРА)

В. ЛАВРОВ

1

Конец VII и VI вв. до н. э. отмечен широкой колонизационной деятельностью греческих городов-государств. К этому времени относится возникновение на восточном побережье Таврики, близ древнего скифского поселения Пантикапея, нового греческого города выходцев из Милета, положившего начало Боспорскому царству — представителю классической эллинской, а позже римской культуры.

Новые поселенцы пришли на давно обжитые места. Аборигенами северного Причерноморья с незапамятных времен были полудегадарные киммерийцы, оттесненные на грани VIII—VII вв. до н. э. к южному берегу Черного моря скифами, носителями иранской культуры. Пришельцы сперва резко противопоставляют себя местным «варварам», но постепенно усваивают их привычки и культурные навыки. Создается своеобразный облик боспорской художественной культуры.

Культурным и политическим центром Боспорского царства был Пантикапей — ныне Керчь. Раскопками, ведущимися более столетия, извлечено немало драгоценных остатков его культурной и художественной жизни.

На склоне горы Митридата (центр

древнего Пантикапея) обнаружены остатки жилых, общественных и хозяйственных зданий эллинистического и римского времени; от эпохи эллинизма сохранились части какого-то общественного здания с дорическими колоннами, жилое помещение с фрагментами стеной росписи и небольшие пилоны, от которых сохранились части фустов, обломки капителей и карнизов. От римского времени сохранились остатки небольших терм. Далее обнаружены стены здания из больших, тщательно притесанных камней. Среди разрозненных фрагментов, найденных на территории древнего Пантикапея, обращает на себя внимание фигурный карниз, вероятно, эллинистического времени, с богатым растительным орнаментом и изображением сцены охоты (хранится в Царском кургане), или фронтона небольшого греческого храма, выработанный из целого куска мрамора (хранится на территории раскопок). Эти и немногие другие обломки дают некоторое представление о красоте города, о разнообразии и многочисленности его сооружений.

Боспорское царство за все время свое-

го существования было крупным поставщиком продуктов питания для городов метрополии. Раскопки двух промышленных пригородов Пантикапея, — Мирмекии и Тиритаки, возникших во второй половине VI века до н. э., открыли большие группы рыбозасолочных бассейнов с внутренними стенами, покрытыми цемянкой. Здесь же располагались и обширные винодельни с огромными, врытыми в землю, бродильными чанами. Большинство устройств относится к I в. н. э.

Представление о зодчестве раннеэллинистической эпохи (IV—III вв. до н. э.) — эпохи наивысшего благосостояния Боспорского царства — можно получить главным образом по монументальным курганам-мавзолеям, которыми богата территория Боспора. Наиболее показательны Царский и Мелек-Чесменский курганы на окраинах нынешней Керчи, превращенные теперь в филиалы местного музея. Оба относятся к IV веку до н. э. Внутри они состоят из двух частей — усыпальницы и коридора-дромоса.

Архитектура курганов вызывает в памяти образы архаических эгейских и микенских гробниц и сокровищниц.

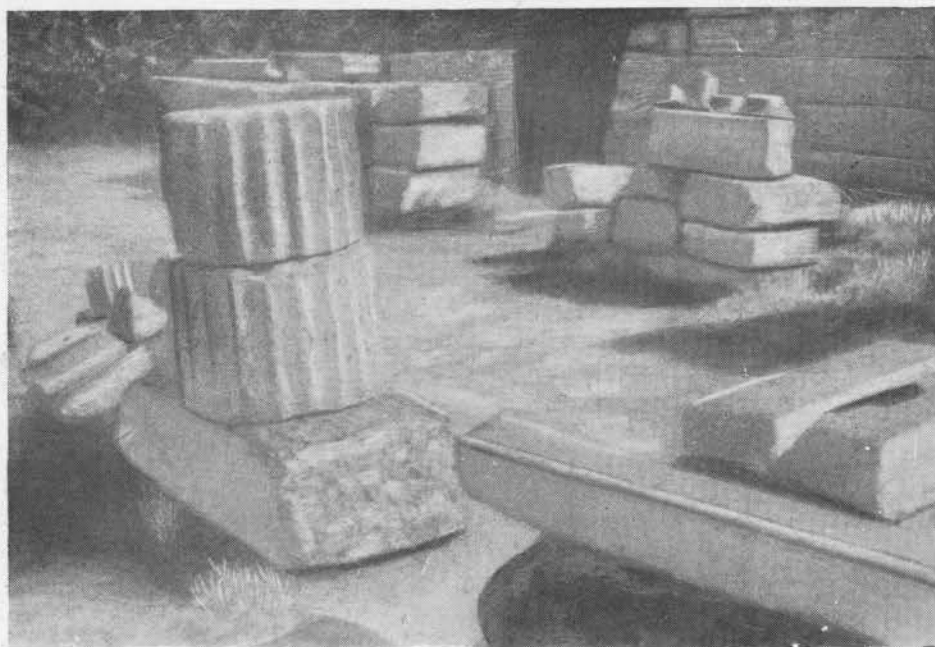
Граждане среднего достатка увековечивали память умерших установкой надгробий в виде вертикально стоящей каменной плиты с рельефным изображением

Фото и рисунки автора

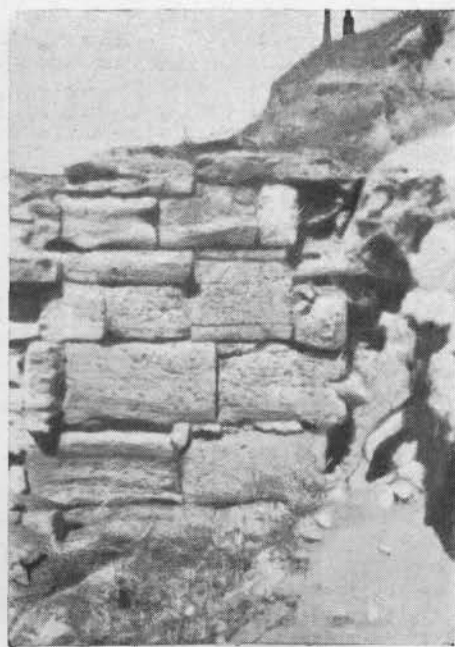

Общий вид раскопок в Тиритаки (близ Керчи)

Пантикапей. Эллинистический дворик

Стена римского здания

и надписью. Фигурные надгробия датируются в подавляющем большинстве II веком до н. э. — II век н. э. Сюжеты изображений ограничены. Обычно это сцены «загробной трапезы», где умерший возлежит за столом и как бы пирует среди богов. Эта древневосточная тема перешла в античное искусство и пользовалась особой популярностью на античном Востоке, в частности, в Боспоре. Часто изображались отдельные мужские или женские фигуры умерших в сопровождении слуг, иногда целые семейные группы. Воины представлены пешими или конными в сопровождении оруженосцев. Фигуры обрамляются изображением антового храмика с фронтоном, украшенным розетками и акротериями. В надгробиях с наибольшей ясностью чувствуются изменения подлинных античных мотивов под влиянием местных традиций, идущих из Ирана. Античный реалистический образ подвергается переработке. Жесты фигур, складки одежд условно обобщены. Господствует отвлеченная плоскостная орнаментально-схематическая композиция. Индивидуальность фигур нивелируется. Впечатление чувственной реальности, столь сильное в античном прообразе, сводится на-нет.

Наибольшее своеобразие проявляется в художественной обработке предметов бытового обихода, культа, одежды, вооружения, костюмов и т. д. В меньшей степени самостоятельно монументальное искусство и архитектура.

Исторические судьбы Боспорского царства, его расцвет и упадок были тесно связаны с судьбами метрополии. Гибель Римской империи была также гибелью Боспорского царства.

2

Упадок Боспорского царства начался в III веке н. э. и был довершен союзом варварских племен «готов», частично осевших в Крыму. Готская эпоха — время возникновения феодализма в Причерноморье. «Иранизация», идущая с востока, вместе с кочевыми пришельцами все более характеризует культуру и искусство, но и восточно-римская империя ценно держится за свои северные колонии. Центром ее влияния является херсонесская «фема». Херсонес, вместе с прилегающей к нему Готией (крымская Готия территориально закрепляется в юго-западной части нагорного Крыма), является носителем византийских строительных традиций. В Херсонесе лучшими образцами строительной деятельности этого времени были культовые сооружения, осуществленные в VI—IX вв. Одновременно возникли храмы-базилики в двух городах-крепостях готов на урочищах, известных сейчас под названием Эски-Кермен и Мангун-Кале.

На большой возвышенности с плоской вершиной и отвесными стенами — Мангун-Кале — обосновалась столица готов Дорос. Это типичный феодальный

укрепленный город. Крепостные стены дополняются неприступными, отвесными обрывами. Через близлежащий порт Каламиту (Инкерман) готская столица поддерживает оживленные сношения с заморскими странами. Два здания, характерных для феодального города, обнаружены на территории Дороса — базилика (кафедральный собор готской метрополии) и дворец князя.

От сооружений остались жалкие руины, говорящие больше сердцу археолога, чем художника. Некоторое исключение составляет цитадель на краю самого неприступного «Дырявого мыса» с отвесными, вертикально падающими вниз, в бездонную глубину оврага, стенами. Остатки крепостных сооружений — стены и башни, сложенные из грубо отесанных камней на известковом растворе с прокладкой деревянных брусев, относятся к последнему периоду жизни готской столицы и возведены незадолго до ее взятия завоевателями — турками в последней четверти XV века.

Обследование территории готских городов в 1928—1931 гг. поколебало уверенность в том, что на плато Мангун постоянно находилась готская столица. Местоположение первоначального Дороса, до X века, теперь склонны относить к урочищу Эски-Кермен в 6—7 км от Мангуна. Только путем тщательного сравнения многочисленных сохранившихся фрагментов и при помощи более или менее обос-

Фриз, изображающий сцену охоты

Акротерий

нованных домыслов можно восстановить архитектурную картину готской столицы как на одном, так и на другом плоскогорье. Сейчас природа решительно преобладает над архитектурой, создавая вместе с руинами впечатление силы, могущества и неприступности готской столицы. Четыре мыса с отвесными, голыми стенами опускаются к заросшему густым лесом основанию горы. Разрушенные части зданий, перенесшие в течение веков воздействие сил природы, приобрели обобщенный колорит. Остатки стен кое-где заросли плющом. Связь с природой усиливается использованием откосов скал для устройства пещерных помещений в массиве горы. Тут и пещеры хозяйственно-жилого назначения, и маленькие церковки, одна из которых сохранила даже следы росписи. Особенно интересна многокомнатная группа на самом краю мыса цитадели, видимо, сторожевого назначения, от которой и сам мыс получил название «дырявого».

На востоке Крыма обнаруживаются отдельные небольшие, но целиком сохранившиеся от средневековья (хотя и значительно искаженные позднейшими переделками) сооружения. К их числу относится мало исследованная византийская церковь Иоанна Предтечи в Керчи, датируемая VIII веком.

В основе плана лежит равноконечный крест. Стены несут двускатное покрытие с простым каменным карнизом. На пере-

сечении ветвей креста возвышается барабан купола, ранее круглый и более низкий, сейчас надложенный и граненый. Стены выложены из рядов тщательно отесанного камня и кирпича — техника, хорошо известная в Византии. Небольшие, скупо расположенные по стенам окна растесаны, и лишь одно из них в боковой ветви креста сохранило свой изначальный вид. Все здание вросло в землю более чем на полтора метра. Вытянутость вверх присуща всем формам сооружения. В этом направлении работают и пропорции стен, и пилоны, завершенные полуциркулярной аркой, и сосредоточение декоративных элементов в виде мелких полуколонн и ниш в верхней части стены под карнизом, и повышение средней абсиды относительно боковых, и сильное подчеркивание центрального креста вокруг барабана.

Внутреннее пространство производит то же впечатление устремленности вверх, подготовляемое четырьмя свободно стоящими колоннами с пышными капителями, несущими пилястры, которые переходят через арки с плоскими нарусами к купольному завершению. Композиционное единство и художественная целеустремленность отличают все построение Иоанновского храма.

Наряду с византийской строительной культурой, в средневековый Крым проникает и армянская. После изгнания со своей родины, часть армян осела в Крыму. Армянский народ принес с собою в Крым

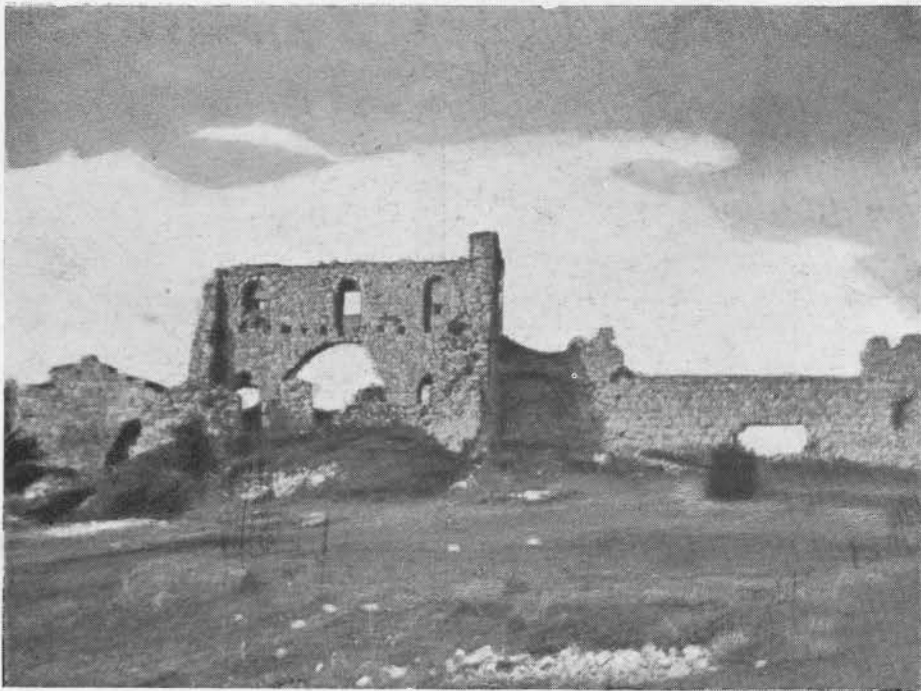
большие, проверенные веками, строительные традиции. Новые места, новые строительные материалы подсказывают новые варианты решения старых тем. В условиях Крыма серый базальт заменяется светлым известняком. В деталях кладки и орнаментике появляются иноплеменные мотивы (например, портал церкви Иоанна Предтечи в Каффе с сельджукской «плетенкой», мотив сталактитов в карнизах собора Михаила и Гавриила и т. д.). Планы, в отличие от византийских, совмещают вытянутое пространство базилики с центрической купольной композицией.

Сравним наиболее типичные произведения крымских армян — церковь Иоанна Предтечи в Каффе (1348 г.), монастырь Креста (Сурп-Хач) близ Солхата (1338 г.) и собор Михаила и Гавриила в Каффе (1408 г.).

Простейший план имеет церковь Иоанна. Здесь отчетливо выражена продольная ось, подчеркнутая наличием абсиды восточной стены. Система перекрытия подводит к подкупольному квадрату с водруженным на нем граненым барабаном. Его целесообразные окна являются почти единственным источником света. Главное внутреннее пространство затемнено.

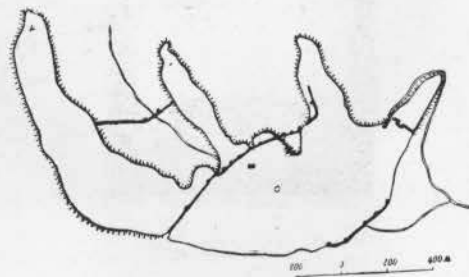
Храм монастыря Сурп-Хач усложняет внутреннее пространство двумя боковыми узкими абсидами, как бы вырезанными в толще стены. Разница в уровне пола из-за рельефа местности, поднимающейся к алтарной части, дополнительно подчеркивает значимость продольной оси.

Мангун-кале.
Общий вид цитадели

Схема плана городища

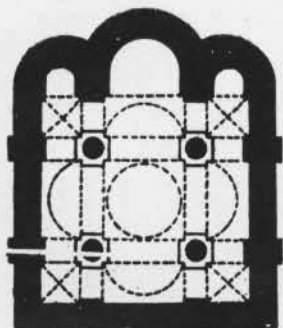
Мангун-кале.
Орнаментация
окна цитадели

Еще больше дифференцируется внутреннее пространство собора Михаила и Гавриила — самого грандиозного культового сооружения каффских армян. Оно разделено на три части — абсиды восточной стены, подкупольный и продольный участки главного зала. Традиционное и армянском зодчестве четкое разделение и соподчинение главного и второстепенного пространства здесь отсутствует. Утверждение перекрытия на выступах продольных стен без применения обычных внутренних столбов излишне раскрывает продольный участок зала, конкурирующий с подкупольной частью.

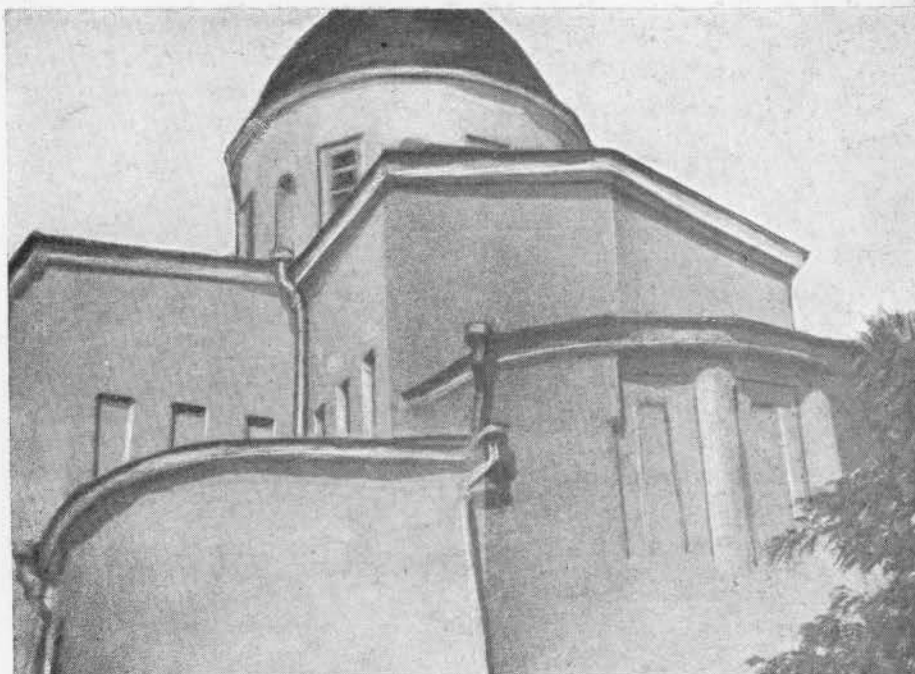
Наружный объем всех трех сооружений трактуется как цельный простой каменный блок. Расчленение внутреннего пространства или вовсе не выражено во внешнем объеме или дано в небольшом рельефе. Стена прорезана кое-где небольшими щелями окон, подчеркивающими еще больше ее толщину и устойчивость. Каменная кладка имеет необработанную поверхность с нарочито подчеркнутыми швами. Массив стен противопоставлен купольной надстройке, венчающей здание, выделяющей его среди ему подобных, как культовое сооружение. Тамбур барабана, в противоположность глухой стене, прорезан в каждой грани вертикалями окон или нишами, имитирующими форму оконного проема. Согласованная работа всех частей сооружения является источником того сильного впечатления, которое производит суровая,

Церковь Иоанна Предтечи в Керчи
(VIII век)

План

0 1 2 3 4 5

несколько мрачная и углубленная в себя армянская архитектура средневекового Крыма.

3

В 1223 году в Крыму появились татары — южная ветвь Золотой орды. Сюда они попали из глубин Азии, впитав старинные традиции дальневосточной и среднеазиатской культуры. Обосновавшись в стенах юго-восточной Европы и в Крыму, они подверглись влияниям сложившейся к тому времени строительной культуры византийцев, приволжских булгар, и особенно малоазиатских турок-сельджуков.

В XIII веке основана первая столица Крымского улуса — Солхат (Старый Крым). В продолжение своего, примерно, двухсотлетнего существования, город необычайно разросся и украсился многочисленными общественными и культовыми зданиями.

В Солхате появились первые крымские мусульманские мечети. Сохранились сведения о построении египетским султаном — мамелюком Бейбарсом (родом из этих мест) мечети в 1288 году, носившей его имя. К XIII веку относится возведение «свинцовой» мечети (Куршун-Джами), представляющей, как и предыдущая, центрический тип мусульманского культового здания. В ней привлекает внимание своеобразное устройство конических веерообразных троппов, организующих

переход от квадратного плана стен к восьмиугольному основанию купола. Троппы выполнены напуском рядов тесаных камней, чередующихся с прослойками кирпича — конструкция, применяемая болгарскими татарами и турецкими зодчими в каменных конструкциях. Подобная система хорошо сохранилась до нашего времени в Судакской мечети, современнице Куршун-Джами. В простейшем виде коническая форма перехода от квадратного основания к восьмерику подкупольного барабана осуществлена в небольшом дюрбе-мавзолее Мухамед-шах-бея (предместье Бахчисарая — Азис). По незначительности размеров здесь не понадобилась веерообразная, придающая жесткость конструкции обработка поверхности троппа. Внутренней конструкции соответствует срез наружных углов — прием, применяемый в мавзолеях мамелюкского Египта, волжских булгар и в некоторых сооружениях Армении.

Наряду с купольным типом мечети развивается и прямоугольный, базиликальный. В 1314 году сооружается мечеть Узбека, а тремя десятками лет позже, в другом зарождающемся культурном центре крымских татар — Кырк-Иери (позднее Чуфут-Кале) в 1346 году появляется четырехколонная мечеть, сохранившаяся крайне фрагментарно.

Особый интерес представляют руины Солхатского медресе, непосредственно примыкающего к мечети Узбека. Схема плана традиционна. Открытый внутрен-

ний двор окружен со всех сторон жилыми комнатами — худжрами и помещениями для занятий, открытыми непосредственно во двор, куда снаружи вела грандиозная арка-портал в восточной стене. План медресе, техника кладки стен, характер портала, архитектурные детали вплотную подводят нас к традициям сельджукского зодчества. Стены медресе выложены из тщательно обработанных квадров камня на тонком слое известкового раствора. Портал входа значительно выступает из плоскости стены и основан на сильно скрепленном цоколе сложного профиля. Пилоны портала богато орнаментированы и несут сталактитовый полукупол. Щекочные стенки украшены нишами со сталактитовым же полукупольным завершением, подобным основному portalу. Орнаментация плоскостей пилонов, переплетающаяся лента — неизменный мотив декора сельджукских порталов. С внешней стороны по углам портала поставлены трехчетвертные колонны, увенчанные резными капителями, на которые как бы опирается сталактитовый декор полукупола. Приходится сожалеть о крайне плохой сохранности здания. Утраченные части восстанавливаются лишь по рисункам конца XVIII века.

Порталы описанного выше типа встречаются в ряде дюрбе-мавзолеев. Таково дюрбе Джанке-Ханым (в Чуфут-Кале) — восьмиугольное в плане, или дюрбе хана Хаджи-Гирея близ Бахчисарая (1501 г.), хронологически выходящее за

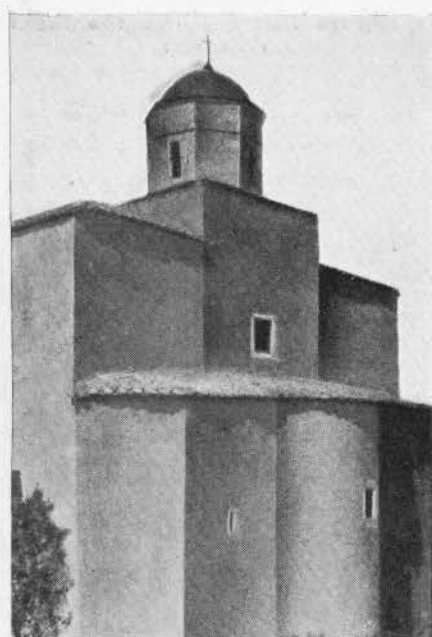

Церковь Иоанна Предтечи в Каффе

Монастырь Сурп-Хач близ Солхата

Собор Михаила и Гавриила в Каффе

пределы золотоордынского периода, но стилистически с ним связанное.

Солхатское медресе — блестящий пример органической слитности строго-тектонического построения с богатым декором, в противоположность более поздним образцам восточной архитектуры, где изобильный, виртуозно разработанный орнамент часто скрывает архитектурную основу.

4

В XII—XIII вв. важное значение имели торговые пути, соединяющие Восток и Запад через порты северо-восточного Причерноморья. Хозяевами первой западной половины пути были итальянские города — Венеция и Генуя, занимавшиеся посреднической торговлей; второй восточной половиной владели монголы, объединив-

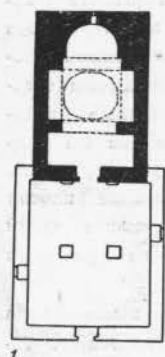
шие под своей властью ближний и дальний Восток. Крым был местом стыка двух частей пути. Здесь возникают и быстро растут итальянские фактории. Первое место среди них принадлежало Каффе. Город основан в 1266 году генуэзцами, постепенно упрочившими свое господство на Крымском побережье захватом новых колоний — Чембало (Балаклава), в 1357 году, Солдайи (Судак) в 1365 году и др. Им ведется широкое строительство укреплений. Каких-либо значительных гражданских, общественных или культовых зданий не сохранилось. Видимо, монументальная архитектура такого рода не была в почете у генуэзских конкистадоров, чувствовавших себя на Черноморском побережье временными пришельцами.

К XIV веку в Каффе заканчивается сооружение первоклассной крепости. Цитадель примыкает одной своей стороной

непосредственно к морю и окружена высокой стеной с башнями Доковой, Джустиниани, Криско, Климента и др. О мощности башен, их прочности и красоте свидетельствуют частично сохранившаяся угловая башня Константина и руины круглой башни-замка, построенной в 1342 году консулом Джовани-ди-Скаффа. Башня Константина имела два яруса, разделенных крестовым сводом. Каменные кронштейны по середине высоты поддерживали теперь не существующую наружную обходную галлерею. Наверху, на тройном арочном карнизе, были основаны машикули, частично утерянные. Скупые, прекрасно прорисованные детали, могучий массив стен, утолщающихся книзу, свидетельствуют о том, что угловая башня была не только утилитарно-оборонительным сооружением, но служила и к украшению города.

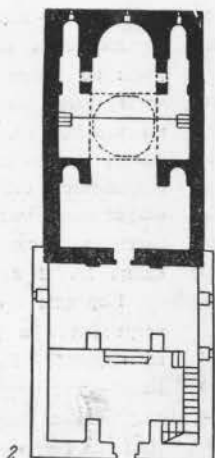
Такой же арочный пояс, поддерживающий машикули, завершает стены круглого замка Джовани-ди-Скаффа. Его видный издали, разрушенный временем, величественный объем дает сейчас лишь слабое представление о былом величии каффских укреплений. Для того, чтобы почувствовать всю своеобразную красоту генуэзских крепостей, нужно побывать в Судаке — генуэзской Солдайе.

Более 100 лет (1365—1475 гг.) владели генуэзцы Солдайей. В течение 30 лет (1385—1414 гг.) велось строительство укреплений. Полутораметровый отвес скалы, на верхнем плато которой расположены три яруса крепости, резко обрывается к морю. Верхние два яруса представляют собою изолированные цитадели — последний неприступный оплот защитников — замок Ильи и замок Креста (консульский замок). Здесь в 1475 году отчаянно защищались генуэзцы. Солдайя пала под натиском турок (последней из генуэзских крепостей Причерноморья).

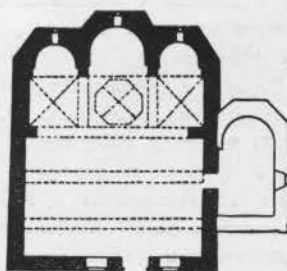

1

0 1 2 3 4 5

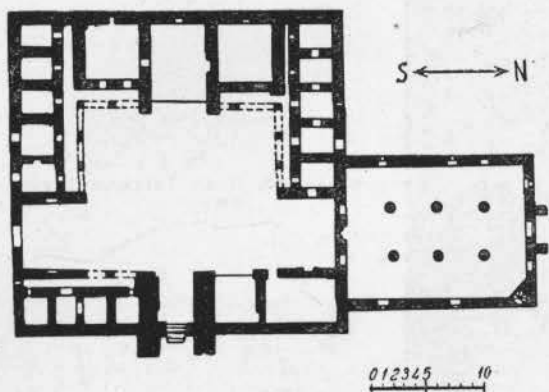

2

3

- 1 — План церкви Иоанна Предтечи в Каффе
- 2 — План монастыря Сурп-Хач
- 3 — План собора Михаила и Гавриила в Каффе

План

Медресе в Солхате

Стены до 8 м высоты окружали город-крепость, трехъярусные башни держали под обстрелом все ее участки. Боевые башни возникали одна за другой. Каждая имела закладную доску с именем консула, ее возведшего, и датой строительства. Система защиты главных въездных ворот постоянно совершенствовалась. Уже в 1385 году (наиболее ранняя из сохранившихся дат) консул Якобо Торчелло возводит западную воротную башню. Сооружение самих ворот связано с именем консула Баттиста-ди-Зоальдо (1389 г.). И, наконец, последняя дата — 1414 год — предположительный год окончания строительства крепости — опять связана с главными воротами. Консул Бернардо-ди-Пагаю возводит восточную воротную башню. До нашего времени от всех этих, казалось бы, неприступных и долговечных сооружений дошли руины, но их необычность, грандиозность, удивительная связь с природой заставили французского путешественника-ученого Дюбуа-де-Монпере, посетившего эти места в половине XIX века, воскликнуть: «Нельзя себе представить более прекрасных, величественных и, вместе с тем, меланхолических, нежели руины Судакской крепости».

5

В продолжение XIV—XV вв. крымские татары ведут упорную борьбу со слабеющей Золотой ордой за свою самостоятельность и добиваются ее в 1462 году. В борьбе выковывается их культурная самостоятельность.

На некоторое время, в связи с пребыванием хана, район Салачика (окраина нынешнего Бахчисарая) стал культурным центром крымского ханства. Рядом с летним ханским дворцом «Ашлама-сарай», до нас не дошедшим, основывается Зинджырлы-медресе — новый центр учености, вместо утерявшего свое значение Солхата. Тут же в 1501 году возводится дюрбе хана Хаджи-Гирея, отца Менгли-Гирея, где похоронены отец и сын.

Дюрбе, выполненное целиком в сель-

джукских традициях, носит переходные черты. Здесь в орнаментальных деталях, в прорисовке портала нет прежней чистоты стиля. Медресе Зинджырлы уступает по размерам и архитектуре Солхатскому. Снаружи это глухая, невысокая стена без каких-либо отверстий. Вход, загороженный цепью (от которой и произошло название медресе), приводит в открытый прямоугольный внутренний двор, окруженный арками и худжрами. В его пространственной организации нет тонкости замысла, богатства и разнообразия архитектурных мотивов Солхатского медресе.

Бахчисарайский ханский дворец окончен постройкой в середине XVI в. Отдельные его части возникают от случая к случаю. Он дошел до нас в крайне искаженном виде. Только «Железные двери», датированные 1503 годом, и основание стен зала суда можно отнести к первоначальному зданию. Все остальное заново выстроено после большого пожара 1736 года и демонстрирует упадок крымско-татарского зодчества.

«Железная дверь» (Темир-Капу), сейчас случайно стоящая у ограды «посольского» дворика, привлекает особое внимание. Ее постройка не без основания приписывается итальянскому зодчему Алевизу Новому (строителю московского Архангельского собора), который в 1503—1504 гг. был задержан крымским ханом по пути в Москву.

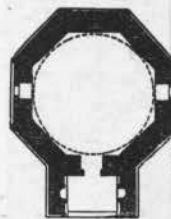
«Железные двери» — типичное произведение венецианско-ломбардской ветви итальянского ренессанса XV века, отличающейся богатством орнаментации, пышными деталями, преобладанием декоративного начала. Их портал высечен из белого известняка, богато украшен растительным орнаментом («фряжскими травами»), обрамлен двумя пилястрами с капителями сложного рисунка и увенчан тимпаном. Полное отсутствие сохранившихся архитектурных деталей старого дворца исключает возможность выяснения стилистической связи двери, несомненно, занимавшей не последнее место в общей композиции старого дворца, с остальной его архитектурой. Строительство крымских ханов с на-

Дюрбе Хаджи-Гирея в Салачике близ Бахчисарая

План дюрбе Дзанике-Ханым

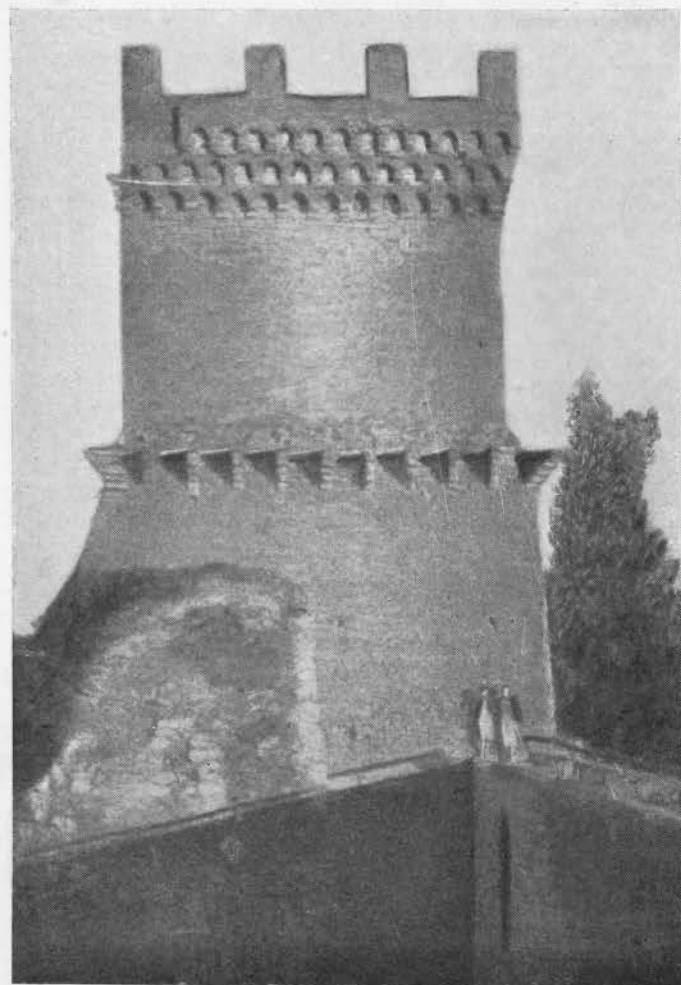
План дюрбе Хаджи-Гирея

Судак.
Консульская
башня

Судак. План Генуэзской крепости

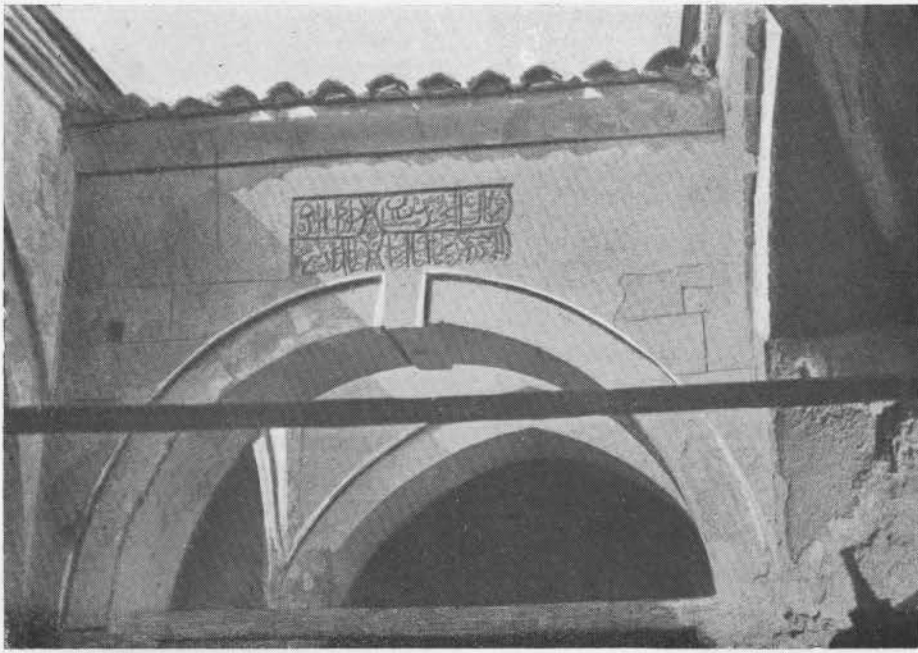

Каффа (Феодосия).
Башня Константина

чала XVI по XVIII в. осуществляется под сильным воздействием турецко-османской архитектуры. Турки-османы приняли в монументальных культовых сооружениях пространственную систему, разработанную византийцами. Они неизменно вводят традиционную купольную конструкцию, внешняя архитектура повторяет внутренний объем, преобладают центрические, преимущественно граненые в плане конфигурации зданий. Портал, столь характерный для золотоордынского периода, исчезает или превращается в дверной наличник, но зато все большее значение придается минаретам. Их устремленная ввысь вертикаль, увенчанная одним или несколькими шурфе-балкончиками, создает характерный силуэт культового здания.

От османского периода сохранилось немало сооружений. К XVI веку и более позднему времени относится группа центрических квадратных и октогональных мавзолеев на бахчисарайском ханском кладбище и в предместье города Азис. Среди них выделяются по величине и архитектурным качествам «большой восьмигранник» Азиса, два ханских дюрбе на дворцовом кладбище и восьмигранный же мавзолей «Прекрасной девушки» (Дилляра-Бивеч) за оградой кладбища (1763—64 гг.).

«Большой восьмигранник», самый ранний из них, — центрическое сооружение без портала и какого-либо выделения отдельных граней, отличается хорошими пропорциями. Его архитектурная выразительность тесно связана с конструктивной схемой. Углы усилены внутренними пилонами, получившими отображение и в наружных членениях. Купол покоится на перекладных арочках, четко членящих внутреннее пространство, придающих ему ясность восприятия. Ощущаешь конструктивную работу отдельных частей, их тек-

Зинджирлы-медресе в Салачике

«Железные двери»
бахчисарайского дворца. Деталь

тоническую логику. Более поздние два ханские дюрбе на придворном кладбище по плану, объемам и абсолютным размерам почти повторяют «большой восьмигранник», но исчезла прежняя структурность, нет угловых пилонов, придающих такую четкость и выразительность внутреннему пространству. Перекидные арочки заменены парусами, сглаживающими переход от стен к куполу. Наружные объемы лишены каких-либо членений, за исключением небольших полукруглых пилластр по углам.

Проходит столетие, — и в мавзолее «Прекрасной девушки» звучат иные мотивы. Попрежнему это восьмигранный призматический объем, увенчанный куполом на восьмигранном же основании, но нет и в

помине органической зависимости архитектурных членений от конструктивных форм. Интересы зодчего сосредоточены целиком на декорации стеной поверхности. Каждая сторона восьмигранника разбита системой пилластр, килевидных арочек и горизонтальных тяг на отдельные части, находящиеся между собою в гармоническом соотношении. Оконные отверстия включены в систему архитектурного декора. Появляется новый элемент, ордерность — прямой результат европейских влияний XVIII века, идущих через Стамбул.

Несомненно, лучшим памятником османского искусства на крымской почве является грандиозная мечеть Хан-Джами в городе Гезлеве (Евпатория) прославленного зодчего Синана.

Ходжа-Синан, грек по происхождению, родился в 1491 году в Кессарии, древнем городе Кападокии, и прожил более 110 лет. Его биограф, поэт Сехи называет громадное количество — более 300 — построек, исполненных им самим или его помощниками. Тут и мечети, и медресиды (часовни), и медрессы, и дюрбе, и дворцы, и каравансарай, и мосты, и водопроводы, и бани. В списке указана мечеть Татар-хана в Гезлеве (евпаторийская Хан-Джами). Грандиозное сооружение своими компактными, несколько громоздкими формами и сейчас украшает силуэт города.

Здание условно датируется 1552 годом. Оно повторяет выработанный в столице тип и представляет собою куб, перекрытый низким, плоским куполом на восьми-

Ешил-джами в Бахчисарае

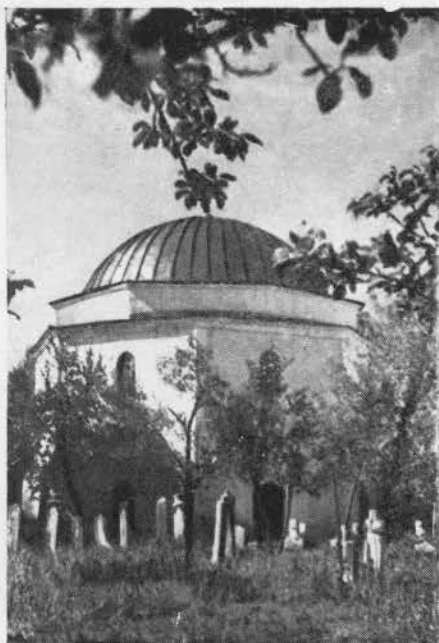

Джума-джами в Гезлеве (Евпатория). Рисунок

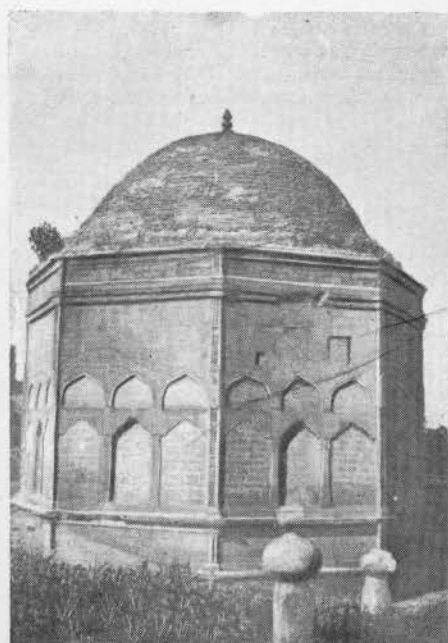

«Большой восьмигранник»
в Азисе близ Бахчисарая

Дюрбе ханского кладбища
Бахчисарая

«Дилляра-бикеч»
близ ханского кладбища в Бахчисарее

гранном основании. Целая система малых куполов — их всего 13 — окружает главный. От двух тонких, высоких, украшенных шифре, минаретов у восточной и западной стен остались лишь основания. Главный вход был с севера через открытый портал, теперь забраный глухими стенами.

Внутри здание делится аркадами на три части. Боковые — имеют галереи, «мафилы». Галереи перекрыты малыми куполами, центральное пространство — большим куполом, пролетом в 11 м, на сферических парусах. В граненом барабане купола прорезано 16 окон, через которые льется мягкий, ровный свет, сообщающий куполу легкость и воздушность.

Наряду с центрическим типом не умирает и базиликальный. Он получил развитие в городах, удаленных от морских берегов и менее подверженных непосредственным влияниям извне — в Бахчисарее и Кара-су-Базаре.

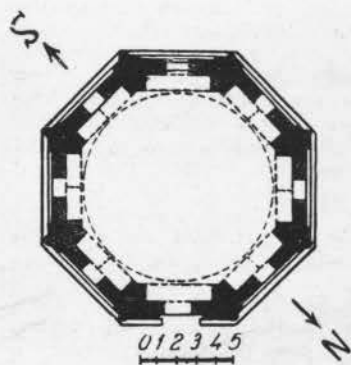
Из такого типа строений хочется отметить небольшую мечеть Ешиль-Джами, близ бахчисарайского дворца, осуществленную в 1764 году придворным поэтом, каллиграфистом и строителем, Омером.

Это — последняя страница умирающего татарского искусства. Великолепная монументальность и грандиозность синановского творчества превращается в чисто декоративную деятельность. Недаром Омер был прежде всего «хаттат» — мастер-каллиграф. Омеру приписывают создание различных частей бахчисарайского дворца — беседки Селямет-Гирея (1753 г.), роспись стен ханской мечети (1763 г.), золотого кабинета, кофейни и др. В декоре всех этих сооружений чувствуется сильное европейское влияние, которое занесли в Стамбул французские инженеры и строители, призванные в Турцию для гидрографических работ. Эта манера «а ля франка» сопутствует упадку османского

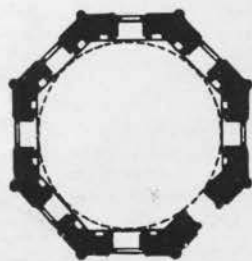
искусства. Однако Омер сумел в своих декоративных композициях органически переработать европейские мотивы и соединить их с исконными «восточными» формами. В системе орнамента каллиграфии, считавшейся у турок самым почитаемым графическим искусством, отведено видное место. Наряду с каллиграфическим орнаментом употреблялась фаянсовая мозаика, изразцы и, наконец, «калем» — живописные фрески, изображающие пейзажи, цветочный орнамент и т. д.

Синап и Омер — эти два имени как бы символизируют начало и конец, расцвет и упадок османского периода крымского искусства. Первый был архитектором-инженером. Ему не чужды были чисто технические сооружения. В списке его работ значатся пять водопроводов, восемь мостов, шесть цистерн. Это — строитель-практик, у которого эстетические вопросы тесно связаны с техническими. Второй — был художником-декоратором. Возведение строительного объема его мало интересовало. Архитектурно-строительные типы и приемы превратились в ремесло. Творческое начало выражалось лишь в пышной и многодельной декорации, которая определяла эстетическое лицо сооружения.

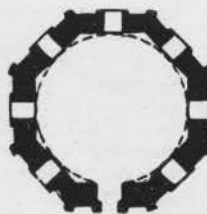
Упадок татарского искусства связан с экономическим, политическим и культурным упадком Крымского ханства. В последнюю четверть XVIII века оно окончательно теряет свою самостоятельность и включается в состав Российской империи. Насажается новая культура, ничего общего не имеющая с прошлой. Главные города северного Причерноморья — Одесса, Севастополь, Керчь, Таганрог — заново распланированные, застраиваются зданиями в духе русского классицизма в его специфическом «южном» варианте. Прежние традиции сохраняются лишь в народном творчестве крымских татар.

План «Большого
восьмигранника» в Азисе

План дюрбе ханского
кладбища в Бахчисарее

План
«Дилляра-бикеч»

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

**СЕРИЯ: «НОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ»**
Издательство Академии архитектуры
СССР, Москва, 1940 г.

Выпуск I. Архитектура и строительство Института Маркса — Энгельса — Ленина в Тбилиси (филиал). Акад. арх. А. В. Щусев. Тир. 5 000 экз. Ц. 4 р. 75 к. Выпуск II. Архитектура и строительство Военной академии РККА имени Фрунзе. Акад. арх. Л. В. Руднев. Тир. 5 000 экз. Ц. 2 р. 50 к. Выпуск III. Архитектура и строительство жилого дома Ленинградского Совета. Арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин. Тир. 4 000 экз. Ц. 3 р. 75 к.

Каждая из перечисленных брошюр содержит 20—25 репродукций и небольшую текстовую часть, предшествующую иллюстрациям.

За исключением выпуска II, брошюры изданы на меловой бумаге, качество клише в общем удовлетворительное. Все это говорит за целесообразность издания брошюр подобного типа.

Но читатель-архитектор требует большего. Ему знакомы — Парижская энциклопедия современной архитектуры А. Морансе — «L'Architecture vivante» и серия небольших книжек, издававшихся Энгелертом и Шлоссером во Франкфурте.

Чем привлекательны эти издания? Отдельные выпуски серии «L'Architecture vivante» посвящены современным типам сооружений и архитектуре отдельных стран. Фотографии на отдельных листах небольшого формата высокого качества представляют ценность увража и легко поддаются систематизации.

Книжечки Шлоссера скромнее и ближе подходят к характеру проспектов, издаваемых Академией архитектуры.

Вот перед нами книжечка, посвященная отдельному небольшому поселковому дому. После краткого вступительного текста, снабженного и основными экономическими показателями, следуют планы этого маленького дома. На планах обязательно указаны главнейшие размеры (чего нет, например, в планах жилого дома Ленинградского совета — выпуск III) и площади основных помещений. Дальше, в последовательном порядке, показано внутреннее содержание дома. Все это скомпоновано так, что читатель как бы проходит по дому, поднимается в комнаты второго этажа, спускается по крутой лестнице и выходит на веранду, меблированную так же, как и весь дом, и составляющую неотъемлемую часть всей композиции. Последнее фото показывает этот же маленький дом в системе блока, т. е. его дальнейший рост. Весь монтаж проведен чрезвычайно толково и убедительно.

Обращаясь вновь к серии, изданной Академией архитектуры, следует отметить целый ряд погрешностей, ставящих под угрозу новое издательское начинание.

Возьмем, к примеру, выпуск I. Небольшая книжечка, основное значение в которой имеют иллюстрации, снабжена предисловием, пояснительной запиской и весьма скучной выдержкой из программы-задания проектировщику (размещение помещений по группам). После раздутой текстовой части следуют иллюстрации.

Значительный по своей архитектурной ценности фотоматериал по дому Института Маркса — Энгельса — Ленина в Тбилиси акад. арх. Щусева скомпонован случайно. Фото размещены непродуманно, как-то трафаретно, бездушно. Начав официально с проекта главного фасада, составитель перешел затем на дворовый фасад, далее следуют разрез, планы, потом вдруг фрагмент общей перспективы здания с природы, еще несколько фрагментов, за которыми сразу идут дверные ручки, потом детали интерьера, потом попеременно части фасадов и внутренних перспектив.

Самого здания в натуре, его общего вида и вида улицы Руставели в Тбилиси, где оно стоит, авторы так и не показали.

Вместо длинного, сухого перечня групп помещений, куда лучше было бы дать краткую экспликацию к планам. По примеру лучших изданий, упоминавшихся нами, вначале следовало бы показать, конечно, общий вид сооружения и затем последовательно раскрыть все богатство его архитектуры.

Наше издательство имеет все возможности для того, чтобы сделать и небольшую книгу содержательной, приятной по своему внешнему виду и максимально полезной архитектору-практику. В свете последней задачи следовало бы, кроме планов, снабдить книгу хотя бы некоторыми рабочими чертежами и деталями.

Выпуск III в этом отношении производит лучшее впечатление. Как видно, авторы дома Ленсовета — Е. Левинсон и И. Фомин более внимательно отнеслись к изданию, посвященному их творческой работе.

Вообще же следует отметить, что среди громадного коллектива ответственных и технических участников изданий этого типа (авторы сооружений, редактор издательства, общий редактор серии, технический редактор, наблюдающий за выпуском, и другие) трудно выделить настоящего составителя — автора.

Ю. Шасс.

Отделочные работы и материалы в скоростном строительстве. Сборник статей под общей редакцией М. А. Крестова. Издательство Всесоюзной академии архитектуры. Москва. 1940 г. Стр. 165. Ц. 7 р. Тир. 5 000 экз.

За последнее время издательством Академии архитектуры СССР выпущен ряд книг, посвященных различным строительным материалам и способам их при-

менения. Вышли в свет книги: о каменных штукатурках, штукатурке сграффито, отделочном гипсе и т. д. Рецензируемая книга является одним из очередных выпусков этой широко задуманной серии. Она представляет особый интерес, так как посвящена отделочным материалам, применяемым в скоростном строительстве. Следует отметить, что именно здесь отделка зданий является едва ли не самым уязвимым местом.

Книга содержит пять разделов, написанных различными авторами. Первый раздел (автор М. А. Крестов) касается отделки внутренних помещений плитками, листовым материалом и служит как бы вводной частью к последующим двум разделам. Здесь дается общее понятие о различного рода плитах, как-то — гипсовых, типа диферент, бетонных, фибролитовых, здесь же описаны различные виды листово-облицовочного материала, получившего название «сухой штукатурки».

Последующие два раздела развивают и дополняют те сведения, которые даны в первой главе. Так, во втором разделе описываются весьма подробно облицовочные материалы, подготовка поверхности к облицовке листовым материалом, их крепление, стыки листов и их отделка (автор М. А. Крестов).

Третий раздел посвящен деталям перегородок и междуэтажных перекрытий (автор В. Д. Копелянский). Автор касается основных требований, предъявляемых к перегородкам и дает номенклатуру гипсовых плит, принятых за границей и в СССР. Здесь же довольно подробно даны размеры плит, акустическая оценка и технико-экономический анализ. В том же разделе приведены детали перекрытий (накаты). Раздел разработан весьма подробно, приведено много разнообразного материала.

Если первые три раздела касаются обработки внутренних помещений, то четвертый раздел посвящен отделке фасада лицевым и облицовочным кирпичом. Автор — И. А. Ковельман — правильно указывает на то, что лицевой и облицовочный кирпичи могут служить прекрасным материалом для обработки фасадов при скоростных методах строительства. В этом разделе подробно описываются различные виды кирпича, разнообразные виды кладки, а также перечислены требования, предъявляемые к размерам современного кирпича.

Пятый, последний, раздел (автор С. И. Килессо) посвящен декоративному бетону. Глава вызывает особый интерес, в связи с тем, что строители еще слабо знакомы с декоративным бетоном, за которым бесспорно большая будущность. В главе освещены особенности белого и цветного цемента, их состав и способы обработки поверхности. Здесь дано описание опыта использования декоративного

бетона на Моховой улице в 1933 году и принципов применения белого цемента на стройках канала Москва—Волга в 1936 году. Еще подробнее изложены особенности применения искусственной облицовки на Кадужской улице и улице Горького в Москве.

Чувствуется, что автор знает материал и хорошо изучил опыт применения декоративного бетона на больших стройках.

Книга, несомненно, принесет пользу строителям и архитекторам и поможет им ознакомиться с отделочными материалами, применяемыми в скоростном строительстве.

Тем не менее, книга не свободна от ряда недостатков. Некоторые из авторов не изучили опыта, который накопился на скоростных стройках Москвы и других городов; чувствуется, что основой книги послужили работы лабораторий и книжный материал (глава о кирпиче), а не опыт самих строителей. Исключением является пятый раздел, где подробно описываются методы применения в скоростном строительстве декоративного бетона.

Недостаточное внимание, уделенное скоростному строительству, повлекло за собой ряд неизбежных пробелов. Так, например, в первом разделе совершенно не разработан вопрос о том, какой материал может быть использован при установке дифференциальных плит в зимних условиях. Ответа на этот вопрос в книге нет, тогда как правильное освещение его избавило бы строителей от многих ненужных хлопот.

Применяемая в настоящее время в скоростном строительстве сухая штукатурка с разделкой деревянными карнизными и рейками и последующей покраской далеко не обеспечивает высокого качества отделочных работ. Между рейками и листами штукатурки уже через несколько месяцев появляются трещины. Все эти моменты совершенно не освещены в книге, тогда как значение их для современного скоростного строительства огромно.

В главе о кирпиче совершенно не учтен богатый опыт оформления фасадов облицовочным кирпичом на Кадужской улице. Автору следовало оценить разнообразные виды существующего кирпича и различные способы кладки с точки зрения их применимости для современного скоростного строительства. Если бы была проделана эта работа, то многие из его предложений отпали бы в силу сложности и большой трудоемкости кладки.

В заключение хотелось бы высказать одно замечание, касающееся не только данной книги, но большинства книг, написанных за последнее время на тему о строительных материалах. Нам кажется, что вопрос о строительных материалах, а тем более о материалах отделочных, следует трактовать более широко, в равной степени затрагивая как техническую, так и архитектурно-художественную его сторону.

Необходимо на материал взглянуть и глазами художника. Гипс для строителя — это только белый порошок, способный схватываться, тогда как гипс для художника — это узорчатый орнамент и произведение пластики. Не плохо было бы увидеть и показать читателю хотя бы частичку того, что для архитектора-

художника таит в себе тот или другой материал.

Такой подход во многих случаях мог бы иметь благотворное влияние и на строителей, занятых исключительно технической стороной дела. Так, например, строители долго и упорно работали и продолжают работать над тем, как получить соединение листов сухой штукатурки без шва. Может быть, целесообразнее было бы направить их усилия в другую сторону. В первом разделе рецензируемой книги М. А. Крестов приводит ряд убедительных примеров, когда листы штукатурки являются основой композиции интерьера, в связи с чем отпадает необходимость плотного, бесшовного соединения листов. В данном случае автор подошел к материалу не только как технолог, но и как художник, и тем самым оказал большую услугу строителям. Вот такой синтетический подход к материалу хотелось бы видеть как в рецензируемой книге, так и в тех книгах, которые ныне готовятся к печати.

Г. Борисовский

В. Л. Снегирев. Архитектор А. Л. Витберг, жизнь и творчество. Издательство Всесоюзной Академии архитектуры. М. 1939. Стр. 188. Тираж 3 000. Ц. 20 р., переплет 3 р.

Редко кому из русских архитекторов отводилось так много места в мемуарной литературе, как Витбергу. Его записки, глубоко прочувствованные страницы Герцена в «Былом и думах», целый ряд журнальных статей дают обильный материал для характеристики жизненного пути зодчего — мученика своей идеи.

Книга, написанная В. Л. Снегиревым, при участии А. М. Скворцова — хорошо рассказанная биография Витберга, которая опирается в своих выводах на весь этот обширный материал. Однако оценка авторами творчества Витберга мало убедительна. Многое здесь противоречит фактическому ходу развития русского классицизма и его блестящей поры, эпохи «ампира».

Живописные работы Витберга не подымались над общим академическим уровнем. Его портреты, конечно, нельзя сопоставлять с произведениями Кипренского, как это делает автор книги. Витберг — архитектор, проявил себя наиболее ярко в работе над проектом храма-памятника, печальная история строительства которого хорошо известна. Трагедия Витберга объясняется не только независимостью его характера, не только конфликтами с чиновными казнокрадами, но и неспособностью обеспечить практическую сторону строительства. В самой основе идея Витберга являлась нежизненной и трудно выполнимой. Идея, увлекшая молодого художника при объявлении конкурса на проектирование храма-памятника воинам двенадцатого года, сама по себе была прекрасна. Но всякая архитектурная идея обретает конкретность только в результате сложного творческого процесса, в котором существенную роль играет как мастерство, так и способность верно учитывать строительные возможности эпохи.

В витбергском проекте заложена идея отвлеченная, лишенная твердой практической установки. Объясняется это своеобразием витбергского романтизма. Романтичны ранние академические работы этого художника на темы из русской истории и его архитектурные наброски. Романтична и идея создания памятника-храма грандиозных масштабов. Наконец, чертами романтизма отмечен его готизированный фасад собора для г. Вятки. Конечно, и Баженов (в проектах Кремлевского и Царицынского дворцов) был романтиком, ей отдал дань также Казаков и целая плеяда немецких архитекторов во главе с Шинкелем. Однако в проектах всех этих зодчих всегда сохранялась их осевая, чисто архитектурно-техническая основа. Они всегда учитывали конкретные возможности осуществления проекта, начиная с планировочных моментов и кончая декоративным оформлением.

Идея Витберга, напротив, не получила серьезного обоснования. Авторы книги проанализировали весь подход зодчего к реализации его проекта. Они сами обнаружили отсутствие у Витберга теоретических и практических познаний, необходимых для осуществления проекта такого масштаба. Все его эскизы, вроде арочных деревянных мостов, характеризуют его, как неосведомленного художника; идеи деревянных большепролетных сооружений уже до Витберга были прекрасно разработаны Крафтом, классический увраж которого можно было видеть в академической библиотеке. На плохое освоение Витбергом экономической стороны строительства указывают даже авторы рецензируемой книги. Тем неожиданнее их общий вывод, что Витберг один из первых пролагал пути новому стилю ампира.

Еще в те годы, когда художник получал медали за свои рисунки в Академии по установленным программам «для рисования и лепления», в работах его сверстников-архитекторов уже намечались основные стилиевые черты ампира. В издании «Произведения воспитанников Императорской академии художеств, удостоенные наград» (1805 г.), можно видеть работы архитектора Калашникова, Мельникова и других — близкие к кругу форм ампира.

В период разработки своего проекта Витберг мог видеть строящуюся биржу Кваренги, а позднее работы Томона и еще позже работы Росси и других великих творцов ампира. В Москве уже работал в те же годы арх. А. Григорьев, который проектировал для Джиларди ряд изумительных по чистоте стиля ампирных зданий.

Увлечшись задачей «реабилитации» Витберга, авторы пришли к выводу, что он в изучении архитектуры дошел «не только до полного познания, но до вершин творчества». Его проект храма-памятника они определяют как «выражающий все величие эпохи и являющийся грандиознейшим сооружением классицизма александровского времени».

Мы, конечно, не можем согласиться со Стасовым, огульно отрицающим за проектом Витберга всякое художественное значение (Стасов не мог понять и архитектуру своего талантливого отца — творца ампирных сооружений). Витберг был даровитый художник, но далеко не

оригинальный и не такой крупный мастер, каким рисуют его авторы книги.

Существенную поправку следует внести и в указание авторов, что «никому из архитекторов того времени так не свойственна идея центрического сооружения, как Витбергу», и далее, что «в своих церковных сооружениях Витберг пользуется для завершения сооружений установкой ротондочки на колоннах — прием, идущий от Кваренги и больше никем не повторяемый» (стр. 104).

Идея центрического сооружения была разработана еще в конце XVIII века М. Ф. Казаковым, завершение церковного сооружения ротондочкой на колоннах дал впервые тот же М. Казаков задолго до приезда Кваренги в Россию (например, в церкви, выстроенной в 1777 году). Позднее этот прием повторяется в здании Голицынской больницы.

В качестве примера освоения Витбергом приемов деревянного зодчества эпохи ампира авторы приводят проекты дома Дмитриева на Спиридоновке и Дмитриевой на 1-й Мещанской улице. Оба проекта, особенно второй, мало оригинальны. Дома того времени, выстроенные арх. А. Григорьевым, С. Карным, И. Бове и др., несравненно более интересны и,

конечно же, более организованы в плановом отношении.

Нужно пожалеть, что авторы не привели в своем труде снимков с ряда церковных сооружений Витберга, например, с его рисунков для так называемых «царских врат». В книге приводится лишь проект церкви в с. Величове. Венчающая купол ротонда (не на четырех колоннах, как пишут авторы, а на шести) здесь чрезмерно велика по отношению к основной массе здания, и это лишний раз показывает, что у Витберга пропорции далеко не везде были выдержаны.

Необходимо внести и некоторые фактические поправки. Имя Витберга впервые встречается в академических сведениях не 1 сентября 1806 года, а в 1805 году. В издании Академии — «Произведения воспитанников императорской Академии художеств 1805 г.» на таблице XX приведен рисунок «группы, поставленной в натурном классе проф. Шедриным, рисунок, изображающий группу, «за рисование и лепление с которой по экзамену сентябрьской трети удостоены меньшей серебряной медали К. Витберг, П. Матюшенков, П. Соколов и Д. Иванов».

На стр. 31 сказано, что дом Шепелева (ныне Яузская больница) сооружен по

проекту де-Вальи. Дом этот, как теперь выяснено, выстроен арх. Родионом Казаковым (помощником М. Ф. Казакова) для Ив. Баташева. На стр. 33 указано, что Воробьевский дворец — «одноэтажный, окнами обращенный одной стороной к реке, другой — к городу» и что «на месте разобранного старого дворца был поставлен деревянный же дворец, перенесенный с Пречистенку». Здесь все неверно.

Воробьевский дворец был не одноэтажным, а трехэтажным: два верхних деревянных этажа были на каменном подклете (см. чертежи, снятые с натуры 1753 г. «архитектурни гезелем» Бланком). Фасад был обращен к реке именно в сторону города, задний фасад выходил в рощу («воробьевскую»), где никаких строений не было. Пречистенский дворец был переведен на новое место только частично (деревянная галерея). Другая часть Пречистенского дворца была перевезена в Лефортовский дворец (см. приказы Екатерины московскому полицмейстеру Архарову — бывш. архив МОИД, оп. 16, № 41524).

Книга о Витберге — хороший биографический очерк, которому недостает глубины и точности архитектурного анализа.

И. Бондаренко.

ХРОНИКА

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

15—16 июля с. г. в помещении Академии архитектуры СССР (Москва) состоялась встреча архитекторов Москвы и Азербайджана, посвященная творческому отчету правления Союза архитекторов АЗССР.

Участники встречи имели возможность ознакомиться с деятельностью азербайджанских архитекторов по их отчетным докладам и по экспонатам организованной в связи с встречей выставки проектов и фотографий осуществленных построек.

Во вступительном слове акад. арх. **К. С. Алабян** подчеркнул значение творческого совещания, на котором должен подвергнуться рассмотрению опыт борьбы азербайджанских архитекторов за создание архитектуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

С общим отчетом об архитектуре Советского Азербайджана выступил проф. **В. С. Саркисов**.

Отметив ряд значительных успехов в работах азербайджанских архитекторов за истекшее десятилетие, **В. С. Саркисов** констатирует, что эти достижения еще сильно отстают от других видов азербайджанского искусства. Некоторые мастера в своих проектах совершенно игнорируют архитектурное наследие Азербайджана. Другие идут, напротив, по пути механи-

ческого перенесения архитектурных деталей с исторических памятников, не осваивая критически наследия азербайджанского зодчества.

Характеризуя положение по отдельным видам массового строительства, **В. С. Саркисов** указывает, что многие архитекторы не уделяют должного внимания проектированию жилых секций, приспособленных к специфическим условиям отдельных районов Азербайджана. В большинстве случаев они приспосабливают московские и ленинградские типы домов, отдавая лишь некоторую дань лоджиям и балконам. Архитектура новых азербайджанских школ существенно отличается от архитектуры школ Москвы и других городов. Основное отличие заключается в применении в азербайджанских школах одного парадного входа, одного вестибюля и двух — редко трех — лестниц.

Детские сады и ясли строятся по типовым проектам, разработанным в Москве.

Наряду с проектированием и строительством объектов массового характера, в Азербайджане проектируется и строится также большое количество общественных и культурно-бытовых зданий. За советское время выстроено значительное число домов культуры и клубов, в том числе по проектам бр. Веснинных, дома отдыха по проекту докладчика, новое кино по проекту Усейнова и Дадашева. По проекту акад. Руднева и арх. Мунна строится Дом правительства, коренным

образом влияющий на генеральный план реконструкции всего города. Строятся здания Социально-экономического института, Республиканский стадион в Дзержинском парке; проектируются вузовский городок, дом техники и ряд других сооружений. Большим достижением азербайджанской архитектуры следует считать и законченное в основном строительство памятника трибуну революции **С. М. Кирову** (по проекту проф. **Л. А. Ильина** и скульптора **П. В. Сабсаа**).

Большим недочетом является недостаточное внимание к качеству строительных материалов, в частности, белого камня, для облицовки зданий.

Совещание заслушало индивидуальные творческие отчеты архитекторов **С. А. Дадашева** и **М. А. Усейнова**, **К. И. Сенчихина**, **Р. А. Бойджана**, **Н. И. Шабарова** и **М. А. Султанова**, детально осветивших свои творческие замыслы, свои ошибки и достижения в поисках архитектуры национальной по форме, социалистической по содержанию.

Выступивший в прениях арх. **Р. Я. Хигер** (Москва) поделился с участниками совещания впечатлениями, полученными от недавнего посещения Баку (совместно с арх. **П. В. Абросимовым**, по поручению правления САА СССР).

— Центральная благоустроенная часть Баку, — говорит **Р. Я. Хигер**, — производит исключительно благоприятное впечатление. Улицы соразмерны строениям, площади соразмерны зданиям. Хорошее

впечатление оставляет и обилие в городе зелени.

Остановившись на отдельных сооружениях последнего времени, Р. Я. Хигер особо выделяет памятник Кирову и музей им. Сталина, запроектированный и построенный арх. Бояджаном.

Здание Наркомпищепрома (арх. Дадашев и Усейнов), при удачной внутренней планировке, имеет ряд общearchитектурных недочетов. Сильное усащение фасада пилястрами, ряд излишних декоративных лепнин, розовые тона штукатурки — все это не вяжется с представлением о монументальном произведении.

И. М. Шарифов (Баку) останавливается в своем выступлении на архитектуре сельскохозяйственных сооружений Азербайджана и на типовом проектировании жилья для колхозников. Последние типовые проекты колхозного жилья в значительной мере отвечают уже требованиям колхозов.

И. В. Абросимов (Москва) посвящает свое выступление характеристике отдельных сооружений Азербайджана за последние годы (дом Эпрона, здание кинотеатра, жилой дом против сквера имени Низами и др.), отмечая их положительные и отрицательные черты.

Подробнее останавливается на характеристике отдельных сооружений Баку и проф. **Л. А. Ильин** (Ленинград), уделяя в своем критическом анализе особое место работам Усейнова и Дадашева, Сенчикина, Шабарова и Вартанесова. Проф. Л. А. Ильин зовет также внимание на совершенно недостаточном использовании в строительстве Баку белого камня.

На этом вопросе останавливается и акад. арх. **Л. В. Руднев** (Ленинград), указывая, что за последние два года белый камень заменен в облицовке зданий портящей фасады штукатуркой.

Н. П. Былинкин (Москва) указывает, что в ряде работ бакинских архитекторов еще не чувствуется правильного понимания природы классических архитектурных памятников. Они не вполне осознали то, как творцы этих памятников работали над пространством, объемом и формой, не вступая в спор с природой и добиваясь большой выразительности простыми, лаконичными средствами. В доме Баксовета (арх. Дадашев и Усейнов) столько архитектурных предложений, что их хватило бы на десяток домов.

И. Н. Магидин (Москва) отмечает, что организованная на совещании выставка подтверждает наличие больших положительных сдвигов в работах бакинских архитекторов. Однако в этих работах имеется и ряд недочетов, происходящих главным образом из-за неправильного и некритического освоения архитектурного наследия. Примером критического использования архитектурного наследия является музей Сталина (работа арх. Бояджана).

Проф. **Д. Е. Аркин** (Москва) указывает, что в конце XIX века Ронет, Покровский, Шервуд подходили к проблеме русской национальной традиции в архитектуре с часто внешними, стилистическими приемами, копируя те черты, которыми определялось зодчество XVII века. В результате получилась псевдорусская стилизация, которая дала такие сооружения, как торговые ряды, Исторический музей или здание Судной казны в Москве

Национальная культура не является неподвижной. Когда мы говорим о национальных признаках той или иной отрасли искусства, мы не должны прикрывать эти признаки к какому-то одному периоду и воспринимать в каких-либо раз навсегда застывших формах.

Опасность такого подхода к освоению национального наследия стоит и перед азербайджанскими архитекторами, которые, разрабатывая национальные формы, нередко исходят из уже застывших и отошедших в прошлое архитектурных форм средневекового зодчества.

Проблема создания национальной архитектуры дежит не в плоскости внешней стилизации, а в плоскости подлинного стиля.

Проф. **П. П. Фридолин** (Баку) указывает на недопустимость игнорирования местной бытовой специфики и на необходимость всестороннего освоения народного творчества. Азербайджанский павильон на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — прекрасное произведение архитектуры, но он перенасыщен деталями, в нем сказывается тенденция к чрезмерному украшательству.

И. Г. Бунятов (Ереван) отмечает необходимость исчерпывающего изучения архитекторами Азербайджана памятников старого национального зодчества и их критического освоения в дальнейшей работе по созданию новых, еще более замечательных памятников.

Я. А. Корнфельд (Москва) указывает, что специфика быта должна найти свое полное отражение в национальной по форме и социалистической по содержанию архитектуре Азербайджана. Эту специфику быта не следует подменять, однако, вычурной экзотикой. Азербайджанская архитектура добилась за последние годы значительных успехов. Работы Дадашева, Усейнова и Бояджана — яркий пример этих успехов.

В заключительном слове акад. арх. **В. А. Веснин** отметил несомненную плодотворность работ творческого совещания и хорошую подготовку докладов и выставки азербайджанских архитекторов.

— Все эти материалы дают возможность констатировать, что азербайджанские архитекторы умеют не только хорошо проектировать, но и хорошо строить. Большая работа проведена в Азербайджане и по изучению архитектурного наследия. От прямого копирования приемов старого национального зодчества азербайджанские архитекторы переходят за последние годы к критическому освоению архитектурного наследия. В борьбе за национальную по форме и социалистическую по содержанию архитектуру Советского Союза азербайджанские архитекторы бесспорно являются передовым отрядом. Изживая имеющиеся в их работе недочеты, равняясь на лучшие произведения последних лет, азербайджанские архитекторы должны в ближайшие годы добиться еще более значительных успехов.

VIII ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ССА СССР

Восьмой пленум правления ССА СССР, посвященный вопросам художественной промышленности, будет созван в декабре 1941 года в Москве. Основной темой пле-

нума явится вопрос о состоянии художественной промышленности в СССР и о борьбе за художественное качество промышленной продукции.

В работах пленума примет участие оргкомитет Союза художников, выделивший для участия в подготовительных к пленуму мероприятиях специальную комиссию.

СОВЕЩАНИЯ ПО ВОПРОСАМ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Всесоюзное совещание, посвященное вопросам национальной по форме и социалистической по содержанию архитектуры, будет созвано в 1941 году в Москве. В порядке подготовки к этому совещанию в ноябре 1940 года намечена организация творческой встречи архитекторов трех закавказских республик — Азербайджана, Армении и Грузии. По договоренности с республиканскими союзами советских архитекторов Закавказья, встрече предполагается провести в г. Тбилиси.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН РАБОТ ССА СССР на 1941 г.

Секретариат правления ССА СССР утвердил предварительный план работ правления на 1941 г. В 1941 году предполагается созыв II всесоюзного съезда архитекторов, проведение двух пленумов правления, трех всесоюзных совещаний, двух конкурсов всесоюзного характера, трех творческих отчетов союзных организаций. Намечена также посылка в 1941 году бригад архитекторов Москвы, Ленинграда, Киева и других городов на места для оказания творческой и организационной помощи местным организациям Союза.

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА

акад. арх. **В. А. ЩУКО**

Правление Союза ССА СССР утвердило решение совета жюри по конкурсу на проект памятника на могиле акад. арх. В. А. Щуко. Ввиду того, что ни один из представленных 73 проектов не может быть принят непосредственно к исполнению, решено почетного отзыва от имени ССА СССР ни одному проекту не присуждать.

Благодарственные грамоты присуждены следующим авторам представленных на конкурсе проектов: 1) арх. А. Ф. Хрякову и скульптору Вучетичу (Москва), 2) арх.-худ. А. П. Великанову, скульптору Вучетичу и художнику Нератову (Москва), 3) арх.-худ. М. А. Минкусу (Москва), 4) арх. А. П. Ершову (Москва), 5) арх. Е. М. Маркову (Москва), 6) арх. И. Е. Рожину (Москва), 7) арх.-художнику Ю. В. Щуко (Москва), 8) арх. Столярову (Москва), 9) арх. М. Н. Мейселе (Ленинград) 10) арх. И. П. Антипову (Москва), 11) арх. В. А. Свиренко, О. А. Глинка и В. В. Грачеву (Москва) и 12) арх. Л. Г. Голубовскому (Ленинград).

Правление ССА СССР постановило объявить вторичный конкурс на составление проекта памятника В. А. Щуко, установив срок представления проектов — 1 января 1941 г.

СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА

СБОРНЫЕ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЕ ПЛИТЫ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА¹

Отдел типов и стандартов Управления по проектированию г. Москвы разработал стандарт на сборные железобетонные плиты для перекрытий гражданских зданий. Для проектировщиков дополнительно к стандарту составлен «каталог», в нем даны все основные показатели: размеры плит, допускаемые нагрузки, действительный коэффициент запаса прочности, объем бетона, приведенная толщина плиты, содержание железа в кубических метрах бетона.

Арматурные чертежи, приведенные в стандарте, как правило, проектировщику не нужны, так как все московские заводы их имеют и для заказа плит в Москве достаточно лишь указать марку плиты и их количество.

Ниже приведено 5 таблиц каталога на железобетонные сборные плиты по стандарту Моссовета.

Плиты марки «ПМ» (плиты междуэтажные).

Плиты марки «ПМ» железобетонные ребристые с опорными диафрагмами. Марка бетона «140».

Плиты могут быть изготовлены с прямыми (при укладке по верху балок) и с наклонными (при укладке по нижней полке балки) опорными четвертями.

При обработке потолков сухой штукатуркой применяются плиты с деревянной рейкой, утопленной в ребро. При заказе необходимо оговаривать форму четвертей и наличие рейки.

Размеры плит выдержаны в модуле 13 см (полкирпича).

Длина плит в стандарте принята на 3 см меньше соответствующего размера в модуле и дана от 1,22 до 3,61 м с интервалом в 13 см.

Исключение составляют типы ПМ—1, 2, 5, 8, 11, 14. Эти плиты предназначены исключительно для крупноблочного строительства, поэтому их размеры выдержаны в модуле «25».

Плиты «ПМ» рассчитаны под нагрузку 550 кг/м², включая собственный вес плиты. Коэффициент запаса прочности при данной нагрузке указан в таблице и колеблется от 1,71 до 2,54.

Расчетная нагрузка на плиты может быть для отдельных типов плит увеличена пропорционально уменьшению коэффициента запаса прочности.

Коэффициент запаса менее 1,71 (50% перенапряженности) не допускается.

Плиты «ПМ» могут быть использованы в междуэтажных, чердачных, подвальных и прочих перекрытиях, для лестничных площадок, а также во всех случаях, если они выдерживают расчетную нагрузку с запасом прочности не менее 1,71.

Плиты марки «ПМТ» (плиты междуэтажные «тяжелые»).

Плиты марки «ПМТ» имеют одинаковые габаритные размеры с плитами марки «ПМ» и отличаются от них только более высокой маркой бетона (марка бетона «170») и усиленной арматурой.

Изготавливаются плиты «ПМТ» в тех же формах, что и плиты «ПМ».

Плиты «ПМТ» рассчитаны под нагрузку 850 кг/м², включая собственный вес плиты.

Признаком, отличающим плиты «ПМТ» от плит «ПМ», является треугольный выступ на опорной диафрагме плит «ПМТ».

Плиты марки «ПМТ» применяются главным образом в перекрытиях над подвалом, при наличии в первом этаже магазинов, в перекрытиях санузлов, в междуэтажных перекрытиях бань, больниц, школ, а также во всех случаях, где плиты марки «ПМ» не выдерживают заданную расчетную нагрузку.

¹ По материалам Отдела типов и стандартов Управления по проектированию г. Москвы (гл. инж. В. П. Лагутенко; нач. отдела типов и стандартов инж. Г. Н. Львов).

В перекрытиях над складскими помещениями магазинов и в других случаях, где расчетная нагрузка превышает допускаемую на плиты «ПМТ» (например, временная 600 или 800 кг/м²), эти плиты могут быть усилены монолитным бетоном по специальной инструкции, выпущенной ОТС Управления проектирования г. Москвы.

Плиты марки «ПЛ» (плиты лестниц).

Плиты «ПЛ» железобетонные плоские с ребром по контуру. Марка бетона «140». Плиты «ПЛ» изготавливаются на специальных, гладко отшлифованных мозаичных площадках, поэтому нижняя поверхность плит получается чисто отделанной и не требует в дальнейшем ни затирки, ни штукатурки.

Плиты законструированы или с возможностью опирания по любому направлению или по одному из направлений (см. указания в таблице).

Плиты «ПЛ» рассчитаны под нагрузку 625 кг/м², включая собственный вес плиты. Коэффициент запаса прочности при данной нагрузке указан в таблице и колеблется от 1,71 до 1,77.

В случае расположения труб сантехники в пределах лестничных площадок, необходимо при заказе указать места и размеры отверстий для пропуска труб.

Плиты «ПЛ» применяются только при наличии на строительстве кранов грузоподъемностью в 1,5 т или других механизмов соответствующей грузоподъемности, в противном случае их заменяют плитами марки «ПМ» или «ПМТ».

Плиты «ПЛ» разработаны для перекрытия площадок на лестничных клетках, принятых в типовых секциях Московского Совета на 1940—41 гг., но могут быть применены и во всех других случаях, где они подходят по форме и нагрузке.

Плиты марки «ПС» (плиты санузлов).

Плиты марки «ПС» железобетонные, плоские с ребром жесткости по контуру. Марка бетона «140». Изготавливаются эти плиты так же, как и плиты марки «ПЛ». Нижняя поверхность их чисто отделана и не требует штукатурки. В плитах предусмотрены отверстия для пропуска труб сантехники.

В зависимости от расположения приборов и стояка, плиты разделяются на правые и левые, что необходимо оговаривать при заказе. Тип плиты определяется конфигурацией санузла. Тип плиты может быть подобран по таблице, где указано для всех плит расположение приборов, соответствующее отверстиям в плитах.

Плиты марки «ПС» сконструированы при условии опирания только по одному направлению (см. указания в таблице). Плиты марки «ПС» рассчитаны на нагрузку 750 кг/м², включая собственный вес плиты. Коэффициент запаса прочности при данной нагрузке колеблется в пределах 1,71—1,78.

Плиты марки «ПС» применяются только при наличии на строительстве кранов грузоподъемностью в 1,5 т или других механизмов с соответствующей грузоподъемностью, в противном случае их заменяют плитами марки «ПМТ».

Плиты марки «П» (подкладочные плиты).

Плиты марки «П» железобетонные пирамидальной формы. Марка бетона «140». Эти плиты служат для передачи опорного давления от прогона на наружные стены.

Плита «П-1» рассчитана на опорное давление 8 000 кг; «П-2» — на опорное давление 16 000 кг. Плита «П-2» допускает опирание как одиночных, так и парных прогонов, применяется она в отдельных случаях в перекрытиях над подвалами.

Ко всем перечисленным выше стандартам составлены подробные арматурные чертежи и технические условия на изготовление, испытание, транспортировку и хранение.

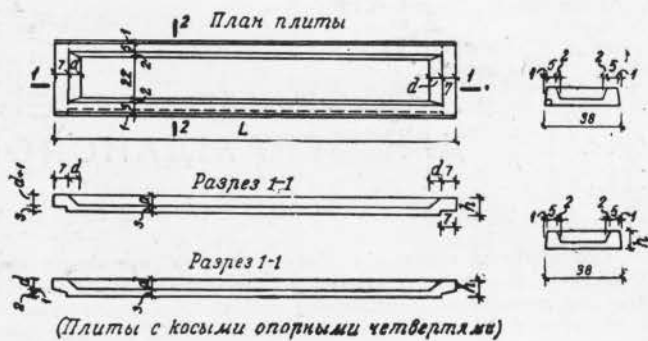

ПЛИТЫ МЕЖДУЭТАЖНЫХ ПЕРЕКРЫТИЙ МАРКИ „ПМ“ (МАРКА БЕТОНА „140“)

Марка, размеры и показатели	ПМ 1 ¹⁾	ПМ 2 ¹⁾	ПМ 3	ПМ 4	ПМ 5 ¹⁾	ПМ 6
Длина плиты L см . . .	122	147	153	156	172	179
Высота плиты h см . . .	9	9	9	9	9	9
Высота скоса d см . . .	6	6	6	6	6	6
Вес плиты кг	65	77	80	86	89	93
Объем бетона м ³	0,0249	0,0296	0,0307	0,0332	0,0343	0,0356
Приведенная толщина см	5,4	5,3	5,3	5,3	5,3	5,2
Количество железа на 1 м ³ бетона кг	51	50	61	61	61	70
Действительный коэффициент запаса	2,54	1,73	2,28	1,92	1,79	2,01

Расчетная нагрузка, включая собственный вес плиты — 55 кг/м².

Плиты, отмеченные в таблице¹⁾, применяются только в крупноблочном строительстве.

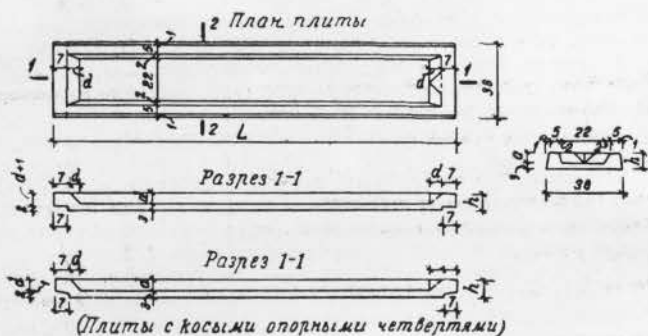
Марка, размеры и показатели	ПМ 7	ПМ 8 ¹⁾	ПМ 9	ПМ 10	ПМ 11 ¹⁾	ПМ 12	ПМ 13	ПМ 14 ¹⁾	ПМ 15	ПМ 16	ПМ 17	ПМ 18	ПМ 19	ПМ 20	ПМ 21	ПМ 22	ПМ 23
Длина плиты L см . . .	192	198	205	218	223	231	244	247	257	270	283	296	309	322	335	348	361
Высота плиты h см . . .	9	9	12	12	12	12	12	12	12	12	15	15	15	15	15	15	15
Высота скоса d см . . .	6	6	9	9	9	9	9	9	9	9	12	12	12	12	12	12	12
Вес плиты кг	99	102	132	139	142	147	155	157	162	170	213	222	231	240	249	258	267
Объем бетона м ³	0,0381	0,0392	0,0506	0,0536	0,0547	0,0565	0,0595	0,0602	0,0625	0,0654	0,0819	0,0854	0,0888	0,0923	0,0958	0,0992	0,1027
Приведенная толщина см	5,2	5,2	6,5	6,5	6,5	6,4	6,4	6,4	6,4	6,4	7,6	7,6	7,6	7,5	7,5	7,5	7,5
Количество железа на 1 м ³ бетона кг	83	85	61	68	68	68	75	75	83	83	65	64	71	85	93	98	102
Действительный коэффициент запаса	1,74	1,71	1,86	2,02	1,93	1,79	1,89	1,84	1,94	1,75	1,87	1,71	1,80	1,72	1,82	1,81	1,76

ПЛИТЫ МЕЖДУЭТАЖНЫХ ПЕРЕКРЫТИЙ МАРКИ „ПМТ“ ПОД ТЯЖЕЛУЮ НАГРУЗКУ (МАРКА БЕТОНА „170“)

Марка, размеры и показатели	ПМТ 1 ¹⁾	ПМТ 2 ¹⁾	ПМТ 3	ПМТ 4	ПМТ 5 ¹⁾	ПМТ 6
Длина плиты L см . . .	122	147	153	166	172	179
Высота плиты h см . . .	9	9	9	9	9	9
Высота скоса d см . . .	6	6	6	6	6	6
Вес плиты кг	65	77	80	86	89	93
Объем бетона м ³	0,0249	0,0296	0,0307	0,0332	0,0343	0,0356
Приведенная толщина см	5,4	5,3	5,3	5,3	5,3	5,2
Количество железа на 1 м ³ бетона кг	69	74	73	84	88	92
Действительный коэффициент запаса	2,43	1,89	1,74	1,81	1,80	1,77

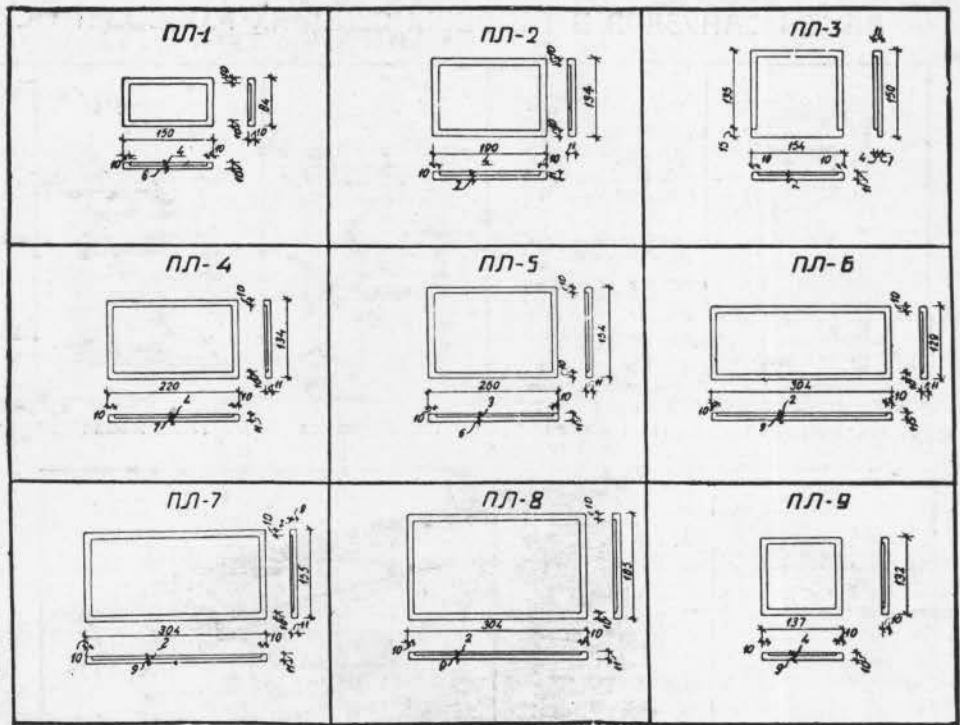
Расчетная нагрузка, включая собственный вес плиты — 85 кг/м².

Плиты, отмеченные в таблице¹⁾, применяются только в крупноблочном строительстве.

Марка, размеры и показатели	ПМТ 7	ПМТ 8 ¹⁾	ПМТ 9	ПМТ 10	ПМТ 11 ¹⁾	ПМТ 12	ПМТ 13	ПМТ 14 ¹⁾	ПМТ 15	ПМТ 16	ПМТ 17	ПМТ 18	ПМТ 19	ПМТ 20	ПМТ 21	ПМТ 22	ПМТ 23
Длина плиты L см . . .	192	198	205	218	223	231	244	247	257	270	283	296	309	322	335	348	361
Высота плиты h см . . .	9	9	12	12	12	12	12	12	12	12	15	15	15	15	15	15	15
Высота скоса d см . . .	6	6	9	9	9	9	9	9	9	9	12	12	12	12	12	12	12
Вес плиты кг	99	102	132	139	142	147	155	157	162	170	213	222	231	240	249	258	267
Объем бетона м ³	0,0381	0,0392	0,0506	0,0536	0,0547	0,0565	0,0595	0,0602	0,0625	0,0654	0,0819	0,0854	0,0888	0,0923	0,0958	0,0992	0,1027
Приведенная толщина см	5,2	5,2	6,5	6,5	6,5	6,4	6,4	6,4	6,4	6,4	7,6	7,6	7,6	7,5	7,5	7,5	7,5
Количество железа на 1 м ³ бетона кг	119	126	85	92	93	102	108	107	111	124	90	98	102	119	133	139	153
Действительный коэффициент запаса	1,78	1,76	1,77	1,79	1,78	1,89	1,80	1,75	1,71	1,74	1,82	1,84	1,77	1,72	1,82	1,76	1,80

ПЛИТЫ ЛЕСТНИЧНЫХ ПЛОЩАДОК МАРКИ „ПЛ“ (МАРКА БЕТОНА „140“)

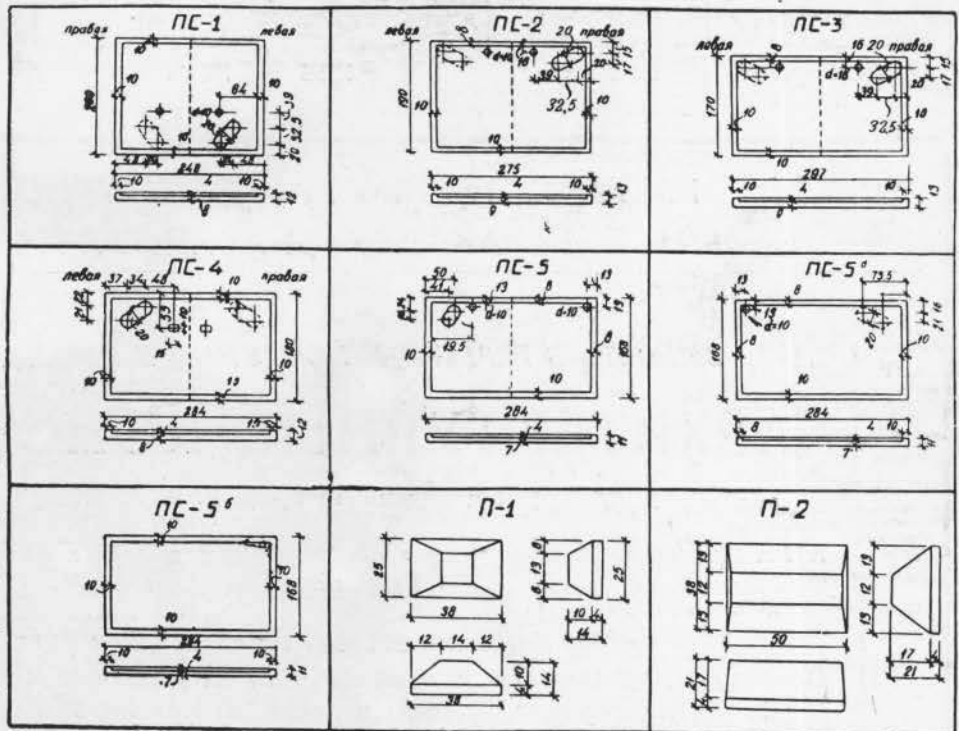

Расчетная нагрузка, включая собственный вес плиты—625 кг/м²

Плиты ПЛ-1; ПЛ-2; ПЛ-3; ПЛ-4; ПЛ-9—можно опирать по любому направлению.

Плиты ПЛ-5; ПЛ-6; ПЛ-7; ПЛ-8—опирать только по коротким сторонам.

ПЛИТЫ ДЛЯ САНИТАРНЫХ УЗЛОВ МАРКИ „ПС“ И ПОДКЛАДОЧНЫЕ ПЛИТЫ МАРКИ „П“ (МАРКА БЕТОНА „140“)

Расчетная нагрузка плит ПС-1; ПС-2; ПС-3; ПС-4; ПС-5; ПС-5а; ПС-5б, включая собственный вес плиты—750 кг/м².

Плиты ПС-1; ПС-4; ПС-5; ПС-5а; ПС-5б—опирать только по длинным сторонам.

Плиты ПС-2; ПС-3—опирать только по коротким сторонам.

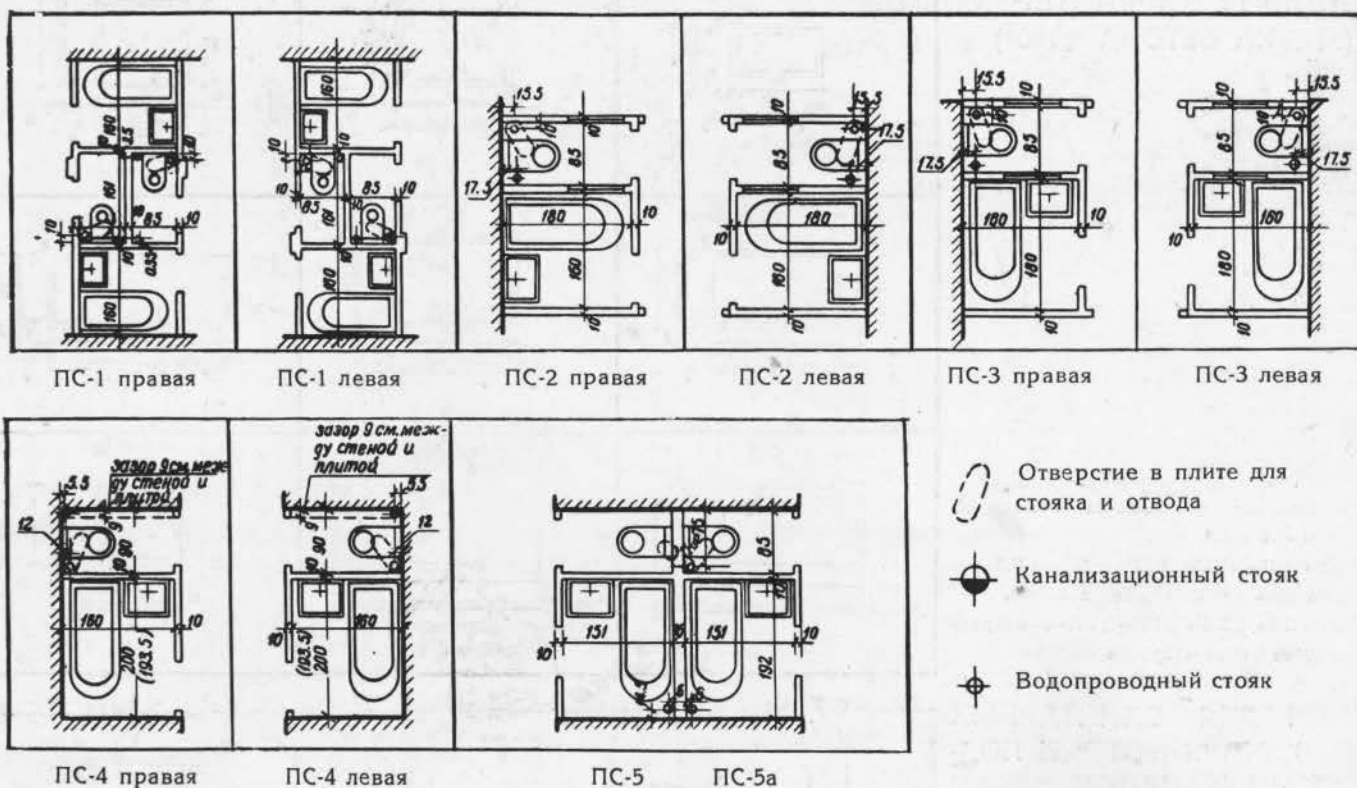
Плита П-1 рассчитана на опорное давление 8 т.

Плита П-2 рассчитана на опорное давление 16 т.

Размер и показатели	Пл-1	Пл-2	Пл-3	Пл-4	Пл-5	Пл-6	Пл-7	Пл-8	Пл-9	ПС-1	ПС-2	ПС-3	ПС-4	ПС-5	ПС-5а	ПС-5б	П-1	П-2
Вес плиты кг.	242	528	463	606	894	962	1149	1365	333	1097	1284	1245	1131	933	928	959	23	75
Объем бетона м ³	0,093	0,203	0,178	0,233	0,344	0,370	0,442	0,525	0,128	0,422	0,494	0,479	0,135	0,359	0,357	0,369	0,009	0,0029
Приведенная толщина см.	7,4	8,0	7,7	7,9	8,6	9,4	9,4	9,3	7,1	8,5	9,5	9,5	8,5	7,5	7,5	7,7	—	—
Количество железа на 1 м ³ бетона кг.	97	87	74	99	97	106	109	106	89	95	107	123	86	102	104	94	122	86
Действит. коэффициент запаса	1,72	1,76	1,76	1,71	1,73	1,71	1,77	1,71	1,72	1,72	1,72	1,79	1,71	1,78	1,78	1,78	2,72	1,86

ПЛИТЫ САНУЗЛОВ В ТИПОВЫХ СЕКЦИЯХ МОССОВЕТА С ПЛИТАМИ МАРКИ „ПС“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ УЧЕБНИК

„АРХИТЕКТУРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ“

Под редакцией проф. А. В. КУЗНЕЦОВА

Учебник составлен коллективом авторов в Кабинете строительной техники Академии архитектуры СССР
774 стр., цена в переплете 35 руб.

Учебник состоит из следующих разделов:

- 1) Основания, фундаменты и подвалы, 2) Деревянные стены, 3) Каменные стены,
- 4) Перегородки, 5) Окна и двери, 6) Крыши, 7) Лестницы, 8) Полы.

Каждый раздел учебника богато иллюстрирован оригинальными чертежами, размещенными на отдельных таблицах—всего в учебнике 313 таких таблиц.

Учебник рассчитан на студентов архитектурных и строительных вузов, на архитекторов и строителей, а также является пособием для лиц, желающих самостоятельно изучить строительное дело

Учебник по выходе из печати будет выслан заказчикам наложенным платежсм.

Расходы по пересылке относятся на счет заказчика.

Заказы направлять: Москва, Пушкинская ул., 24 Государственному архитектурному издательству Академии архитектуры СССР

Ц 1940 г.
Акт № 448
Выдан

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.
Pages

SOMMAIRE

За социалистическую организацию труда архитектора. К. Алабян	— 1 —	Pour l'organisation socialiste du travail de l'architecte, par K. Alabian
<u>ПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРА КВАРТАЛА</u>		<u>PLAN ET ARCHITECTURE D'UN QUARTIER D'HABITATION</u>
Квартал в системе города. А. Мостаков	— 4 —	Le quartier d'habitation dans le système urbain, par A. Mostakov
Проектирование жилых кварталов в новых городах. В. Боберко	— 7 —	Aménagement de quartiers d'habitation dans les villes nouvelles, par V. Boberko
Новые задачи в планировке квартала. В. Семенов-Прозоровский, П. Шевалье	— 10 —	Nouvelles taches dans l'organisation d'un quartier d'habitation, par V. Sémiouov-Prozorovski, P. Chevalier
Планировка квартала и транспорт. А. Якшин	— 13 —	Organisation du transport dans un quartier d'habitation, par A. Iakchine
Типы новых жилых кварталов в Ленинграде. С. Покшишевский	— 15 —	Types de nouveaux quartiers d'habitation à Léningrad, par S. Pokchichevski
Эффективность отступов при застройке кварталов. Ю. Кругляков	— 20 —	Efficacité de la construction à l'écart des rues, par G. Krougliakov
Планировка жилых кварталов за рубежом. В. Гроссман и Б. Коган	— 24 —	Aménagement de quartiers d'habitation à l'étranger, par V. Grossmann, B. Kogan
<u>ПРАКТИКА</u>		<u>NOS RÉALISATIONS</u>
Площадь Калужской заставы в Москве. К. Топуридзе	— 26 —	Place de la Barrière Kaloujskaïa à Moscou, par K. Topouridzé
Работы арх. Д. П. Бурьшкина (Ленинград). Н. Кравченко	— 29 —	Travaux de l'architecte D. P. Bourichkine (Léningrad), par N. Kravtchenko
Новые проекты жилых зданий в Москве. Д. Чернопыжский	— 34 —	Nouveaux projets d'immeubles d'habitation à Moscou, par D. Tchernopijski
Здание Онкологического института в Москве. Д. Аранович	— 40 —	Immeuble de l'Institut onkologique à Moscou, par D. Aranovitch
<u>ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА</u>		<u>LA TRIBUNE DE L'ARCHITECTE</u>
Улица Конституции (Новый Арбат) в Москве. В. Кусаков	— 42 —	Rue de la Constitution (Nouvel Arbat) à Moscou, par V. Koussakov
<u>АРХИТЕКТУРА—СКУЛЬПТУРА—ЖИВОПИСЬ</u>		<u>ARCHITECTURE — SCULPTURE — PEINTURE</u>
Эскизы нового плафона для зрительного зала Большого театра. А. Ромм	— 50 —	La peinture pour le nouveau plafond de la salle de spectacle du Grand théâtre de l'Opéra à Moscou, par A. Romm
<u>ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ</u>		<u>QUESTIONS DE LA THÉORIE ET DE L'HISTOIRE DE L'ARCHITECTURE</u>
Оригинал и подражание. Н. Брунов	— 53 —	Bâtiments classiques et leurs imitations, par N. Brounov
<u>АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО</u>		<u>HÉRITAGE ARCHITECTURAL</u>
По античному и средневековому Крыму. В. Лавров	— 63 —	A travers la Crimée antique et médiévale, par V. Lavrov
<u>АРХИТЕКТУРА и КНИГА</u>	— 73 —	<u>L'ARCHITECTURE ET LE LIVRE</u>
<u>ХРОНИКА</u>	— 75 —	<u>CHRONIQUE</u>
<u>СПРАВОЧНИК АРХИТЕКТОРА</u>	— 77 —	<u>INDICATEUR DE L'ARCHITECTE</u>

АРХИТЕКТУРА С С С Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ
АРХИТЕКТОРОВ

Ответственный редактор К. С. Алабян
РЕДАКЦИЯ
Москва, Гранатный пер., 7.
Телефон—К-5-76-25

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—96 руб.,
6 мес.—48 руб., 3 мес.—24 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва,
Пушкинская ул., 24, Государственным
архитектурным издательством Акаде-
мии архитектуры СССР, повсеместно
почтой и отделениями Союзпечати

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

ARCHITEKTUR der UdSSR

MONATSSCHRIFT DES VERBANDES
DER SOWJETARCHITEKTEN

Chefredakteur K. Alabjan

ADRESSE DER REDAKTION:
M O S K A U, GRANATNI STRASSE, 7

ZU BEZIEHEN DURCH:
MEZHDUNARODNAJA KNIGA
18 KUZNETSKI MOST, MOSKAU UdSSR

KOEHLE & VOLCKMAR A.-G. & Co,
RUSSLAND-ABTEILUNG, POSTFACH 173,
LEIPZIG C. I.

ARCHITECTURE of the USSR

MONTHLY MAGAZINE OF THE
ASSOCIATION OF SOVIET ARCHITECTS

Editor-in-chief K. Alabyan

EDITORIAL OFFICE:
M O S C O W, GRANATNI STREET, 7

SUBSCRIPTIONS ACCEPTED BY:
MEZHDUNARODNAYA KNIGA, MOSCOW,
USSR, KUZNETSKY MOST, 18.

FOUR CONTINENT BOOK CORPORATION,
255 FIFTH AVENUE, NEW YORK, N. Y.

COLLET'S BOOKSHOP, LTD.,
66 CHARING CROSS ROAD,
LONDON, W. C. 2

ARCHITECTURE de l'URSS

MENSUEL DE L'ASSOCIATION
DES ARCHITECTES SOVIÉTIQUES

Editeur en chef K Alabjan

RÉDACTION: 7, RUE GRANATNI, MOSCOU
ABONNEMENTS ACCEPTÉS PAR

MEZHDUNARODNAJA KNIGA,
18 KUZNETSKI MOST, MOSCOU, URSS